Мы смеёмся, чтобы не сойти с ума

Борис Михайлович Сичкин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Редактор **Емельян Сичкин**

- Борис Сичкин
  -

Борис Сичкин
Мы смеёмся, чтобы не сойти с ума

Предисловие автора

Дорогие друзья!

В книге встречаются нецензурные слова (много). Увы, они прочно вошли в современный русский язык, особенно разговорный, и передать без них прямую речь подчас практически невозможно. Заменять же их, как иногда делают, медицинскими терминами или буквами с пропусками бессмысленно, ну кто, например, скажет: "Пошел на пенис"? Если же написать "Эта старая б...ь", то возможны два варианта: или какая-нибудь чистая душа не поймет, что такое "б...ь", или обычная душа так и прочитает "Эта старая блядь".

В молодости я придумал такой анекдот.

Молодой человек женился, но после свадьбы жена его к себе не подпускает. Он в полном недоумении подходит к отцу жены и говорит:

— Послушайте, я ничего не понимаю. Я официально женился, прошло уже три дня, но ваша дочь меня не пускает в кровать, в чем дело?

— Ну, вы знаете, — отвечает отец, — мне самому неудобно, я попрошу жену, пусть поговорит с дочерью, все-таки две женщины.

Мать закрылась с дочерью в комнате, а отец подслушивает около двери.

— Чего ты ему не даешь? — спрашивает мать.

— Мама, ну как я могу ему дать: он же думает, что я девочка, а у меня были и Васька, и Петька, и Гришка...

— Дура, ты что, не знаешь, что делать: твой же отец тоже думал, что я девочка, а у меня были и Васька, и Петька, и Гришка...

— Ну, о чем они говорят, — в нетерпении спрашивает молодой человек.

— О чем, о чем... О чем могут говорить две бляди?!

Я объявил конкурс с денежной премией тому, кто сможет, сохранив юмор, заменить "бляди" на приличное слово; приз по сей день остался невостребованным.

Поэтому, держите книгу подальше от детей, медицинские термины ищите в медицинской энциклопедии, буквы с пропусками в кроссвордах и — получайте удовольствие.

Меня часто спрашивают, почему я, будучи популярным артистом, который хорошо зарабатывал, имел прекрасную трехкомнатную квартиру в центре Москвы, машину, дачу и пр., уехал?

В 1971 году меня по сфабрикованному обвинению посадили в Тамбовскую тюрьму. Впоследствии меня оправдали, дело было закрыто, работники прокуратуры наказаны, но до этого я просидел год и две недели в тюрьме, сыну в этой связи не дали поступить в Московскую консерваторию, в течение 2-х лет, пока длилось доследование, мне не давали работать, мое имя вырезали из титров фильма "Неисправимый лгун", в фильме "Повар и певица" меня озвучили другим актером и т.д. Короче, я понял, что страна игривая, в ней с тобой могут сделать все, что угодно, а особенно, учитывая, что у сына Емельяна — в меня — язык до щиколотки, который, как известно, доведет если не до Киева, то уж до тюрьмы точно, я решил удалиться от гнутой страны на максимально возможное расстояние. К счастью, после подачи заявления, если у меня и были какие-то сомнения по поводу принятого решения, то до боли родные, вездесущие подлость и хамство быстро их развеяли.

Мать моей жены с нами не уезжала, и, естественно, ее надо было обеспечить жилплощадью. Она была прописана с нами, но, поскольку оставаться одной в 3-х комнатной квартире ей бы не разрешили, я договорился на обмен — 2-х комнатная квартира с доплатой. Этот обмен должен был быть одобрен на собрании правления кооператива, членом которого я состоял. Первым взял слово Николай Рыкунин (возможно, некоторые помнят, был такой эстрадный «дуэт Шуров и Рыкунин). Он долго говорил о Родине, о неустанной заботе о каждом из нас партии и правительства, о совершенстве социалистического строя, о том, что покинуть такую Родину и такой строй может только человек неблагодарный, у которого отсутствует совесть и т.д. Кстати сказать, Рыкунин с пеной у рта, задыхаясь от ненависти к Советской власти, рассказывал мне, что его отец до революции был помещиком под Москвой, добрым, гуманным человеком, заботившемся о крестьянах, далеким от политики. Большевики его, естественно, расстреляли, а жену с грудным младенцем выслали в Сибирь, где она была вынуждена просить милостыню, чтобы не дать умереть маленькому Коле Рыкунину.

Выслушав речь Рыкунина, я мягко попытался объяснить, что речь идет не о неблагодарном Сичкине, а о благодарной теще, которая не покидает Родину и имеет право на жилплощадь. Из первого ряда встал похожий на отца Врубелевского Демона концертмейстер Большого Театра Гуревич. (Худая фигура,

изогнутая вопросительным знаком, крошечные злобные глазки и змеиные губы придавали ему особый шарм).

— Я не желаю присутствовать на концерте Сичкина! — выкрикнул он.

— Запретите ему говорить! Я, как патриот, не желаю выслушивать речи отщепенца и предателя Родины?

— Не надо так волноваться, патриот Гуревич, — обратился я к нему. — Кстати, какие погоды были в Ташкенте в начале войны?

Гуревич:

— Пошли вы на хуй.

—Я не могу никуда пойти — идет собрание.

- Вы против моей тещи, потому, что она русская? Гуревич онемел.

— Да, а во время войны какие погоды были в Ташкенте?

— Сичкин, идите к ебеней матери!

— Я же уже вам сказал: я никуда не могу пойти, пока не кончится собрание. Всем известно, что громче всех кричит "держи вора!" сам вор, но работники наших органов люди умные и опытные, им ничего не стоит определить, кто патриот, а кто враг. Судя по вашему фальшивому пафосу, вы, видимо, очень виноваты перед Советской Властью, но успокойтесь: советский суд — самый гуманный суд в мире, и чистосердечное признание, безусловно, смягчит вашу вину. О, совсем забыл, а в конце войны какие погоды были в Ташкенте? — закончил я под хохот собравшихся.

Больше всех суетился композитор Марк Фрадкин. В отличие от Рыкунина, который выступал, так сказать, бескорыстно, просто желая подчеркнуть свои патриотизм и лояльность, Фрадкин имел конкретные виды на мою квартиру и развернул активную деятельность еще до собрания: он обрабатывал членов правления, запугивая их тем, как может быть расценена помощь врагу народа, с именем КГБ на .устах ходил по квартирам, собирал подписи жильцов против моего обмена, короче, делал все, что было в его силах, чтобы помешать.

С Фрадкиным во время войны мы долгое время были в одной части, где он заслужил звание "самый жадный еврей средней полосы России". Впрочем, я думаю, это было явным преуменьшением, и он вполне был достоин выхода на всесоюзный, если не на международный уровень. Плюшкин по сравнению с ним был мотом. Покойный Ян Френкель, талантливый композитор и очаровательный человек, рассказывал мне, что Фрадкин постоянно уговаривал его зайти в гости, посидеть за рюмкой у его уникального бара. Один раз, когда они были около дома Фрадкина, тот его наконец зазвал, но при этом сказал:

— Ян, в баре все есть, но чтобы его не разрушать, а это произведение искусства — ты сам убедишься, купи бутылочку водки. Закуски навалом, но на всякий случай купи колбаски, если хочешь, сыра, ну, рыбки какой-нибудь и возьми батон хлеба.

В результате они сели у бара, выпили водку Френкеля, закусили его продуктами, а Фрадкин даже чая не предложил.

В свое время Фрадкин мечтал попасть к нам в кооператив по причине хорошего района и того, что он был дешевле других кооперативов, но собрание было категорически против, мотивируя это тем, что Фрадкин не артист эстрады, богат и может купить квартиру в любом другом кооперативе. Я в то время был членом правления, со мной считались, и, когда жена Фрадкина со слезами на глазах умоляла меня помочь им, я, по своей мягкотелости, не смог отказать и уговорил правление проголосовать за Фрадкина. Позже история повторилась с их дочерью, Женей, которая тоже хотела жить в нашем кооперативе. Оба раза члены правления говорили, что они голосовали не за Фрадкина, а за меня.

Возвращаясь к нашему собранию, Фрадкин его закончил, коротко и по-деловому резюмировав:

— Товарищи, нам надо решить вопрос об обмене Сичкина, в связи с тем, что он бросает нашу Родину, плюет на все то, что сделала для него эта страна и хочет выгодно переметнуться на Запад. Нас он просит в этом ему помочь. Давайте голосовать.

Почти все русские, включая членов партии, проголосовали за меня, а все евреи, которых было большинство, против. В результате тещу выгнали из квартиры, а я получил огромное моральное удовлетворение — еду правильно.

Как я выяснил, в ОВИРе существовало негласное правило пять раз не принимать анкеты под предлогом того, что они, якобы, неправильно заполнены. Поэтому я пришел в ОВИР и сам сказал, что, чувствую, анкеты неправильно заполнены; лучше будет, если я их перепишу и приду завтра. Служащая ОВИРа улыбалась, кивала, и так пять раз. На шестой день у меня приняли документы, и после всех положенных дальнейших мытарств, 23 мая 1979 года мы прибыли в аэропорт "Шереметьево", откуда должны были вылететь в Вену. По дороге в аэропорт мы проехали мимо огромного плаката с изображением Ленина в кепке, с прищуренными глазами и поднятой в приветствии рукой, который гласил: "Верным путем идете, товарищи!", а в самом "Шереметьево" нас встретил транспарант: "Отчизну я славлю, которая есть, но трижды, которая будет!"

Рейс на Вену все время откладывался — то в связи с вылетом комсомольской делегации в Индию, то профсоюзной делегации в

Мексику, то партийной делегации в Китай. Я услышал, как один еврей сказал другому:

— Слушай, если они все уезжают, давай останемся.

На таможне меня попросили открыть чемоданы, все переворошили и не разрешили вывезти две подушки и несколько простыней по 2 р. 40 коп. Чемоданы мне укладывал мой сосед Саша Гагкаев, обаятельный человек с огромным чувством юмора, который сидел в отказе из-за сходства фамилий с каким-то Какаевым, к которому родители имели материальные претензии. Когда Сашино дело, наконец, попало наверх к генералу ОВИРа, и тому объяснили, что это ошибка, генерал флегматично произнес "Какая разница, кто в отказе", — и Саша застрял в Союзе. В конце концов, оригинальный Какаев, вероятно, расплатился с родителями, и Саша, талантливый архитектор, сейчас с семьей живет в аиле. Воспроизвести Сашину ювелирную упаковку не удавалось, в чемодан входило не более ..вины содержимого. Я выбросил два одеяла, подушку, но все равно огромное количество барахла свешивалось по краям. Тогда я плюнул, кое как закрыл чемодан, взял ножницы и отрезал все, что торчало. Как позже выяснил, в том числе я отрезал рукав от костюма и манжеты двух рубашек.

Как и все остальные, мы не сомневались, что нас встретят по-праздничному и соответственно оделись: костюмы, галстуки, а жена в длинном платье. В Вене стоял один еврей с лицом дамского портного из Конотопа, в задрипанных штанах коротенькой рубашонке, которая ему, вероятно, досталась в наследство от дедушки, заведующего магазином "Утильсырье". Он вяло на нас посмотрел и сказал с заблатненным еврейским акцентом:

— Кто в Израиль, встаньте направо, кто в Америку — налево. В Израиль направлялись две дряхленькие старушки, которые по возрасту могли присутствовать при закладке московского Кремля, а все рыцари, джигиты, жлобы, которые одним своим видом могли украсить израильскую армию, направлялись в Америку на вэлфер.

— Хорошо, — сказал портной, обращаясь к старушкам.

— Мы сейчас с вами под усиленной охраной поедем в специально укрепленный особняк, а за этими придет автобус и отвезет их в гостиницу.

На вопрос кого-то из нашей группы, почему нет охраны для тех, кто едет в Америку, он отмахнулся: "Кому вы на хуй нужны!" — и все успокоились, почувствовав себя в безопасности.

Возле гостиницы, а вернее, общежития, куда нас действительно привез автобус, нас встретил второй

"дипломатический представитель", ярко выраженный жлоб, который заявил:

— Я беру вашу водку, икру и шампанское. Не бегайте по ресторанам — больше вы нигде не получите. И не тяните кота за яйца, устроитесь потом, а сейчас выкладывайте товар.

У меня появилось ощущение, что я не выходил из тамбовской тюрьмы. И этим персонажам кунсткамеры предоставили первую связь с иммигрантами! Я решил разрешенную вывезти водку, шампанское и икру не продавать, а устроить праздник освобождения. И врезали!

Вена красивый ухоженный город, тротуары моют с мылом, чем-то, как в хорошей больнице и тихо, как на кладбище. Люди никуда не торопятся, не нервничают, на лице тихое блаженство, машины не гудят, пешеход может остановиться посередине улицы и читать книгу, и все водители будут спокойно ждать, пока он не дочитает до конца. Такое впечатление, австрийцы (венцы) умерли и попали в рай — никакой жизни, никаких эмоций. Если они так себя ведут и в постели, их половой акт может длиться вечность.

Первое, что я сделал в Вене, это отправил вызов Фрадкину и в придачу к нему письмо следующего содержания:

"Дорогой Марик!

Все в порядке, вся наша мишпуха уже в Вене, все удалось провезти и твое тоже. Как ты правильно сказал, таможенники такие же тупые, как вся вонючая советская власть и бигуди осмотреть не догадаются. Так и вышло, только у Симы очень болит шея, все-таки каждый весил три кило. Пусть Рая до отъезда тренирует шею, у тебя шея, конечно, покрепче, но ты ж в бигудях не поедешь. Как нам сказали, в Америке иконы сейчас идут слабо, а ты знаешь, израильтяне из голландского посольства совсем обнаглели и хотят за провоз 20 процентов.

Марк, вот прошло, казалось бы, всего несколько дней, а мы уже очень соскучились. Все со слезами на глазах вспоминают твое последнее напутствие: "Я рад и счастлив за вас, что вы покидаете эту омерзительную страну, кошмарное наследие двух мерзких карликов: картавого сифилитика Ленина и рябого параноика Сталина. Дай вам Бог!" А как мы смеялись на проводах, когда ты сказал, что был и остаешься убежденным сионистом, а все твои якобы русские песни на самом деле основаны на еврейском фольклоре, сел за рояль, начал их одним пальцем наигрывать и объяснять, из какого синагогиального кадиша они взяты... Короче, ждем тебя и Раю с нетерпением, дай Бог, уже скоро.

Крепко обнимаем, целуем Арон, Пиля, Сима, Двойра и Ревекка".

Как мне впоследствии сообщил конферансье Борис Брунов, Фрадкин тут же побежал в КГБ и начал клясться, что у него нет

икон и валюты, и он никуда не собирается ехать. Там (еще раз) прочитали письмо и, пытаясь сохранить серьезное выражение лица, посоветовали успокоиться, его никто ни в чем не обвиняет, многие получают вызовы, но если он не и собирается уезжать, ему не о чем волноваться. Фрадкин, тем не менее, был в панике, жена Рая на нервной почве начала курить.

Забегая вперед, второй вызов и письмо, но уже на адрес домоуправления "для Фрадкина" и якобы от другого лица я послал из Италии и третье, на адрес Союза Композиторов РСФСР Родиону Щедрину для Фрадкина из Нью-Йорка.

Второе письмо:

"Привет, Марик!

Сразу по делу: твою капусту и рыжье получил, но с летчиками больше в долю не падай — они засветились. Канай в Севастополь, свяжись с кентами и попробуй зафузить моряков атомных подводных лодок. Как договаривались, я откусил три косых, остальное твое, тебя ждет. Антиквар превращай в зелень, его не втырить и могут закнокать. Вообще, ходи на цирлах, подальше от катрана, шныров и козырных — тебе сейчас самое время лепить темнуху. Учти, телефон прослушивается — ботай по фене. Слыхал парашу, как ты вертухаям туфту впаривал — все правильно, пока не откинешься, хиляй за патриота. Вся маза тебя ждет, на любой малине будешь первым человеком, братва мечтает послушать в твоем исполнении песни Шаинского. Поменьше пей и чифири, а то, что Рая шмалит дурь, не страшно — главное, чтоб не села на иглу. Бывай, до встречи. Валера".

Фрадкин потерял сон, не помогали сильнейшие снотворные, снова побежал в КГБ, потом в домоуправление, ходил по квартирам, бился в судорогах и кричал, что он не имеет к этому никакого отношения, а все это провокации Сичкина. Рая курила одну за одной и дошла до 4-х пачек в день. В КГБ хохотали до слез и с нетерпением ожидали следующего письма и очередного визита идиота.

Письмо третье:

"Здравствуй, дорогой Марк! Прости, что так долго не писали, но сначала хотели чить товар, чтобы ты был спокоен. Слава Богу, все jo, все контейнеры прибыли, с аргентинцами читались, так что ты уже в порядке: даже за один эйнер Рая спокойно может открыть массажный салон, а блядей среди иммигрантов навалом. Вообще, если ты сможешь переправить хотя бы 25 процентов своего состояния, то до конца жизни здесь будешь купаться в золоте. Если ты еще не обрезан, то здесь можно устроить за большие деньги: все иммигранты придут посмотреть на обрезание композитора Марка Фрадкина. Свою коллекцию порнографии не

вези, здесь этого добра полно, оставь Жене. Да, и скажи ей, чтобы хотя бы до вашего отъезда перестала фарцевать — береженого Бог бережет. Марик, мой тебе совет: пока ты в Союзе, учи нотную грамоту и хотя бы чуть-чуть гармонию — там ты можешь напеть мелодию, и "негр" ее тебе записывает, а здесь негров много, но все они такие грамотные, как ты.

У нас все хорошо: молодые получают вэлфер, старые — пенсию, а бизнесы на кеш. Английский можешь не учить, он здесь не нужен: на Брайтоне все на русско-еврейском жаргоне с одесским акцентом, а то, что у тебя первый язык идиш — огромный плюс. Тебя вся помнят и ждут, а твою знаменитую шутку: "Если бы Фаня Каплан закончила курсы ворошиловского стрелка, мы намного раньше избавились бы от этого картавого фантаста", — здешние артисты читают со сцены.

С нетерпением ждем встречи,

Зай гезунд апдетер Мотл Фрадкин!

Целуем

Наум, Фира, Бася, Абрам и тетя Рахиль!

P.S. Будете ехать, пусть Рая не глотает камни — Соня так и не просралась!"

В Союзе я курил "Яву", к которой привык; сигареты разрешали вывозить по 10 пачек на человека, и я с ужасом думал, что буду делать, когда они кончатся.

Когда я закурил "Яву" в Вене на остановке автобуса, стоявшая очередь позеленела и зашлась в кашле, мухи дохли и камнем падали вниз, а стоявший неподалеку военный, почувствовав дым сигареты, побледнел, уверенный, что началась химическая война. Думаю, если бы таможня знала о действии советских сигарет на загнивающий Запад, они бы заставляли ящиками их вывозить с целью мести зажравшимся капиталистам.

Прожив в Вене две недели, нас поездом отправили в Италию. В отличие от Австрии Италия по темпераменту напоминала большую одесскую коммунальную квартиру. В Риме жизнь пешехода под угрозой не только при переходе улицы, но и на тротуаре. Итальянцы на своих разбитых машинах мчатся, не разбирая дороги и не обращая ни малейшего внимания на светофоры и дорожные знаки. Из одной проезжающей машины меня облили водой и умчались под оглушительный хохот сидящих в автомобиле. Такой тонкий, ажурный французский юмор. Сначала мне хотелось их застрелить, но потом я пришел к выводу, что лучше такое веселое хамство, чем жизнь в спокойном венском кладбищенском склепе.

Из Рима мы приехали в Остию — маленький городок на берегу моря. Квартиры дорогие, денег мало, но мой сын Емельян

проявил инициативу и вскоре гордо сообщил, что снял маленькую квартирку около самого моря, деньги уже внес и можно вселяться. Это оказалось подвальное помещение пещерного типа. Влажные с подтеками стены ничуть не смущали мокриц, одна группа которых поднималась наверх, а другая чинно спускалась вниз. Сразу чувствовалось, что мокрицы хорошо воспитаны, с высшим образованием. Присмотревшись, я разглядел безупречные балетные па и, как балетмейстеру и профессиональному танцовщику, мне не составило труда узнать танец ансамбля "Березка". К сожалению, единственная тусклая лампочка не позволяла полностью насладиться спектаклем. Впрочем, едва мы погасили и легли слать, мокрицы прекратили танец вместились нам на лица. Это почему-то отвлекло меня от сна, и я выскочил из подвала, как из горящего танка. Вслед за мной выскочила Галя, и только Емельян, как Зоя Космодемьянская, стоял, вернее, лежал, насмерть.

Я понял, что свою судьбу нельзя доверять другому и на следующее утро договорился с хозяином, который пошел мне на встречу и любезно предоставил двухкомнатную квартиру в этом же доме сумасшедшие деньги. Мы перебрались, открыли чемоданы и стали раскладываться. Когда я открыл шкаф, то обнаружил, что на меня в упор смотрят несколько сот огромных черных тараканов. Обратная сторона шкафа снизу доверху была покрыта их братьями и сестрами. Большие — майские жуки на их фоне выглядели комарами — с грузинской талией и запорожскими усами. Жена ничего не сказала, но по глазам я понял, что она не любит нецензурных слов, если она сейчас откроет рот, можно будет составить полный энциклопедический словарь шахтерского мата. Емельян мягко улыбнулся.

Я пошел в магазин, на последние деньги купил всевозможные средства от тараканов и опорожнил первую бутылку спрея прямо им рот. Они взбодрились и сладко облизнулись. Как я понял, их давно этим кормили, они привыкли и полюбили это лакомство. Другая бутылка с надписью «смерть» их явно развеселила, это средство, вероятно, шло, как французский коньяк. Кроме того, я заметил, что их стало значительно больше — наверное они пригласили соседей на неожиданный банкет. Они хорошо выпили, плотно закусили, немного попели и перешли на массовые пляски. Я не выдержал, взял сковородку и пошел в рукопашную, но силы были не равны, у тараканов оказались неисчерпаемые резервы.

В конце концов я подумал: они же бьются за правое дело, это их родина. Не они к нам пришли, а мы к ним. Оставил их в покое, и мы с ними жили душа в душу, как и весь итальянский народ.

В Италии я пошел на стриптиз и получил громадное удовольствие, но не от стриптиза, а от итальянских зрителей. Началось все, как обычно: вышла женщина, чувствовалось — не девушка, а мать, но фигура приличная, и начала под музыку раздеваться. Сняла накидку, перчатки, кофту, бюстгальтер, метражно, в смысле долго, снимала трусы. Наконец она осталась совсем голая, лишь томно прикрывая рукой низ живота. Музыка стихла, зал замер. Раздалась нарастающая барабанная дробь, такая, как в цирке для создания напряжения звучит перед исполнением смертельного номера под куполом цирка. С последними звуками крешендо женщина жестом триумфатора убрала руку — и зал взорвался криками восторга и шквалом аплодисментов!

Я несколько раз ходил на этот номер, но смотрел не на исполнительницу, а на зрителей и хохотал до слез. При звуках барабанной дроби у меня начинались колики.

В Остии жило много иммигрантов — одесситов. Одесситы влюблены в свой город Одессу, и сам факт рождения в нем воспринимают, как высокую правительственную награду, печать, исключительной избранности. Писатель Аркадий Львов, выступая по русскому телевидению, заявил: "Валентин Катаев говорил, что его бабушка была одесситка, а я вам скажу, что не бабушка, а я сам коренной одессит — чем, надо понимать, в какой-то мере дискредитировал творчество Катаева и расставил точки — кто есть кто. Завести одессита ничего не стоит. Однажды я ехал в Одессе в трамвае и громко начал восторгаться городом. Вокруг меня тут же собралась приличная, полностью со мной согласная аудитория. Кто-то пожалел, что я пропустил цветение каштанов, другой посоветовал прогуляться по набережной вечером и т.д. Я благодарил, продолжал восхищаться красотой города и под конец мечтательно произнес: "Да, ну что говорить, Одесса... Ей бы еще Днепр..."

— Шо, шо, шо? — послышалось со всех сторон.

— Днепр?! Какой Днепр, эта лужа?! Зачем Одессе Днепр, у нас Черное море?

— Да, но все-таки Днепр — это поэтично. Редкая птица долетит до середины Днепра.

— Да зачем этой курве туда лететь, что она там забыла? О чем Вы говорите, Одесса курорт, зачем ей болото, когда есть море?

Я постепенно дал себя уговорить, страсти затихли, я соглашался:

— Да, вообще-то, конечно. Черное море есть Черное море, с ним ничего не может сравниться — и для курорта незаменимо...

— и через паузу:

— Ей бы еще Днепр, — и, пока никто не сумел сориентироваться, выскочил на остановке, на ходу крикнув:

— С Днепром Одесса была бы не хуже Харькова!

В Остии иммигранты, в том числе одесситы, собирались около почты. Я подошел и начал возмущаться:

- Приехал из Рима, получил в ХИАСе пособие и узнал, что москвичам и ленинградцам будут платить на процентов больше, чем бывшим жителям других советских городов: Одессы, Кишинева, Харькова и т.д.

- Как?! Что?! — послышались возмущенные голоса.

— Сам ничего не могу понять. Говорят, мол, у жителей маленьких провинциальных городов, таких как, например, Одесса соответственно меньше запросы, чем у людей столичных — москвичей и ленинградцев.

- Маленьких?! Провинциальных?! Это у нас-то маленькие запросы?!!

— Да я полностью согласен! Сам-то я из Москвы, меня это не касается, но что это такое — мы все иммигранты, все в равном положении, а они говорят, что нельзя же сравнивать высокий культурный уровень москвичей и ленинградцев с примитивностью жителей глубинки, захолустья, типа одесского.

Это их доконало, мы поехали в Рим и возмущенной галдящей толпой ввалились в ХИАС. В воздухе густо стоял русский, еврейский и свежевыученный итальянский мат. Перепуганная девушка, работница ХИАСа, говорила только по-английски и вызвала переводчика, тоже нашего иммигранта.

Переводчик, мужик с юмором, сначала был в полном недоумении, но потом увидел в толпе меня, и в его глазах зажглась искра понимания.

— Господа, — обратился он к толпе. — Я понимаю ваше возмущение, но давайте не будем кричать все сразу; выберем представителя, ну, например, Бориса Сичкина, как москвича и нейтральное лицо, и позвоним в Нью-Йорк, чтобы решить вопрос непосредственно с центральной властью.

Все согласились, мы с переводчиком зашли в кабинет, рассказали друг другу пару анекдотов, я вышел и объявил, что все в порядке — вопрос урегулирован, и всем будут платить поровну.

После этого Остия бурлила еще пару недель, и все были благодарны Сичкину, который сумел предотвратить чудовищную несправедливость.

Одним из развлечений в Остии было посещение кинотеатра. Хозяин кинотеатра, хороший мужик, пожаловался мне, что дела идут плохо, и я решил ему помочь. На этой неделе шел фильм

"Девушка моей мечты", в котором есть сцена, где красивая актриса Марика Рокк купается, сидя в бочке. Никакой обнаженной натуры и сексуальности в этой сцене, если не считать бочку не было, но я подошел к почте и завел разговор о фильме:

— Красивая все-таки баба, грудь совершенной формы, и когда она спокойно, без ханжества выходит из бочки...

Меня перебили, все этот фильм уже видели и выхода Марики из бочки не заметили.

— Значит, пропустили, — сказал я, и вся шарашка, человек 70, побежали смотреть ее выход из бочки. Марика из бочки, естественно, не вышла, о чем мне и сообщили.

— Вы что, меня разыгрываете? — удивился я.

— Ну хорошо, пойду посмотрю еще раз.

На повтор фильма я, разумеется, не пошел, что не помешало мне снова в красках описывать длинные ноги, девичью грудь и совершенные линии ягодиц.

— Ничего понять не можем, — сказали они. — давай рванем еще раз, — и пошли. Результат тот же - голая баба не хотела выходить из бочки.

— А, понял, — сказал я. — Вероятно у них есть два варианта: один, дневной, когда идут дети — тогда они ее не выпускают из бочки и второй, вечерний — для взрослых.

— Хорошо, пойдем на последний сеанс.

К этому времени вокруг бочки уже был нагнетен ажиотаж: пошло человек двести. Излишне говорить, кроме бочки они ничего не увидели, и я пошел, якобы, к директору выяснять в чем дело. Вернулся и сообщил, что механик принял их за какую-то важную делегацию и перестраховался, пустив дневной вариант, но завтра на последнем сеансе он пустит вечерний вариант, причем прокрутит эпизод выхода из бочки дважды, второй раз рапидом.

На следующий день зал был забит до отказа, но Марика Рокк упорно сидела в бочке. Зал дрожал от ругательств и проклятий в адрес бочки. Когда я рассказал хозяину кинотеатра про бочку и голую бабу, он хохотал, целовал меня и говорил, что я ему спас квартал.

Иногда мне снились кошмары: якобы я снова в Москве, но при этом каким-то образом иммигрировал, об этом пока никто не знает, но когда узнают... Короче был в положении героя Ильфа и Петрова, которому снилась советская власть с ее горкомами, обкомами и их представителями. Однажды во сне я услышал "Интернационал". Меня передернуло, я попытался отогнать эту кошмарную песенку, но пение становилось все громче, и я понял, что это наяву, мир до основанья мы разрушим..." "кто был никем,

тот станет всем..." Под этот устрашающий текст я вышел на улицу и увидел, что весь парк напротив забит людьми с красными знаменами, стоит трибуна, с которой какой-то хмырь с горящим взором обличает пороки капитализма, а толпа дрессированных идиотов бурно ему аплодирует. После хмыря на трибуну поднялась девушка в белой униформе, посетовала на тяжелую жизнь медсестер в Италии, потребовала, чтобы итальянским медсестрам бесплатно выдавали мясо, масло, молоко и хлеб, как это происходит с их советскими коллегами и под конец развернула транспарант: "Мы хотим жить, как живут медсестры в Советском Союзе". Я подошел и сказал, что в Советском Союзе медсестры член без соли доедают... — Правильно делают, — серьезно ответила она. — Соль есть вредно.

Я послал ей воздушный поцелуй.

В Италии я в качестве гида ездил с иммигрантами в туристические поездки по югу и северу. В отличие от других профессиональных экскурсоводов я понятия не имел о предмете и нес от фонаря абсолютную ахинею, типа того, что вулкан Везувий так назван по имени старого еврея, который никак не мог ужиться с такой же старой курвой Помпеей; в результате Везувий рассердился, и Помпея фраернулась со здоровьем.

Выяснилось, что иммигрантам именно это и надо, они от души хохотали и предпочитали именно мои экскурсии. В поездках на юг особенной популярностью пользовался Неаполь из-за существовавшей в нем толкучке, на которой иммигранты продавали фотоаппараты, часы, самовары, матрешки и прочее привезенное барахло. Среди них выделялся маленький еврей, который с важным видом ходил с лотком, на котором были разложены бритвенные лезвия "Нева" и советские презервативы. Лезвиями "Нева" можно было резать только воду, а в советском презервативе получаешь удовольствие только когда он рвется, что, слава Богу, случается очень часто, тем не менее именно у него не было отбоя от покупателей.

Видимо, покупатели, учитывая полное отсутствие функциональности названных предметов, не сомневались, что перед ними ценные произведения абстрактного искусства.

17 августа 1979 мы вылетели в Нью-Йорк. В самолете я зашел в радиобудку и, обратившись к иммигрантам, сказал, что есть пленка с записью Леонида Ильича Брежнева и затем голосом Брежнева пожелал всем счастья и удачи на американской земле. Я думал, что все оценят шутку, но вернувшись в салон увидел растроганные лица:

— Какой все-таки чуткий человек, не обижен на нас, а, наоборот, желает счастья.

Я не стал их разочаровывать, и многие до сих пор уверены, что им пожелал удачи Леонид Ильич Брежнев.

И вот я в Нью-Йорке. Живу в самом престижном районе — ни одного белого. В Америке есть богатые люди и люди, живущие за чертой бедности, а я живу на черте, ни туда и ни сюда — и прекрасно себя чувствую. Богатые навешивают на дверь сто замков, и все равно их грабят, а я держу дверь открытой: может, воры зайдут и по рассеянности чего-нибудь оставят.

Виктор Шульман

Когда по приезде в Америку я впервые увидел в газете огромную тупую морду, глядя на которую сразу хотелось начать на ней (морде) сеять квадратно-гнездовым способом, я не сомневался, что внизу будет надпись "Обезвредить преступника". Оказалось, что морда была помещена на анонсе к предстоящему концерту Виктора Шульмана. Забегая вперед, в Израиле мне довелось услышать выступление Шульмана, и, как говорят одесситы, это было что-то особенное. Я слышал разную мелодику речи — одесскую, кавказскую, украинскую, среднеазиатскую, но мелодика речи Шульмана... Я попытаюсь ее передать, используя знаки препинания, но это надо слышать. После объявления "Сейчас я вам спою песню со второй стороны моего седьмого диска" Шульман поет песню, в которой есть такие слова: "Но если, тетя, мы сумели жить в России, то здесь мы, тетя, тоже проживем". Звучало это так:

— Но если тетя (не обращение "но если, тетя", а что-то повествовательное, связанное с тетей, типа "но если тетя хорошо готовит"), — в то время, как публика ждет рассказа о тете, голос Шульмана снижается до таинственного шепота и он невнятно бормочет:

— Мы сумели жить в России, — голос артиста крепнет, в нем появляется комсомольский задор, и он выкрикивает лозунг.

— То здесь мы — тетя! (что значит: "здесь мы — тетя?" — недоумевает зритель. "Вы что, оба — тетя? Ну, она и там и здесь тетя, а ты?")

— Тоже. (Точка, утвердительно) — стоит на своем Шульман. И через паузу:

— Проживем?

Такая вот актерская работа.

Подразумевается, что Шульман — еврейская фамилия, но я не сомневаюсь, что это псевдоним: на его фоне Симон Петлюра выглядит, как благообразный патриархальный местечковый еврей.

После смерти знаменитого импресарио Сола Юрека Шульман решил взять дело в свои руки, но, в отличие от Юрека, его

страшно раздражала необходимость платить артистам какие-то деньги, и он всеми силами пытался этого избежать. Крайне не любил артистов, которых ему не удавалось обмануть; так, в частности, бесконечно говорил гадости о Володе Высоцком, который, будучи предупрежден, потребовал платить ему перед выходом на сцену за каждый концерт, а не после окончания гастролей. Вскоре после моего приезда Шульман мне позвонил и предложил гастроли — 80 долларов за концерт плюс питание. Подмывало спросить: Ты что, охуел?", но я ограничился тем, что сказал: "Сорри, но я не ем джанк и плачу рабочему сцены не 80, а 200 долларов". Шульман тут же начал заниматься мелкими гадостями, мешал мне организовывать концерты, выкупал зал и т.д. Впоследствии я все же поехал с Шульманом в Израиль — очень хотелось посмотреть страну, а никаких связей у меня там не было — и это оказалось крупнейшей ошибкой: помимо того, что я фраернулся с деньгами, у меня еще украли весь реквизит. За реквизит отвечал Шульман, но... Шульман говорил, что он закончил две консерватории (мало того, что это невозможно — с дипломом одной консерватории во второй просто не примут документы, но зачем?) — московскую и свердловскую, однако, когда я ему дал ноты куплетов Бубы Касторского, он их положил в сторону и сказал: «Лучше напой — я слухач». На самом деле нотный стан у Шульмана ассоциируется с местом, куда кладут ноты, а гармония – с саратовской гармошкой. Администратор Павел Леонидов посвятил Шульману эпиграмму:

Виктор Шульман миллион
Сгреб. Живет на взморье
Потому что кончил он
В две консерватории

Когда я был в Москве, очаровательная женщина и великолепная актриса Аросева позвонила мне и спросила, имеет ли смысл связываться с Виктором Шульманом для проведения концертов.

- Несомненно, — ответил я. — Если хочешь покончить жизнь самоубийством, но не хватает силы воли. Еще ни один артист живым из поездок с Шульманом не возвращался.

Я долгое время ничего не слышал о Шульмане, и недавно в среде творческой эмиграции разнеслась радостная весть: Шульман привез на гастроли цирк, но гастроли сорвались, т.к. медведь укусил Шульмана за жопу. Увы, радость была преждевременной — как выяснилось, не медведь Шульмана, а Шульман, когда медведь, не желая с ним разговаривать, демонстративно повернулся к Шульману спиной, укусил медведя за жопу, и медведю до сих пор делают уколы от бешенства.

Несколько слов о ностальгии

"Еврейский дух слезой посолен,
душа — хронически болит;
еврей, который всем доволен –
покойник или инвалид".

Игорь Губерман

Я раньше не сомневался, что этой болезнью, ностальгией, страдают только русские. Выяснилось, что здесь, в иммиграции, евреи по ностальгии побили все рекорды. Страдают тупо и раздражают всех окружающих. Помню, еще в Италии, где мы проходили иммиграцию, в Остии около почты стояла группа иммигрантов и обсуждала меру страдания, которую они готовы вытерпеть, чтобы вернуться обратно в Союз: босиком по стеклам, в тюрьму, 10 лет готов отсидеть, но зато на родине...

И это не прошло и месяца, как они уехали. Кто же вас гнал?! Вы же все эти желания могли удовлетворить дома в спокойной обстановке. Встал с утра, походил немножко по стеклам, потом сел в автобус, поехал в одесский аэропорт. Там постоял, сошел с ума от счастья, тебя привезли в больницу, 15 кубиков аминазина в задницу, немного оклемался — опять по стеклам. Ну, а уж насчет тюрьмы — это желание удовлетворялось с гарантией. "Ничто Родину заменить не может. Наш дом там", — бубнят они с угрюмым трагизмом.

Вообще-то Родина — это место, где ты родился. Моя жена Галя страшно тоскует или делает вид, что тоскует, по родине. Галя украинка, родилась и выросла на Украине, там стала балериной, танцевала в киевском театре и т.д., но тоскует она не по родной хате и не по Украине милой, а по Москве. В отличие от Гали, ее мама еще в Москве действительно скучала по родине: "Хата... во дворе шелковица... коза белая... безрогая... Машенька", — мечтательно говорила она, любовно поглаживая бюстик Тараса Григорьевича Шевченко. И я купил ей хату в Лисовичах. Во дворе шелковица. Нашел козу — белую безрогую. И надо же случиться — Машенькой звали. Выдержала Мария Ивановна там ровно год. В один прекрасный день она появилась на пороге нашей московской квартиры налегке, бросив хату и, надо думать, от отвращения оставив там все вещи.

— Мария Ивановна, а как же хата?

— Шоб вона сказилася, — по привычке еще на украинском ответила теща.

Впоследствии я заговаривал:

— Мария Ивановна, тут в Тараще продается хата... Во дворе шелковица...

- Ой, Борис, — вздрагивала теща, и в глазах у нее светился

певучий украинский мат.

Я знаю актрису, которая родилась в Союзе в тюрьме. По определению тюрьма, вернее лагерь, в котором она родилась — это ее родина. Сейчас она в эмиграции и, надо сказать, по родине не скучает, встретил одного уголовника, который в Союзе в тюрьме резал себе вены. Я готов все отдать, только бы вернуться, — говорит он.

- А что, в Америке тюрьмы хуже?

-— Причем тут тюрьмы?

— А при том, что, вернувшись, ты не будешь работать программистом, а будешь воровать. А там — это вам не здесь в Америке. Там официально работают 9 миллионов сотрудников милиции и ОБХСС, плюс все население стучит друг на друга. Не зря Павлика Морозова сделали героем. Так что едешь ты, считай, прямо в тюрьму. Чего же ты себе вены резал, если тебе там так хорошо?

В Америке наши иммигранты, слава Богу, не все, считают своим долгом ее ругать.

"Продукты здесь невкусные, одна химия".

Совершенно верно (там, кстати, тоже химия, те же пестициды, гербициды и нитраты, причем в значительно больших количествах, только, в отличие от Америки, никому об этом не говорят). Есть невкусные, помидоры в супермаркете резиновые, многие продукты действительно — сплошная химия. Вот только в Америке ты можешь купить продукты всех стран мира, включая вкусные и без химии, и в любом самом захудалом районе есть магазин здоровой пищи, где продаются только натуральные продукты без следов какой-либо химии. В Америке, кстати, самые строгие в мире правила, касающиеся качества продуктов, и если ты видишь ярлык "органический", это означает, что, по меньшей мере, в течение последних трех лет на земле, где были выращены эти овощи и фрукты, пасутся коровы и т.д. не употреблялись никакие химические удобрения, и сами коровы, телята, куры едят натуральные продукты, а не комбикорм, не говоря уже об антибиотиках и гормонах. В витрине одного магазина я увидел такую вывеску: "Наши куры ходят своими ножками и клюют то, что они хотят".

Кстати, в Союзе, если я выпивал 500 грамм водки, опьянение было мрачное, на всякий случай от туалета далеко отходить не стоило, и потом еще два дня болела голова. А здесь рванешь грамм 700-800 — настроение певческое, становишься галантным* ищешь женщину, а голова наутро, как у Альберта Энштейна.

Любимая фраза многих иммигрантов: "Американцы все тупые". Мне все время хочется их спросить — какие американцы?

Как правило, круг общения с американцами тех, кто это говорит, начинается и заканчивается на продавце в супермаркете. Плюс стандартный иммигрантский английский язык. Набор незатейлив: моргидж, паркинг, шапинг и мат в совершенстве. Как вы ухитрились определить степень тупости американцев, если вы их понимаете с пятого на десятое и сами двух слов связать не можете?

Вообще я заметил, что уровень тупости американцев обратно пропорционален знанию иммигрантом языка - по мере улучшения английского языка американцы начинают стремительно умнеть.

Моя жена за 20 лет в Америке запомнила 5-7 английских слов. К сожалению, запомнив эти слова, она забыла запомнить их значение, но, тем не менее, старается как можно чаще вставлять их в разговор. Например, Галя говорит по телефону с американкой, знающей еще и русский язык, говорит с ней по-русски, поздравляет ее с праздником и заканчивает:

— Мери, мы вам очень благодарны, от всей нашей семьи вам огромнейший шарап! У меня есть близкий знакомый, бывший в Москве знаменитостью, который научился извлекать из ностальгии практическую выгоду. При встрече он всегда говорит, что мы зря сюда приехали, американцы тупые, бабы не те, демократия надоела и далее по теме. О водке, правда, ни одного плохого слова - видно, хорошо идет. И вот за все эти недостатки, считает он, Америка должна платить. Причем именно ему. Сумму пенсии, которую Америка ему платит неизвестно за что, он считает возмутительной и разницу покрывает в супермаркетах, переводе это означает, что берет в супермаркете он основном дорогие продукты, но платит только за дешевые. Несмотря на импозантность — густая седая грива волос, благородная осанка, гордая посадка головы — его периодически ловят. Он пытался менять супермаркеты, но его уже знают практически во всех, однако он настолько уверовал, что Америка перед ним вечном долгу, и вынесенные из супермаркета продукты даже близко этот долг не покрывают, что, когда его ловят, он не только не краснеет и смущается, но искренне возмущается наглости тех, кто пытается лишить его того, что он считает законным, хотя и явно недостаточным бенефитом. Заставить его заплатить за украденные продукты или оставить их в супермаркете — исключено.

Я лично присутствовал при такой сцене. Мы в супермаркете. Он ставит перед кассиром пакет молока, дюжину яиц, платит несколько долларов, идет к выходу, но его останавливает менеджер:

— Простите, но вы взяли орехи, а за них не уплатили.

— Конечно не уплатил, у меня нет денег.

— Тогда зачем вы их взяли?

— Сын любит орехи.

— Я понимаю, но если нет денег, тогда не надо брать орехи.

— Так что, сын останется без орехов? Вы думаете, о чем вы говорите?!

— Вы взяли не только орехи. Вы взяли шоколад...

— Сын любит шоколад.

— О Господи! Вы взяли лососину, маслины, каперцы...

— Все правильно, я готовлю рыбную солянку.

— Вы не уплатили за лососину...

— Естественно, я и не собираюсь платить.

— Вы не заплатили за маслины и каперцы, хотя они стоят копейки.

— Я же вам человеческим языком объясняю — у меня нет денег.

— Если нет денег, не надо было их брать, — с безнадежными нотками повторяет менеджер.

— Он, что, тупой? — обращается к толпе в супермаркете. — Ты что, тупой? Ну, ты думаешь? Как же можно приготовить солянку без маслин и каперцев?! Какие же все-таки американцы тупые!

— Надо или заплатить за продукты, или оставить их в супермаркете, — делает последнюю попытку менеджер.

Мой знакомый некоторое время молча смотрит на нахала-менеджера, не в силах поверить в происходящее, и восклицает:

— Да если бы я знал, что здесь такой бардак, я вообще мог остаться в Европе!

Отодвигает менеджера в сторону и удаляется, дыша благородным негодованием.

Со временем супермаркеты смирились с его существованием и стали воспринимать его, как неизбежное зло — что-то вроде местного дракона, который, к счастью, берет только натуральный оброк. Единственное, каждый супермаркет пытался сплавить его своим конкурентам.

Встречаю его на улице. Страшная жара, градусов под 40, а он в костюме.

Слушай, — говорю я ему, — чего ты в такую жару одел пиджак?

— Ой, — спохватился он, — хорошо, что напомнил.

Снимает пиджак, в брюках вокруг пояса лежат рыба, языки, шоколад, пакеты с орехами, естественно - сын любит. Похожий патронташ имел в Гражданскую войну матрос-партизан Железняк.

- А где телятина? — спрашиваю. — Ты же любишь телятину.

— А, — отвечает он, — я, как только зашел, ко мне подошел менеджер и сказал, что в супермаркет на Кресчент сегодня завезли свежую телячью вырезку; я к ним попозже заскочу.

Мой знакомый Игорь закрыл в Шипсхед-Бее ресторан "Стейк Чарли". Нет-нет, закрыл его не в смысле — снял на вечер только для своей компании; он его закрыл в буквальном смысле. Напомню — в «Стейк Чарли» вы заказываете одно блюдо, обычно стейк, и можете в неограниченном количестве есть всевозможные салаты, креветки и пить вино и пиво. Надо сказать, что и в обычных условиях по сравнению Игорем Гаргантюа и Пантагрюэль сидели на строжайшей диете, а на халяву... Игорь может есть без перерыва 24 часа в сутки день за днем, месяц за месяцем (с короткими отлучками). Сколько дадут — столько съест. Что не дадут — он сам возьмет. Пьет не хуже.

Обычный американец заходит в "Стейк Чарли", и берет порцию креветок, немного салата, выпивает бокал пива, и минут через 20 официантка его спрашивает, не пора ли нести стейк. С Игорем эти шуточки не проходят. Он, практически, переехал к ним жить. Игорь приходил в ресторан утром к открытию и начинал: завтрак плавно перетекал во второй завтрак, ланч, полдник, обед, ужин — и только под утро перед закрытием он съедал заказанный 18 часов назад стейк. Салаты Игорь не жаловал, но креветки, не разменяваясь на тарелки, брал подносами — накладывал гору килограмм на пять и съедал ее со второй космической скоростью. А с креветками, как известно, хорошо идет пиво; хотя, возможно, под пиво хорошо идут креветки... Они у него хорошо шли в любой последовательности. Приблизительно каждые 30 минут гора креветочной шелухи заменялась новым подносом, а несколько пустых графинов из-под пива полными. Первый день банкета Игоря администрация ресторана восприняла, как черный понедельник на бирже. Выпроводив его, наконец, в 4 утра, они опомнились от ужаса и решили отнестись к этому по-философски: да, это был удар, но, по крайней мере, даже если он выживет, как минимум, месяц ему есть не захочется. Может, у него конституция такая, как у удава — заглатывает много, потом месяц переваривает. Не тут-то было. Без 15 десять утра, за 15 минут до открытия, Игорь стоял у дверей ресторана, приплясывая от нетерпения с голодным блеском в глазах. Через неделю ресторан закрылся — то ли они поняли бесперспективность бизнеса с таким постоянным клиентом, то ли в Атлантическом океане не осталось креветок.

Схожую историю мне рассказали о двух наших иммигрантах, которые во Франции пошли в публичный дом. Их спросили, не

желают ли месье выпить.

— А почем дринк? — подозрительно спросил один.

— О, месье, — улыбнулась мадам, — выпивка за счет заведения.

— За счет заведения? — оживились иммигранты и беспробудно пили сутки, пока в заведении не осталось ничего, кроме анисовой настойки. Ее они пить побрезговали, рванули по стопарю в баре напротив, купили несколько бутылок и вернулись допивать в гостиницу. О девочках никто даже не вспомнил.

Возвращаясь к ностальгии, мне вспоминается случайно услышанный разговор. Встречаются на улице двое.

— Привет, как дела, как жизнь?

— Жизнь... Да какая это здесь жизнь?

— Ага — созвонимся.

Когда я встречаюсь с людьми, которые мучаются | ностальгией я с ними тут же прощаюсь и говорю:

— Созвонимся.

— А какой у тебя телефон?

И я ему даю телефон Клары Цеткин.

Шон О'Коннори

Популярные люди на Западе задыхаются от назойливости репортеров, фотографов, поклонников и поклонниц, бесконечных автографов и прибегают ко всевозможным ухищрениям, чтобы этой назойливости избежать: после концерта выходят через пожарный выход, гримируются, уезжают на другой машине, а не на своем лимузине, около которого их ждут и т.д. В Советском Союзе, где были сплошные трудности — с едой, гостиницами, билетами на поезд и самолет, популярность — это спасение. Благодаря популярности, эти трудности можно было преодолеть. Американский киноактер Шон О'Коннори, ставший невероятно популярный после сыгранной им роли Джеймса Бонда, прилетел в Москву на съемки американо-советского фильма "Красная палатка". Он не знал, что в Советском Союзе фильмы с его участием не шли и не сомневался, что его ждут те же трудности с папарацци и поклонницами, что и на Западе.

— Значит так, — сказал он в самолете перед приземлением сопровождавшему его советскому администратору, — вы одеваете мою шляпу, выходите, садитесь в лимузин и быстро уезжает, чтобы они не успели разглядеть подмену. Я выйду через 15 минут в парике и уеду в другой машине. Администратор посмотрел на него, как на сумасшедшего, но ничего не сказал. Когда через 15 минут Шон в парике, пригнувшись, вышел из здания аэропорта, он к своему удивлению не обнаружил ни толпы поклонниц и фоторепортеров, ни лимузина, ни другой машины — только

администратора в его шляпе, стоявшего около телефона-автомата и кричавшего в трубку:

— Что значит, нет мест — чешская профсоюзная делегация?! Я же должен куда-нибудь его деть! Какая койка в Доме Крестьянина?! Это американец!

Через час, наконец, пришел разбитый рыдван и отвез их в задрипанную гостиницу на ВДНХ, где Джеймса Бонда поселили в обшарпанный одноместный номер. Привыкший передвигаться в лимузинах размером с линейный корабль и жить в президентских люксах, О'Коннори поначалу слегка потерял сознание, но потом по наивности решил, что это часть конспирации. Первое время по инерции он гримировался, менял парики, выходил через черный ход, но быстро выяснил, что никто его не узнает, никому он не нужен, и загрустил. На Западе Шону О'Коннори на съемках предоставлялся огромный трейлер с гостиной, спальней, гримерной, естественно, со всеми удобствами; еда в любом количестве доставлялась из лучших ресторанов. Условия на съемках в Москве были обычными советскими — нечеловеческие. Мороз минус 20, все на улице, жрать нечего, общественный туалет за четыре квартала. Не привыкший завтракать, обедать и ужинать бутербродами с колбасой по 2р. 20коп. О'Коннори попросил мяса, фруктов и сока. После того, как народ немного отошел от гомерического хохота, главный администратор фильма сжалился над ним, поехал в колхоз и попросил курицу, сославшись на Савелия Краморова. Из любви к Краморову колхоз выделил одну неощипанную курицу, которую администратор лично побрил, сварил и подал Шону. Изголодавшийся О'Коннори съел эту бритую курицу с таким аппетитом, как если бы он в блокаду находился в осажденном Ленинграде.

Со временем Шон созрел для половой жизни. На Западе женщины всех возрастов штабелями валились ему под ноги, но в Союзе, несмотря на то, что он от отчаяния тыкал всем в нос свои фотографии и рассказывал, какой он знаменитый, девчата не обращали на него внимания и жили с артистами из массовки. Наконец, после долгих поисков, ему удалось уговорить буфетчицу тетю Зину, но, не успели они зайти в номер, как без стука вошел старый лысый еврей, администратор Москонцерта и увел принцессу от Джеймса Бонда.

Говорят, что Шон О'Коннори — единственный актер Голливуде, который не прячется от поклонников и охотно раздает автографы.

Странно...

Эдмон Кеосаян

Эдмон Кеосаян, пожалуй, единственный из советских

кинорежиссеров, который мог бы работать в приключенческом жанре в Голливуде. Человек с жизненным чувством ритма, огромной фантазией, юмором и невероятным талантом в области ˆпридумывания трюков. Кеосаян поставил много прекрасных фильмов: "Мужчины", "Когда наступает ˆсентябрь" и другие, но подлинную известность и любовь ему принесла трилогия о "Неуловимых". Я не знаю ни одного человека, который не видел бы "Неуловимые мстители", но знаю многих, смотревших их по многу раз. Советское начальство определяло, какие фильмы считать классикой советского кинематографа и, хотя среди них попадались действительно очень хорошие фильмы, такие, как "Чапаев", "Баллада о солдате", фильмы Эйзенштейна, большинство этих картин тут же умерло для зрителя. Кеосаян не попал в обойму объявленных классиков, но зритель с этим не согласился и по сей день охотно смотрит фильмы, поставленные Эдмондом Кеосаяном 30 лет назад. В отличие от многих режиссеров, Эдик был принципиален, не шел с начальством на компромиссы и не боялся отстаивать свою позицию, будь то замдиректора Баскаков или сам министр кинематофафии Романов. Романов вызвал Кеосаяна и приказал вырезать из второй серии "Неуловимых" кадры, где лошади топчут черное знамя генерала Врангеля, на котором было написано "Свобода".

— Это почему надо убрать? — сказал Кеосаян. — У Врангеля была своя свобода, и он за нее воевал, — и не вырезал.

Я придумал фразу, которую говорю в контрразведке:

"Буйно сайра, шлимазл, бесса ме муча".

Режиссер Дзиган на просмотре комиссий "Новых приключений неуловимых" наклонился к Эдику и сказал, что "шлимазл" — это еврейское слово, и его надо заменить.

Кеосаян:

— Вы знаете слово "шлимазл", а комиссия не знает, и я вас попрошу тоже не знать.

Фильм приняли, и комиссия не сомневалась, что я говорю на чистейшем испанском языке.

Многие режиссеры предпочитают строго следовать сценарию, но Кеосаян охотно выслушивал и использовал интересные предложения. В первоначальном варианте Буба Касторский остается живым; я сказал Эдику, что хорошо было бы убить Бубу — это придаст фильму серьезность.

— Хорошо, — согласился Кеосаян, отснял сцену, где меня убивают и сказал:

— Если тебя будет не жалко, то тогда тебя убивать не надо, а будет жалко — ты прав, стоит убить.

На просмотре в УК комсомола Кеосаян показал вариант с

моей смертью в конце. После просмотра первый секретарь Тижельников и его заместители обратились к Кеосаяну, на глазах слезы.

— Эдик, не убивай Бубу!

Кеосаян повернулся ко мне:

— Ты убит.

Эдик был человеком легкого веса, но мечтал набить морду человеку тяжелого, и постоянно искал повод. Мы на стадионе смотрели хоккейный матч ЦСКА — Динамо, болеем за ЦСКА. ЦСКА проигрывает. На выходе Эдик спрашивает здорового биндюжника, сидевшего рядом выше и активно болевшего за Динамо

— Спартаковец?

— Спартаковец, — добродушно, с оттенком гордости подтвердил биндюжник.

— Я сразу понял — по жлобскому голосу.

Известный режиссер Козинцев на просмотрах всегда выступал первым, как правило, говорил о фильме плохо, делал много замечаний и уходил. После его выступления дальнейшее обсуждение принимало заданный негативный тон, и фильм был обречен на провал.

Принимался фильм Кеосаяна. Козинцев, как обычно, встал первым, и Кеосаян тут же сказал:

— Я вас прошу после выступления не уходить, а дождаться моего ответа и выслушать мою аргументацию.

Козинцев внимательно посмотрел на Эдика, все понял и начал говорить:

— Мы присутствовали при общей удаче. Прекрасный фильм, который займет соответствующее положение в анналах отечественного кинематофафа. Давно мы ждали такой фильм, и он появился. Спасибо Кеосаяну! И, обращаясь к Эдику:

— Я могу идти?

— Идите, — ответил Кеосаян.

Сергей Герасимов ласково называл Кеосаяна басмачом.

Эдику очень повезло с женой Лаурой, которая хорошо на него влияла и всегда была на высшем уровне. Эдмонд Горегинович Кеосаян ушел из жизни невероятно рано — в 57 лет, оставив после себя сыновей Давида и Тиграна, которые выросли при мне, пошли по стопам отца и достойны его таланта. Я снимался в Москве у детей Кеосаяна и получил большое удовольствие как от общения, так и от творчества. У Тиграна отцовская хватка, и при помощи Давида, я уверен, его ждет большое режиссерское будущее.

Дай Бог!

Арчил Гомеошвили

Во время новогодних концертов во Дворце спорта в Запорожье мне ночью позвонил артист Владимир Ивашов и сообщил трагическую новость — умер мой близкий друг Аркадий Толбузин. Я тут же собрал вещи и попытался вылететь в Москву, но не тут-то было: администрация филармонии узнала о моем намерении прервать гастроли, обратились к секретарю обкома, и все аэродромы, железнодорожные и автобусные станции были перекрыты. Приказ — не выпускать Сичкина! Филармония горела, и мои концерты были единственным выходом из бедственного материального положения. Случилось так, что в это же время в Запорожье с концертами приехал Арчил Гомеошвили, который только что сыграл роль Остапа Бендера в фильме режиссера Леонида Гайдая "Двенадцать стульев". После этой роли Арчил стал популярен, и мне пришла в голову мысль пойти к секретарю обкома и договориться о замене меня Гомеошвили. Поначалу секретарь ничего не хотел слышать — новогодние концерты, в основном — для детей и подростков, и им нужен Буба, но, видя мое горе и учитывая, что это всего несколько дней, в конце концов согласился. Оставалась одна проблема: сам Арчил понятия не имел о предстоящей замене. Надо сказать, что Арчил Гомеошвили — грузинский князь, и в этой связи мне вспоминается такой анекдот. Приходит сваха в еврейскую семью и говорит:

— Я бы хотела вашу Розу выдать за князя Шереметьева.

Родители:

— Да, но он русский.

— Но он князь. Подумайте, ваша Роза сразу становится княгиней.

— Да, но русский...

— Послушайте, Розочка уже не первой молодости, красотой не блещет и к тому же, чего греха таить, давно не девушка, а Шереметьев молод, красив, и к тому же князь!

— Да, конечно, очень хочется, чтобы Розочка стала княгиней, но все-таки русский...

— Слушайте, вы люди небогатые, а князь Шереметьев запакован, как никому не снилось — все левое побережье Волги его. Вы представляете, как Роза будет жить — меха, наряды, драгоценности, кругосветные путешествия...

— Ну... Ну ладно, мы согласны — пусть выходит за князя. Сваха:

— Уф! Ну слава Богу, пол дела сделано. Осталось уговорить князя.

Вот и я был в таком же положении — осталось уговорить

князя Арчила Гомеошвили. Надо сказать, что любая замена крайне негативно сказывается на концерте и на самом артисте, даже если заменяющий артист лучше и более популярен. Публика ждет определенного артиста, и его замена в глазах публики — халтура. Арчил только начал гастроли, и неудачное начало концертов ему было совсем ни к чему. Я, чувствуя себя крайне неудобно, зашел в номер гостиницы, где Арчил жил со своей очаровательной молоденькой женой Танечкой, и, заикаясь от волнения, начал излагать свою просьбу, но Арчил тут же меня перебил:

— Борис, о чем разговор! Спокойно езжай, оставайся столько, сколько тебе нужно, не волнуйся — я тебя заменю.

Я уехал, похоронил друга, вернулся, закончил гастроли и захожу к Арчилу, чтобы отдать деньги за проведенные им спектакли. Арчил посмотрел на меня, как на сумасшедшего:

— Ты что, какие деньги? Спрячь их немедленно.

— Хорошо, вечером я накрываю банкет в ресторане, приглашай любое количество гостей; как говорят в Грузии, твои друзья — мои друзья.

Вечером я закрыл ресторан и накрыл шикарный банкет. Гостей было человек 300, причем в основном молодые девчонки. Молодые и красивые, но явно — легкого поведения. Я поначалу даже удивился: Арчил здесь с очаровательной молодой женой, и при этом такое количество девочек — вот все-таки что значит горячая грузинская кровь.

Банкет прошел прекрасно — все веселились, танцевали, шутили, ели и пили. Когда я подошел к директору ресторана, чтобы рассчитаться, он мне сообщил, что все в порядке — за банкет рассчитался Арчил.

На следующий день я поинтересовался у Арчила:

— Слушай, ты только приехал в Запорожье. Как ты ухитрился найти такое количество девчонок?

— Да я их никогда в глаза не видел. Я думал — это твои.

Вот так Арчил Гомелшвили не только оказал мне огромную услугу, но и накрыл банкет для меня и всех блядей города Запорожья.

Композитор Шаинский

Надо сказать, что в настоящее время композитором называет себя каждый, кто посетил хотя бы два урока пения в первом классе общеобразовательной школы. Нет такой забегаловки с несколькими лабухами, бацающими по выходным, чтобы их руководитель не именовался композитором. Если же забегаловка дает рекламу в газету, то количество смежных профессий, освоенных руководителем и тремя лабухами, почему-то

называемых оркестром (иногда лабух один, тогда это — "человек-оркестр" расширяется:

Моня Квотер — гитара-вокал

Арон Щелкунчик — ударные-вокал

Фима Нойз — клавишные-вокал.

Руководитель оркестра — композитор, певец, аранжировщик, поэт, бард — Марик Лагман.

Почему они все "вокал"? Еще бы вставили: "В ресторане работают злектрик-вокал, гардеробщик-вокал".

Я дружил со многими действительно прекрасными композиторами, такими, как мой друг Ян Френкель, очаровательный Валерий Зубков и многими другими. Сейчас я хочу рассказать одну историю о Владимире Шаинском.

12 апреля в день космонавтики Шаинский, Зубков и я выступали для космонавтов, а после концерта генерал — полковник Команин увез нас на банкет. На банкете также присутствовали другие высшие военные чины; особенно мне запомнился дважды герой Советского Союза летчик-испытатель в звании генерал-майора. Обаятельный интеллигентный человек с прекрасным русским языком, он рассказывал забавные истории из жизни испытателей, коснулся Шестидневной войны, высоко отозвался о мастерстве израильских летчиков, посетовал, что советским летчикам пришлось воевать далеко от родины, и многие из них были сбиты на арабо-израильском фронте.

Неожиданно встал подвыпивший Шаинский:

— Нечего у нас летать! Будете летать — будем сбивать!

Генерал слегка оторопел от этого неожиданного заявления, но спокойно сказал:

— Мы не выбираем. Согласно присяге, мы подчиняемся приказу...

— Нас, — перебил Шаинский, подчеркивая слово "нас" — ваш приказ не интересует. Летайте где хотите, но к нам мы лезть не позволим.

— Мы — военные люди, — пытался объяснить летчик, — и летим туда, куда нас посылает командование, — но Шаинский гнул свое:

— У нас вы не разлетаетесь — будем сбивать. Мы отобьем охоту воевать против нашего государства! А еще раз полезете — будем уничтожать прямо на советских аэродромах.

Мы с Зубковым слушали нашего обычно тихого очаровательного, а тут вдруг разгулявшегося, Шаинского одновременно с восхищением и ужасом. В душе мы были с ним согласны, но, как говорят одесситы — нашел время и место. Он наговорил примерно на 25 лет каторги, а наш срок, как

слушавших и не возражавших, тянул лет на десять.

Что самое удивительное, ни один из присутствующих не поспешил выступить с фальшиво-патриотическим заявлением, доказывающим его любовь к советской власти; наоборот, они даже как бы сочувственно отнеслись к сказанному Шаинским.

— Я прекрасно понимаю вашу позицию, — сказал Команин, — но меня немного удивляет тот факт, что вы написали такое количество прекрасных русских песен, а живете мыслями и чувствами Израиля.

— Все мои песни — еврейские, — заявил Шаинский. — Это переделанные под якобы русские песни кадиши. Смотрите, — сел за рояль и начал играть сначала свои песни, а потом соответствующие им еврейские молитвы, подробно объясняя, как он их подгонял под русский колорит.

Вечер закончился всеобщим повальным хохотом.

Александр Лонгин

Саша Лонгин уехал в 1975 году, вызвав всеобщее недоумение: никто его не притеснял, он был ведущим конферансье в оркестре Олега Лундстрема, успешно работал диктором на радио и актером в театре, но, тем не менее, решил одним из первых вдохнуть воздух свободы. Оказавшись в Америке, Саша первым делом позвонил в Москву и попросил выслать ему гречневой крупы. Я сделал вывод, что в Америке нет круп. Потом он попросил черного хлеба. Забегая вперед, в 1997 году я привез ему батон черного хлеба, но он сказал, что этот хлеб крашеный (не зная, что хлеб красят везде, т.к. черной муки не существует), он это американское дерьмо не ест и тут же сожрал его до последней крошки. Из последующих его звонков и писем мы вынесли впечатление, что в Америке давно наступил голод, ничего нет, а то, что есть — не то: Короче, Лонгин плавно влился в категорию тех эмигрантов, которые бросили страну, чтобы не видеть этого кошмара, но нравится им только то, что было. Таких, к сожалению, много, и с этим ничего не поделаешь — на всех мышьяка не напасешься. Саша обладает импозантной внешностью типа Саввы Морозова, Шаляпина или крупного американского миллионера-фермера. Одет он тоже под миллионера — висящие тряпки и мятые сникерсы. Поначалу Саша обосновался в Вашингтоне, где работал таксистом. Он был вечно голоден, поэтому в кармане у него лежала булочка, а во рту всегда торчала большая сарделька, которую его пассажиры принимали за сигару. Это его : спасало с его английским: учитывая, что понять выходца с юга невозможно, пассажиры, слыша . бессмысленный набор звуков, издаваемых Лонгиным и видя сигару-сардельку, думали, что перед ними - техасец и не задавали лишних вопросов.

Я не знаю, каким был Саша в молодости, но в старости — это самец с мертвой хваткой. Вечно в поиске новых баб, и находит. Предпочитает моложе себя лет на 80, но не оставляет вниманием и остальные возрастные категории. Специально распустил о себе слух, что он импотент и под видом импотента перетрахал жен всех своих друзей и знакомых. При этом, однако, великодушен. Саша привез из Союза молоденькую жену, которая его здесь бросила. Я при встрече хотел было выразить свое сожаление, но Саша меня удивил:

— Что ты, Борис! Она сейчас живет с замечательным человеком, и он, говорят, ее прекрасно трахает — дай ей Бог!

И так каждый раз. Когда его бросают, он не о мести думает, а о том, чтобы ее качественно трахал хороший человек. И надо сказать, что у него легкий... ну, скажем, рука — все его бывшие возлюбленные прекрасно устроены. Саша сугубо городской житель — Москва, Ленинград, затем Вашингтон, но он вдруг бросил Вашингтон и переехал в Катскильские горы. Летом там неплохо, а зимой — филиал Колымы. Однажды он затащил меня к себе, чтобы показать свое хозяйство. Посадил меня в джип, и мы поехали сначала по дороге, а когда дорога кончилась, по полю — грязь, ухабы и ямы размером с Большой Каньон. При этом Саша счастливым голосом приговаривал: "Посмотри, какая прелесть". Посмотреть мне ничего не удавалось — после попытки пробить головой крышу джипа на очередном ухабе мы тут же провалились в яму, и я должен был хвататься за переднюю панель, чтобы не разбить о нее голову — и так минут 20.

Хозяйство оказалось большим и состояло из двух огромных собак, двух лошадей, большого козла, голубятни, крысы Зайки, мышонка Арончика и большого полуразвалившегося и невероятно грязного дома, в котором необходимо было повесить плакат "Выходя, вытирайте ноги". Весь этот зверинец, за исключением мышонка и крысы, достался Лонгину от предыдущих хозяев, каждый из которых говорил на своем языке. Животные, в свою очередь, также понимали каждый свой язык. Лошади знали английский. Собаки понимали только идиш. Козел понимал и, кажется, пытался говорить по-польски. Мышонок и крыса в совершенстве овладели русским с большой примесью мата. Иногда, выпивая, Саша путал с кем надо говорить на каком языке, что было очень смешно и вызывало смятение в зоопарке: козел, например, никак не мог понять, каким образом он должен охранять дом.

Саша накормил собак, лошадей, козла и отправился к голубям. Открыл голубятню, просунулся туда по пояс и секунд через 10 вылез — весь от макушки до пояса белый, ни одного

черного пятнышка, это ж надо так обосрать человека и в такие кратчайшие сроки! Саша тоже был удивлен и сказал, что у голубей, вероятно, что-то случилось: так его еще никогда не обсирали. Снова, уже полностью, залез в голубятню, через некоторое время весь белый, превратившийся в древнегреческую скульптуру, вылез, держа в руках окровавленного голубя, и резюмировал:

— Зайка — сволочь, и она еще об этом пожалеет. Грозный как Зевс во гневе, зашел в дом и громовым голосом крикнул:

— Зайка, сука!

Откуда-то появилась здоровая рыжевато-серая крыса.

— Ну ты что ж, блядь, я тебя предупреждал? Зайка виновато скребла лапкой, опустила глазки, и всем своим видом пыталась выразить полное раскаяние, что плохо сочеталось с довольной наглой мордой.

— Предупреждал. Три дня на голодном пайке! Пошла на хуй отсюда! Крыса скрылась.

— Арончик! — уже игриво, с ласковыми нотками крикнул Саша. Из дырки в плинтусе вылез мышонок с торчащими ушками; глазки веселые осмысленные и ждущие подарков. Саша направился к холодильнику и, приговаривая:

"Сейчас, Арончик, сейчас, малыш, папочка все приготовит, вот только играть сегодня не будем: у меня гости, поиграем завтра", — вытащил кусочек колбасы, кусочек сыра, сухарик и разложил для Арончика все эти лакомства. Закончив сюсюкать с мышонком, Саша, по-прежнему весь в говне, с сияющим лицом повернулся ко мне и произнес:

— Ну, ты понял, почему надо жить здесь? Понял, как это прекрасно?! Гете сказал, что самое большое несчастье для человека — потерять разум. В отношении Лонгина я категорически не согласен с Гете. Для Саши самое большое несчастье — сохранить его. Это же какое-то чудо: советский человек в глуши, в грязи, с мышами и крысами, в полном говне — и отнюдь не в фигуральном смысле — и счастлив! Саша влюбился в Катскильские горы и решил всех нас приобщить к деревенской жизни. В горах продавался большой участок земли, и он загорелся идеей построить для артистов дачный кооператив. Обзвонил и пригласил на собрание всех потенциальных пайщиков, и, поскольку в числе приглашенных им артистов был Эмиль Горовец, который в то время находился в натянутых отношениях с Александровичем, на меня была возложена задача убедить Александровича принять в этом участие. Я красочно описал Михаилу Давидовичу преимущества жизни на свежем воздухе, прелести рыбалки и сбора грибов, объяснил, что

наконец-то у нас появится культурный центр и в конце концов убедил, что это то, о чем Александрович мечтал всю свою жизнь.

Открыл собрание Лонгин, до этого крепко врезавший стопоря, что не могло не сказаться на стилистике его речи.

— Все городские жители укорачивают свою жизнь минимум на тридцать процентов. Есть возможность купить землю и построить артистам дачи. Имея такой кооператив, мы на всех хуй положили.

Александрович, никогда не слышавший таких игривых оборотов, наклонился ко мне:

— Борис, что он имеет в виду?

Я: — Он говорит, что живя в кооперативе мы будем получать удовольствие.

Лонгин: — Но надо торопиться, землю могут перекупить. Не успеем — в жопе.

Александрович: — А это как понять?

— Он говорит о срочности покупки.

Лонгин: — Участок большой, и купить его, а затем застроить мы можем только все вместе. По отдельности нам — пиздец.

— А это о чем?

— В единстве сила.

— Ведь если говорить по-честному, — продолжал к Лонгин, — то пока мы все в глубокой жопе, и нам, как говорится, хуй цена в базарный день.

Вконец сбитый с толку обилием незнакомых слов, непонятным образом связанных с ценой в базарный день, Александрович вопросительно посмотрел на меня:

— Инфляция может резко подскочить, и нам надо успеть купить по стабильной цене до наступления паники на бирже.

Тем не менее, несмотря на объяснения, на лице Александровича появилось некоторое сомнение. Слово взял муж племянницы Лонгина.

— Чтобы окупить участок, нам надо будет развести кур, свиней и коров. Хорошие бабки могут дать норки — они прекрасно в неволе размножаются, а клетки стоят гроши.

— Постойте, — подал реплику кто-то из сидящих, — но это же будет страшная вонь на участке. Кроме того, за всеми этими животными надо ухаживать; мы что, должны превратиться в пастухов и свинарок — это же круглосуточная работа. Где же свежий воздух, безмятежный отдых на природе?

— А вы что, хотите с печки упасть и жопу не разбить? Да, будет вонять и придется повкалывать, но зато нам ничего не будет стоить кооператив.

— Боря, — взволнованно зашептал Александрович, — я не

хочу работать пастухом, и вообще, зачем мне этот зверинец?

Лонгин перехватил инициативу:

— Давайте посмотрим на дело с другой стороны. Благодаря курам, свиньям, коровам и норкам у нас будут деньги, и, следовательно, открываются широкие перспективы. Для начала мы можем построить наш собственный дом для престарелых. Вот, скажем, Александровича хватил инсульт, лицо перекошено, ходит под себя, сам пальцем пошевелить не может. Казалось бы ему пиздец — в полном говне, ан нет: вывозят его в инвалидной коляске, а навстречу в такой же коляске Горовца катят — разбил паралич, отнята вся правая сторона. Смотрят они друг на друга, и на душе становится теплее.

Александровича явно не вдохновило радостное будущее, столь красочно обрисованное Лонгиным.

— Борис, я не хочу встречаться с Горовцем, тем более в инвалидной коляске, я хочу выйти из кооператива.

— Ну и, конечно, кладбище, — продолжал соблазнять пайщиков Саша. — Все мы далеко не молоды, и не сегодня-завтра придет Кондрат, а нам не страшно, у нас есть место, которое нас ждет. Вот, скажем, загнется завтра Александрович, и все в порядке — его закопали, и он лежит среди своих. Я справа, Горовец слева, а временно оставшиеся раскупоривают на наших могилках бутылочку, и мы все вместе.

В конце речи Лонгина Александрович уже ничего не говорил, только тихо подергивался.

Несмотря на блистательную речь убедить пайщиков Лонгину не удалось, и кооператив не состоялся.

Я не хочу, чтобы вас ввела в заблуждение ирония, с которой я пишу о Саше — такая книга. Саша Лонгин — добрый, отзывчивый и щедрый, всегда готовый помочь. Во время подготовки к моему юбилею он мне всемерно помогал, был в моем распоряжении с машиной в любое время дня и ночи, и самый щедрый подарок был сделан им. Другое дело, что его искреннее желание помочь не всегда бывает облечено в форму, нужную для данного конкретного случая.

Мне был нужен матрас, и Саша нашел дешевую и хорошую базу. Мы приехали, Саша представился сам, и потом представил меня:

— Вы все, конечно, помчите Бориса Сичкина по роли Бубы Касторского в фильме "Неуловимые мстители". Борис Михайлович объездил с концертами пол света — Израиль, Россия, Европа, Австралия — всюду битковые аншлаги. Снимался у ведущих режиссеров, таких, как Оливер Стоун в Голливуде. В числе его партнеров по фильмам звезды мирового кино — Энтони

Хопкинс, Джо Пеши и другие. Также отснялся во множестве рекламных роликах для телевидения... Сколько стоит этот матрас? Директор: — 50 долларов.

- Я вас очень прошу — для такого артиста, актера с мировым именем сделайте дешевле.

Я расхохотался:

— Саша, после такого представления я должен, как минимум, выписать чек на 100 тысяч для расширения бизнеса.

Однажды в компании мне довелось услышать рассказ о еще одной покупке Лонгиным матраса. По словам рассказывающего эту историю, Саша поехал на край света — только потому, что на той базе матрасы стоили чуть дешевле, перерыл тысячу тяжеленных матрасов, ложился на них, прыгал, чтобы выбрать лучший и не нарваться на бракованный, а потом торговался до хрипоты, чтобы скинуть еще несколько долларов. Слушатели осуждающе качали головами — какая мелочность и крохоборство. Единственное, о чем забыл упомянуть рассказчик, это то, что поехал за тридевять земель, потерял весь день, наработался, как Фузчик и торговался Саша для того, чтобы купить матрас не себе, а ему. Правильно говорят на Востоке -ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Эдди Рознер

Знаменитый трубач Эдди Рознер родился в Германии и долгое время жил и работал в Польше. Говорили, что он был 3-й трубой в мире. Луи Армстронг, послушав его, пришел в восторг и сказал:

— Можете смело говорить, что вы белый Луи Армстронг. Рознер ответил:

— Спасибо. Можете смело говорить, что вы черный Эдди Рознер.

Рознер со своим оркестром приехал в Советский Союз и пользовался огромным успехом: ему даже дали звание заслуженного артиста Белоруссии, но со временем он разочаровался в системе и, когда началась война, вместе с польской армией Андерсена решил покинуть Союз. Его арестовали и отправили в ссылку на 10 лет. В ссылке Рознер продолжал работать, и, когда кошмар кончился, вернулся в Москву снова организовал эстрадный оркестр. Партийное руководство требовало от него идейных программ, посвященных революции. Будучи умным человеком, Рознер понимал, что в одиночку советскую власть победить невозможно и удовлетворял запросы начальства, добавляя от себя капельку издевки: вся сцена утрированно была в красных знаменах и революционных атрибутах, на заднике — Красная площадь, и повсюду к месту и

не к месту шлялся Ленин. Тупые партийные работники издевательства не понимали и были в восторге. При этом Рознер выторговал для себя третье отделение. В первых двух звучали Туликов, Мурадели и другие классики патриотической советской песни. На капустнике я говорил: "Святой Эдди Игнатьевич! Кто ж тебя так замураделил?" Но третье отделение Рознер составил из шлягеров американских композиторов, и оно шло под стон зрительного зала.

Он был типичным западным деловым человеком, без зависти, и старался, чтобы люди зарабатывали приличные деньги. Для программы Утесова "30 лет спустя" я поставил номер "Эволюция западного танца" — от неандертальцев до рок-н-ролла. Номер | получился великолепный, весь оркестр в различных | париках принимал в нем участие, и на этом фоне Утесов читал смешной фельетон, тот номер шел | приблизительно 30 минут под сплошные аплодисменты, и им заканчивалось первое отделение программы. Утесов пришел к директору ансамбля, чтобы тот подписал договор о выплате мне 400 рублей.

— Очень много, — сказал директор. — Нельзя ли ему дать меньше?

— Это массовый номер, — объяснил Утесов, — и по тарифу мы Сичкину, как режиссеру и балетмейстеру должны были бы уплатить 3 тысячи. 400 рублей — это абсолютный минимум.

Долго еще говорил директор, что это большие деньги и со скрипом подписал договор.

Рознер, который по совместительству был еще и директором ансамбля, попросил меня поставить номер его жене, очаровательной танцовщице Гале Ходес. Я придумал красочный номер "Карнавал" с потрясающими костюмами, но, к сожалению, он не получился. Номер, который я мечтал сделать великолепным, оказался так себе — серенький. Я был в ужасе, подошел к Рознеру и сказал, что отказываюсь от получения гонорара.

— Боренька, золотце мое, — сказал Рознер, — то, что номер не получился, это мы знаем, а Москонцерт должен платить по высшей ставке, — и подписал договор на 1200 рублей.

— У Утесова за шлягер я с трудом получил 400 рублей, а у Рознера за проваленный номер 1200.

В Советском Союзе, если у еврея спрашивали его национальность, он отвечал так тихо, что сам себя услышать не мог. Нигде — ни на улице, ни в трамвае, ни в автобусе я ни разу не слышал еврейской речи.

Рознер гордился, что он еврей. Все в оркестре у него были евреи, за исключением одного русского по фамилии Цейтлин. В

связи с тем, что его оркестр принимал участие в тематических концертах, посвященных октябрьским праздникам, в оркестре часто проводились открытые партийные собрания, на которых присутствовали представители горкома партии. Рознер ненавидел партийную номенклатуру, почти сплошь состоявшую из антисемитов и не упускал случая над ними поиздеваться.

Начинается собрание. Представитель горкома партии начинает говорить о революционной идее, о важности исторического момента...

— Извините, — прерывает его Рознер и на еврейском языке обращается к музыканту оркестра Марковичу:

— Как ты спал? Что ел? Куда поедешь в отпуск? Какое-то время они обсуждают эти темы, и потом Рознер поворачивается к представителю горкома:

— Да, так что вы там говорили?

Тот продолжает идейную часть, но долго веселиться ему Эдди Игнатьевич не дает:

— Минуточку, — и по-еврейски к музыканту Павлу

Гофману:

— Так что, Паша, кто вчера выиграл в преферанс? Герман — очень выразительный актер, прекрасно понимает, зачем Рознер его спрашивает и, отвечая, изображает со всеми ужимками старого местечкового еврея.

Партийное начальство скрежещет зубами, но ничего не может поделать. Я не пропускал ни одного из этих собраний.

Рассказ Эдди Рознера

Каждый год перед Новым годом собиралась интернациональная концертная программа из звезд. К продюсеру этих концертов обратился великолепный скрипач с просьбой дать ему возможность выступить. Продюсер объяснил, что скрипка не монтируется в этих концертах. Скрипач обещал играть доходчивую музыку. Он не претендует на гонорар. Продюсер согласился и предупредил его, что если он не понравится зрителям, то в него могут запустить сырое яйцо, гнилое яблоко или помидор, и актер без обиды должен покинуть сцену. Такие правила.

Скрипач вышел на сцену в элегантном фраке, лакированных туфлях, в накрахмаленной рубахе с бантиком. Играл великолепно, но какому-то зрителю он наскучил, и тот запустил в него гнилое яблоко и попал скрипачу в лоб. Меткость зрителя вызвала одобрение публики. Скрипач элегантно смычком сбросил со лба яблоко и продолжал играть, как ни в чем не бывало. Зал, состоявший из опытных "ворошиловских стрелков", начал его обстреливать со всех мест. Скрипач увертывался от выпущенных

по нему снарядов, то пригибался, то делал всевозможные выпады влево, вправо, поворачивался спиной, но ни на секунду не прекращал играть. Снаряды, несмотря на его ловкость, все же иногда попадали в цель. Фрак и лицо были в сырых яйцах, помидорах, и гнилых яблоках. Зал разыгрался, расхохотался, и когда он закончил выступление, устроил ему фурор. Он выходил на поклон до двадцати раз. Его встречали градом снарядов и веселились, как дети. После этого номера выступавшие "звезды" не пользовались успехом. Продюсер был в восторге от номера, и в следующем концерте было объявлено о его выступлении первым номером второго отделения.

Зрители пришли ко второму отделению с полными корзинами яблок, яиц и помидоров. Продюсер у входа в театр продавал зрителям снаряды по повышенным ценам.

Сцена была украшена колоннами, креслами, ширмами и занавесками. Скрипач прятался, но как только он появлялся на сцене, летели все эти продукты. Стрельба шла по живой мишени. Скрипач оказался гениальным эксцентриком. Он играл, сидя в кресле, за креслом, то пригибаясь за колонной, то становясь на стул. Он путал снайперов, и эта игра всем доставляла огромное удовольствие. Кончилось тем, что продюсер понял, что зрителям нужен только этот аттракцион. Вот так неожиданно появился такой шлягер на концерте. Такой номер никто не мог бы придумать. Я спросил у Эдди Рознера, почему он не приезжает в Советский союз на гастроли? Рознер улыбнулся и ответил: "Где вы видели в Союзе перед Новым годом помидоры?" "Да, но яблоки и яйца, можно было достать?" "Наверно. Но какой советский человек, достав яблоки и яйца, будет их бросать на сцену, когда его ждет дома голодная семья".

Семейный Альбом

Мой сын Емельян

Это, должен вам сказать, весьма своеобразная личность. Емельян не переносит города, скопление людей (под чем, как я понял, подразумевается наличие более двух человек в радиусе 10-ти километров) и, по большому счету, все, так или иначе относящееся к цивилизации 20-го века. Когда я ему как-то сказал, что по мироощущению он человек 19-го века, он меня тут же поправил — даже не 15-го, поскольку, как мне любезно объяснил Емельян, к 15-му веку городская инфраструктура, во всяком случае в Европе, уже была вполне развита, и количество людей на планете — с точки зрения Емельяна — превысило все разумные пределы; так что ему лично подошел бы, максимум, 9 век.

Телефон в доме — его личный враг, каждый звонок, как удар обухом по голове. В ту же секунду, как я выхожу за порог

квартиры, все телефоны отключаются. Иногда, в порядке исключения, работает автоответчик (без звука, естественно), накрытый двумя подушками, чтобы не был слышен крошечный щелчок во время его включения. Однако, бывает, что Емельян сам ждет важный звонок (выражение его лица в этот момент вдохновило бы Шекспира на самую мрачную из его трагедий). В этом случае происходит следующая процедура: раздается звонок, Емельян без обычного "алло" молча снимает трубку и прикладывает ее к уху. Выяснив, что звонящий не тот, кого он ждет. Емельян монотонным голосом произносит: "Хэлло, вы набрали номер 718... В настоящее время никто не может вам ответить. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала", — и голосом изображает сигнал: "Би-и-и". Любит природу, лес, рыбалку, собирать грибы, в хорошей физической форме — может ходить 3 часа по лесу, потом 3 часа грести на озере и потом без всяких признаков усталости садится за компьютер и 6-8 часов занимается кропотливой музыкальной работой, но если ему надо истратить 10 минут, чтобы заполнить анкету... Несколько дней он, мрачный, ходит вокруг письменного стола, где эта анкета лежит — готовится. В эти дни все у него валится из рук. Наконец он собирается с духом, садится, заполняет анкету — и без сил падает на кровать, как если бы он в одиночку построил Беломорканал. Когда Емельян выпивает грамм 150 коньячка, он преображается: шутит, болтает, смеется — видимо, забывает в каком веке живет и мысленно возвращается в милый ему 9 век— если не в ранний мезозой. К сожалению, учитывая генетику, 150 граммами дело не ограничивается, и Емельян потом мучается похмельем, которое постоянно сопровождается одним и тем же кошмарным сном: к нам в гости зашли две женщины и разговаривают между собой на кухне. Так что выпивает Емельян редко. После выпуска "Ромео и Джульетты" Емельяну пришлось зарегистрировать бизнес, чтобы иметь право ее продавать, и это его доконало. У него развилась сильнейшая аллергия (как он говорит — такое ощущение, как будто тебя кусают тысячи блох и муравьев) не только на занятие бизнесом или вообще любой обычной для современного человека деятельностью, но даже просто на упоминание об этой деятельности (в числе слов, которые нельзя произносить в его присутствии: бухгалтер, отчет, надо позвонить, Манхэттен — предмет особой ненависти, анкета, аппойтмент и многие, многие другие).

Емельян быстро понял свою ошибку, плюнул на бизнес и уехал лечиться в лес. Как он впоследствии рассказал: приехал, пошел ночью в лес, забрался глубоко в чашу, людей нет — вокруг свои, вздохнул лолной грудью, почувствовал себя дома — и все

как рукой сняло.

Емельян знает о существовании денег, но относится к ним как к абстрактному понятию. Вот образец типичной беседы. Я приношу домой свежую лососину (Емельян тщательно следит за своим питанием и ест ее через день).

Емельян смотрит на нее и спрашивает:

— Сколько она стоила?

— 8,99 за фунт.

— А что, дороже не было?

— Это самая дорогая.

— Мне удавалось находить дороже.

— А зачем?

— Чем дороже, тем лучше.

— Хорошо, а если не хватает денег?

— Должны быть. Сколько надо, столько должно быть.

— Ну, а если тем не менее таких денег нет? Емельян (назидательно). — Денег должно быть столько, чтобы о них не думать.

— Я согласен. Деньги должны быть и столько, чтобы о них не думать, но что делать, если их все-таки нет?

Некоторое время Емельян смотрит на меня, как на полного идиота, не понимающего очевидных вещей и наконец внятно, как говорят с 3-х летним ребенком, когда хотят ему что-то втолковать, чтобы он запомнил, произносит:

— Значит, надо сделать так, чтобы они были, — и уходит, не сомневаясь, что он доступно и исчерпывающе все мне объяснил. Я пытаюсь остановить его вопросом:

— Ну, и почему бы тебе не попробовать самому этим заняться? — но он, не оборачиваясь, бросает: — это не моя профессия, — и, что самое смешное, абсолютно прав. Емельян пишет гениальную классическую музыку, слушая которую люди приходят в восторг, но народ покупает "Зайка моя, я твой тазик", а "тазик" Емельян писать не хочет и не умеет.

Вы не можете удивить Емельяна, похвастaвшись, что купили рубашку, скажем, за 500 долларов — Емельян цен не знает, и они его не интересуют (сколько надо, столько должно быть). Признаки слабого интереса появляются при назывании сумм от 3-4-х миллионов — с этих цифр начинается стоимость острова, на котором Емельян мечтает укрыться от людей и цивилизации. Емельян никогда не покупает лотерейный билет, если сумма розыгрыша меньше 20-ти миллионов, да и 20 миллионов его особенно не вдохновляют — так, как говорится, на булавки. Я поначалу не понимал:

— Тебе что, не хватит 20-ти миллионов на остров и прочее?

— Какие 20 миллионов?! — презрительно скривился Емельян. — Если хочешь получить всю сумму сразу, а не в течении 26-ти лет, тебе дадут около 40 процентов, а потом еще 50 процентов, а то и больше, учитывая, что ты живешь в этом вонючем городе, заберут в виде налогов.

— Ну, а чистыми 20 миллионов тебе бы хватило? Емельян надолго задумался, производя в уме какие-то подсчеты и очень неуверенно, с сомнением в голосе, сказал:

— Ну, при тщательном планировании, в режиме жесткой экономии...

Я тут же понял, что 20 миллионов ему хватить не может, поскольку ни жесткая, ни какая прочая экономия с Емельяном несовместимы. Емельян никогда не торгуется, больше того, он обычно даже не спрашивает цену. Когда я его спрашиваю, сколько стоит та или иная его покупка (обычно при помощи кредитной карточки), как правило следует прямой и ясный ответ: "Не знаю". В Одессе на Привозе его бы возненавидели — весь смысл в торговле:

— Что вы просите, за пиджак?

— Прошу 40, назовите вашу цену.

— Уже сейчас даю любую половину.

— Если дадите 35, можете считать, что вы в нем ушли.

— Могу уйти в нем за 25, — и т.д. в этом плане — люди отдыхают. Емельян, если дело происходит в магазине, максимум может поинтересоваться, нет ли чего-нибудь подороже. Иногда это, впрочем, приносит весьма неожиданные результаты.

Емельян поехал в Пенсильванию покупать машину, выбрал, осмотрел, прокатился и заходит в кабинет к дилеру.

Дилер: — А, бьюик Ле Сэйбр кастом? Ну что ж, поздравляю, прекрасный выбор. Я тебе на нее дам хорошую цену — шесть с половиной тысяч.

Емельян: — О кей.

Дилер: — Ну ладно, шесть с половиной, конечно, многовато, но шесть, я думаю, в самый раз, как думаешь?

Емельян: — Ну, шесть, конечно лучше, чем шесть с половиной.

Дилер: — О кей, о кей, я понимаю — ты парень еще молодой, и даже шесть кусаются. Вот что я тебе скажу — пять семьсот... да ладно уж, бери за пять с половиной.

Емельян: — Хорошо.

Дилер: — Слушай, это хорошая машина, ты ж сам видел: полная автоматика, сиденья — голубой бархат, 8 цилиндров — бегает как зверь. Ну что, такая машина не стоит пять двести, возьмешь за пять?

Емельян: — Да она больше стоит, ты же сам сначала сказал шесть с половиной.

Дилер: — Н-да... Знаешь что, ты у меня сегодня первый покупатель, я тебе даю самую большую скидку в моей практике — четыре пятьсот, и она твоя! Берешь?

Емельян: — Конечно, беру.

Дилер сокрушенно вздыхает, картинно, с видом полного непонимания такого пренебрежения к его благородству, разводит руками и снимает телефонную трубку:

— Джон, зайди — тут у нас возникла одна проблема... (Начинается стандартная идиотская игра "хороший дилер — плохой дилер", в которой плохой дилер играет роль босса хорошего).

Заходит плохой и строго осведомляется:

— В чем проблема?

— Да вот, помнишь Ле Сэйбр?

— Конечно. Пожалуй, лучшая наша машина. Ну?

— Ну понимаешь — я знаю, ты мне говорил ни в коем случае меньше, чем за пять не продавать, но, не знаю как получилось — с языка сорвалось, — тут дилер с видом заговорщика подмигивает Емельяну, — короче я ее предложил за четыре двести. Плохой недовольно хмурится:

— Ну это ты хватил. Как ты мог — я ж тебе ясно сказал пять. Ну что ж, раз сказал — ничего не поделаешь, придется отдавать за четыре двести, но учти, чтобы это было в последний раз, — и с недовольным видом уходит. Дилер вопросительно смотрит на Емельяна.

Емельян: — Я все понял, все оценил — ты скинул еще 300 долларов.

Дилер вынимает из стола сигареты и нервно закуривает:

— Неделю назад бросил, — доверительно сообщает он Емельяну, — да, видно, не судьба. Ладно, чтобы покончить с этим — четыре тысячи, ну?

Емельян: — Ну что говорить — прекрасная цена, к тому же круглая — считать удобно.

На лбу у дилера выступают мелкие бисеринки пота:

— Вот что, я, конечно, прыгаю выше головы, и у меня будут крупные неприятности, но чем-то ты мне глубоко симпатичен. Это прекрасная, чудесная машина, — его голос предательски срывался, и в уголке глаза начинает дрожать крупная фальшивая слеза, — и я хочу, чтобы она попала в хорошие руки. Будь, что будет — три восемьсот!

Емельян: — Послушай, мне даже как-то неудобно: ты ее чуть не за пол цены отдаешь.

— Ну не могу я, пойми, не могу, — уже почти с натуральными слезами кричит дилер, — отдать тебе ее меньше, чем за три пятьсот. Я и так еле пару сот на этом заработаю, а мне ее надо было пригнать, сделать тун an, вымыть...

Емельян: — Ну хорошо, хорошо, я ее беру. Дилер: — Действительно берешь? Емельян: — Да беру — вот деньги.

Позже, когда все бумаги уже были подписаны, дилер с уважением сказал:

— Ну ты торгуешься — всю душу из меня вынул! Честно, я думал, что на 4200 я тебя поймал, но не тут-то было — ты все оставшиеся семьсот откусил, до последнего цента. Меньше я уж действительно идти не мог.

— Да я, в общем-то не торговался, — пожал плечами Емельян. — Торговался, собственно, ты один.

— Подожди, подожди, — страшное подозрение зародилось в голове у дилера, — ты что же, хочешь сказать, что взял бы ее за шесть с половиной?

— Естественно, — подтвердил Емельян. — Я же тебе сразу сказал о кей.

Я не знаю, как на бумаге выразить всё отчаяние, которое прозвучало в последующем крике "ой, е..." дилера.

К сожалению, это хоть и приятный, но единичный случай. Помню, на фли-маркете мы у одного и того же торговца с разницей в 5 минут купили абсолютно одинаковые темные очки. Я за свои заплатил 3 доллара, а Емельян — 10 и никак не мог понять, что между моим вопросом "сколько бы вы хотели?" и его "сколько я вам должен?" существует большая разница. На мое несчастье, у Емельяна полный набор платиновых кредитных карточек, в количестве, достаточном для составления двух покерных колод, и он его активно использует. Емельян стал специалистом в области натуральной медицины, диетологии, гомеопатии, аюрведы и Бог знает чего еще, так что каждую неделю мы получаем посылки с витаминами, травами от всех болезней, средствами для укрепления бровей и питанием для шнурков на ботинках. Одежду он покупает только лучших итальянских и французских дизайнеров (ума не приложу зачем, если полгода он не высовывает нос из квартиры, а вторые пол года живет в лесу, где его видят только олени и зайцы) и сразу же несет ее перешивать. Что носят, и какая сейчас мода его совершенно не интересует. У него своя, никогда не меняющаяся мода (рубашки только приталенные, брюки без напуска, штанины средние ровные по всей длине, все до миллиметра точно по фигуре), и если какая-то там другая мода не соответствует его моде — тем хуже для этой моды: подаренные ему брюки от Гуччи

за 150 долларов, которые из-за шлиц перешить было невозможно, он надевает на рыбалку. Вообще, Емельян уважительно относится к чужому мнению, во всяком случае, когда на него смотришь, такое создается впечатление: он внимательно, не перебивая, слушает собеседника, смотрит на него чистыми глазами и, что-то бормоча, как бы соглашаясь, вежливо кивает, но если прислушаться к его бормотанию, можно различить что-то вроде: "Нет, пожалуй, гобой в этом регистре будет грубоват. Вероятно, кларнет все же лучше".

Мне он любезно позволяет оплачивать все счета. Сам он на них не смотрит и к ним не прикасается — любой финансовый документ, включая поздравление с Рождеством из банка, вызывает у него приступ аллергии. Помимо казначея я у него работаю секретарем, рассыльным, домработницей и сопровождающим при поездках в Манхэттен, если ему туда надо поехать на машине, а поставить машину негде, при этом он явно недоволен тем, как я выполняю свои обязанности. Спасает меня от увольнения должность спонсора. К счастью, как повар я у него вызываю чувство глубочайшего презрения, так что готовит он себе сам, впрочем, во время готовки и последующей кормежки к нему лучше не подходить — может укусить. Я это так и называю — идет кормежка.

Звонит Галя:

— Боря, спроси у Емелюшки, как мне принимать эти розовые и зеленые таблетки?

— Не могу — идет кормежка.

Галя все понимает. Спустя какое-то время:

— Ну как, сейчас уже можно?

— Не знаю... вроде бы немного насытился, может подобрел... Рискну.

— Все в порядке — не пырнул. Розовые за 40 минут натощак до завтрака, а зеленые 3 раза вместе с едой.

Прилично знает английский язык, говорит, читает и пишет, но как только ему надо позвонить и говорить по-английски, он бледнеет, замирает и меняется в лице, как перед затяжным прыжком без парашюта (в чем, как объяснил Емельян, нет ничего удивительного: по-английски у него может быть только деловая беседа, а телефон плюс деловая активность по ужасу равняются, минимум, Холокосту).

Вместе с тем не могу не отметить его огромную эрудицию и великолепное чувство юмора — не зря он является моим неизменным редактором. К его недостаткам я давно привык и смотрю на них как на достоинства, а своими обязанностями я даже немного горжусь (если сравнить отношение к деньгам и,

вообще, мироощущение Емельяна и, скажем, Людовика 14-го, то Людовик 14 не мог бы у Емельяна работать полотером — а мне Емельян доверяет).

Пусть пишет гениальную музыку и редактирует мои книги, а я с радостью буду оплачивать чудовищные счета.

У Емельяна абсолютный музыкальный слух и, помимо этого, "абсолютный" обычный слух — он слышит, как мышка пробежала на соседней улице. Мы быстро выяснили, когда он был маленький, что, если хочешь что-то сказать по секрету от Емельяна, лучше уехать в другой город, да и там говорить шепотом. При таком слухе Емельян ненавидит шум, вернее, не любой шум, а шум, производимый людьми или созданными ими предметами. К числу неприятных шумов — "назойливые щелчки" — относится, например, движение секундной стрелки в настенных электронных часах, звук которой не мог бы уловить ни один прибор. Ничего не понимая в технике, Емельян умудрился разобрать телефон и обмотать молоточек ватой, а купол, по которому он стучит, марлей, так что теперь звонок телефона — это звук ваты, стучащей о марлю. Услышать, вернее, догадаться, что телефон звонит можно только прижавшись к нему ухом — по легкой вибрации. К счастью, у меня есть верный индикатор — когда Емельян издает тяжкий стон, это значит — кто-то звонит. Нетрудно догадаться, что моя жизнь не относится к числу легких: я должен учитывать, в каком месте диван поскрипывает и туда не садиться, не должен шаркать (сам Емельян перемещается по квартире бесшумно, как привидение, и легко может стать причиной инфаркта, неожиданно сказав что-то за твоей спиной), шуршать газетой и т.п.

Я люблю семечки. В обычных условиях из-за треска скорлупы (грохот, как в кузнице) это исключено, но вот Емельян уходит к себе работать — закрывает дверь, надевает наушники и начинает писать или записывать музыку. Я через две комнаты тоже закрываю дверь, включаю телевизор (без звука, естественно), тихонько-тихонько, осторожно раскусываю семечко... и тут же раздается негодующий вопль: "Прекрати щелкать!" Мой друг Юра Рихтер посоветовал мне покупать семечки с глушителем.

Об имени Емельян. В России с этим проблем не возникало, но здесь для эмигрантов кажется органически невозможным запомнить и выговорить "Емельян" правильно. Наиболее частое искажение — Эмиль, но он также бывал Еремей, Изя, Милен, Елизар, Илларион, Исмаил и даже Рюрик. В интервью с корреспондентом я специально заострил на этом внимание, внятно продиктовал "Е-мель-ян" и попросил не перепутать.

Он страшно удивился самому наличию проблемы и сказал,

что: во-первых, это старинное, достаточно редкое русское имя с напрашивающейся аналогией "Емельян Пугачев", что, практически, само по себе исключает возможность ошибки, во-вторых, наше интервью записано на диктофон и, в-третьих, у него не просто профессиональная, но фотографическая память. В результате из-под его пера вышло следующее:

— Борис Михайлович, а чем сейчас занимается ваш сын?

— После концерта в Корнеги Холл Эммануэль написал "Ромео и Джульетта" — большое симфоническое произведение и сейчас работает над его записью.

— А сколько ему было лет, когда вы приехали? Когда мы приехали в Америку, Эмме было двадцать пять лет.

Мало того, что одно имя французское, а другое еврейское, так еще и оба женские!

В детстве Емелюшка был очень хорошенький с длинными кудряшками и его часто принимали за девочку. Они играли с другими детьми в саду "Эрмитаж" и одна девочка говорит ему: "Девочка, дай мячик". Емельян: "Я не девочка, я мальчик". Проходит какое-то время, и она снова: "Девочка..." Емельян: "Я не девочка, я мальчик — меня зовут Емельян". Она, не обращая никакого внимания, вскоре снова назвала его девочкой. У Емельяна лопнуло терпение, он к ней подошел и вынул письку:

— Это — девочка?

Емелюшке четыре года.

— Папа, а разве бляди поют?

— Гм... ну, как сказать... во-первых, не все... хотя, действительно, многие... скажем, в Москонцерте... а почему ты, собственно, спросил?

— Сегодня, когда мы с няней пошли в сад, и птички зачирикали, она сказала:

"Опять, бляди, поют".

Сразу по приезду в Америку Емельян аккомпанировал известному еврейскому певцу Эмилю Горовцу. Концерт был посвящен еврейскому празднику, и после концерта ортодоксальные евреи угощали обедом. Ничего не знающий о еврейских традициях, на вопрос, что он будет есть, Емельян ответил: "Бифштекс с кровью".

Мы с Емельяном отдыхали под Москвой в доме отдыха "Болышево". Емельян заходит в номер, хохочет и говорит:

— Папа, я сейчас получил удовольствие за 25 рублей.

— Каким образом?

— Играем мы в преферанс. Мы — это наш общий знакомый К., я, и еще двое партнеров. Проигрывает один К. Мне — двадцать рублей и пятерку партнерам. Делает в уме какие-то подсчеты и

спрашивает:

— Емельян, у тебя есть пять рублей?

— Я ему даю пятерку, естественно, полагая, что у него 25 рублей одной бумажкой; пять рублей он отдает партнерам, 25 мне, и все будут в расчете. Ничего подобного. Он просто расплатился с партнерами моими пятью рублями и ушел.

Я встречаю К. и говорю:

— Левчик, ты что ж садишься играть и не рассчитываешься?

— Ну что, брат у брата... — фальшиво возмутился К.

— Вот именно — брат у брата. Ты не только проиграл и не отдал "брату", так еще и у "брата" забрал пять рублей. Он чуть-чуть подумал:

— Он младший брат, — наконец сказал К., и в его речи неожиданно прорезался кавказский акцент.

Галя

Галя старше города Смоленска на три года, но не сомневается, что человеческий организм рассчитан на тысячу лет и периодически мне говорит:

— Борис, Емелюшке нужны деньги. Нам надо сделать танцевальную программу и выйти на американскую сцену.

— Галя, ты соображаешь, о чем говоришь? Танцевальные программы делают 16-18 летним, и у них может занять 5-10 лет, прежде чем они чего-то добьются.

— Какая разница? Пускай 5 лет, пускай 10 — значит, мы начнем строить нашу карьеру через 10 лет.

Дежурные Галины фразы на протяжении последних ста лет:

Вечером: — Нужно срочно ложиться спать. Это означает, что до шести утра она собирается говорить со мной о Емельяне.

— Не торопи меня — я обязательно что-нибудь забуду, - что-нибудь означает — все. При этом, собираясь куда-либо, Галя действительно торопится: как наперсточники на улице, перекладывает с места на место ключи, пудреницу, гребешок, документы и восклицает:

— Где же ключи? Только что были. Ты не видел гребешок? Мне нужна пудреница. Где документы? Я же не могу выйти без документов.

При такой спешке не имеет значение, когда начало концерта или праздника — в 12 часов дня или в 7 вечера, Галя опоздает и к трем ночи.

Что бы я не купил ей в подарок, Галя задает один и тот же вопрос:

— А это можно сдать обратно?

(Емельян в этом смысле пошел в Галю: что бы я ему не подарил, он смотрит на подарок с ледяным хладнокровием).

Я очень терпелив, но Галя — единственный человек, который легко меня может довести до состояния абсолютного бешенства.

— Борис, перепиши мне видеокассету. Там балет, который мне надо посмотреть.

— Хорошо.

— Не откладывай в долгий ящик, сделай это как можно скорее.

— Хорошо, сделаю.

— Это для меня очень важно.

— Я понял.

— Значит, сделаешь?

— Сделаю.

— Мне надо его посмотреть как можно скорее.

— Я его перепишу прямо сейчас.

— Не забудешь?

— Не забуду.

— Это очень важно для меня. Балет, который я не видела. Перепиши его поскорее.

— Я понял, что для тебя это важно, ты не видела этот балет, тебе надо его как можно скорее посмотреть, и я прямо сейчас его тебе перепишу.

— Очень хорошо. Только не забудь.

— Я не забуду.

— Значит, я могу быть спокойна?

— Абсолютно.

— Учти, я этого балета не видела, и мне его необходимо посмотреть.

— Я это уяснил.

— Значит, перепишешь?

К этому времени химические вещества в моем мозгу меняются местами, я мысленно заряжаю дробовик, точу кинжал, а это еще сильно укороченный вариант.

Когда я захожу к Гале и здороваюсь, она не отвечает на приветствие, а пристально меня разглядывает и обдумывает, какую бы сказать гадость.

— Борис, тебе надо закрывать шею, она у тебя уже не та.

— Галя, моя шея, может быть, не так красива, как была, но это очень хорошая крепкая шея, и на ней до сих пор прекрасно сидят.

— У тебя появилась новая морщина.

— Галя, морщины любят возраст. Это очень хорошо, когда появляются новые морщины, потому что у покойников они не появляются.

Галя соткана из противоречий и обожает говорить о

политике, ничего в ней не понимая. Идея-фикс — отдать землю крестьянам.

Галя: — Что ты думаешь о Ельцине?

— Это лучшее, что сейчас может быть.

— Какая глупость! Он же не отдал землю крестьянам, а хочет продать. В следующий раз на этот же вопрос я отвечаю:

— Ельцин — это кошмар. Землю не отдал крестьянам, а хочет продать. Потакает коррупции.

— Наивный мальчик! Все они хуже, чем он. Я уверена, что он отдаст землю крестьянам.

На следующий день я говорю, что все хуже, чем Ельцин, и он в конце концов отдаст землю крестьянам.

— Ельцин довел страну до нищеты. Рабочие не получают всего, что они зарабатывают.

— Естественно. Они строят капитализм, и у рабочих забирают прибавочную стоимость; об этом еще киска писал.

— Какая киска?

— Карл Маркс.

— А... И он до сих пор не отдал землю крестьянам. Может, хоть после него выберут того, кто отдаст.

— Хорошо бы выбрали Зюганова.

— Не дай Бог, опять будет 37 год.

— Ты права, ни в коем случае нельзя выбирать Зюганова — опять будет советская власть.

— Дурачок, советской власти еще не было. Это была прекрасная мечта, но ее не дали осуществить. И землю крестьянам так и не отдали.

Мне все время хочется сказать, чтобы они пошли на хуй со своей землей, но сдерживаюсь.

— Да, конечно, надо отдать землю крестьянам. Это им еще эротоман обещал.

— Какой эротоман?

— Ленин.

— Почему Ленин — эротоман?

— Ну как, ты что не знаешь эту хрестоматийную историю? Ленин накушался водочки, упал под стол, и его перенесли в спальню. К нему пошла Инесса Арманд; как ты знаешь, чрезвычайно сексуальная особа, которая и к большевикам-то примкнула, чтобы быть поближе к революционным матросам.

Возвращается довольная и говорит: "Ленин и сейчас живее всех живых!" Во всех учебниках.

— Глупости! Ленин, может, и не такой идол, каким его рисуют, но морально был чистый человек. И вот он-то обещал отдать землю крестьянам.

— Да, ну, дай Бог, может, после Ельцина выберут того, кто сможет осуществить мечту и построить советскую власть...

Галя, перебивая: — Ты ничего не понимаешь! Советская власть — это голод и бесправие.

И так до бесконечности.

Фраза, которую Галя повторяет каждый день: "Борис, давай сядем и спокойно поговорим о Емельяне". Я уверен, если бы Галя зашла, застала меня в постели с бабой, а я бы сказал: Галя, давай сядем и спокойно поговорим о Емельяне", — Галя бы тут же села, и баба из ее сознания испарилась.

У Гали нет чувства времени, и она не сомневается, что Емельяну все еще 3 года, хотя по возрасту он старше Джамбула.

— Скажи Емельяну, чтобы он ел петрушку... пускай ест кефир и творог...

— Ты сказал Емельяну, чтобы он ел кефир?

— Сказал.

— И он ест?

— Минимум 3 раза в день.

— Это очень важно, чтобы он ел...

И дальше в плане видеокассеты. Я, естественно, ничего Емельяну не говорю, но пытаюсь, по мере сил, или укоротить бесконечную беседу, или, если это невозможно, обратить ее в юмор и получить удовольствие.

— Скажи Емельяну, чтобы он ложился спать до 12-ти часов.

— Хорошо, я ему скажу.

— Ты сказал Емельяну, чтобы он ложился спать до 12-ти часов?

— Сказал.

— И что он ответил?

— Послал на хуй.

— Как?! Что именно он сказал?

— Он сказал: "Папа, не пошел бы ты на хуй".

— Это недопустимо. Скажи ему, что так нельзя разговаривать с отцом, и что ты настаиваешь, чтобы он ложился спать до 12-ти часов.

— Хорошо.

— Сказал? -Да.

— И он что?

— Снова послал на хуй.

— Это безобразие. Скажи ему, что он должен ложиться до 12-ти часов, и это не только твое мнение, но и мое, что мы оба настаиваем.

— Хорошо, скажу.

— Ну?

— Сказал.

— А он что сказал?

— Не пошли бы вы оба на хуй.

— Какой ужас! Он не имеет права так говорить с родителями, которые его воспитали и, в конце концов, речь идет о его здоровье. Самый полезный сон — это когда ложишься спать до 12-ти часов. Запомнил?

— Запомнил.

— Ты ему сказал?

— Сказал.

— Что ты сказал?

— Я сказал: "Емельян, ты не имеешь права так говорить с родителями, которые тебя вырастили, воспитали и дали образование. В конце концов, речь идет о твоем здоровье, а самый полезный сон — это когда ложишься до 12-ти часов.

— Очень хорошо сказал. И что он ответил?

— Да отъебитесь вы оба от меня.

— Боже, где он слышал эти слова?

— Наверное, на улице.

— Ты же говоришь, что он не выходит на улицу.

— Сейчас нет. Но, наверно, раньше, когда он изредка выходил, он слышал: "пошел на хуй".

— Надо сделать так, чтобы он не выходил на улицу. А второе ужасное слово — его он где услышал?

— Из окна. Окно открыто, а Емельян около него обедает. Буду держать все окна наглухо закрытыми.

— Да, но тогда он будет совсем без воздуха. Скажи ему...

Емельян хохотал до слез, когда я передал ему этот диалог и наше с ним вымышленное общение.

В интервью российскому телевидению Галя сказала:

— Здесь ничего моего нет. Чемоданы, которые я привезла 20 лет назад из России — я их так и не открываю.

Имеется в виду — жду отъезда и не открываю, чтобы заново не упаковывать.

Моя жена Галя обычно недовольна Америкой, причем повод для недовольства ей долго искать не приходится. В мебельном магазине Галя на чисто русском языке с отличной дикцией пытается втолковать продавщице-американке, что ей нужен кухонный стол. Та, естественно, ничего не понимает.

— Мне нужен стол. Сто-ол... Боже, совершенно безмозглая... Стол, на котором едят....

— Галя, — пытаюсь я объяснить, — по-английски "стол" будет "тейбл".

— Тейбл! — недовольно хмыкает Галя. — Почему не сказать

нормально — стол. Почему этим американцам обаятельно нужно все исковеркать?

Галя, естественно, мгновенно включалась в распространенную игру, что в Америке продукты (грибы, бабы, березки, соловьи, сено, тучи — проставить по желанию) не те, и ничего мало-мальски съедобного достать невозможно.

— Боря, скажи Емельяну, чтобы ел фрукты, пока сезон.

— Галя, знаешь, один известный писатель, будучи в Нью-Йорке, спросил, когда у них появляется клубника. Ему ответили — в 5 утра.

Все эмигранты должны сдавать экзамен на гражданство. Пожилым разрешили сдавать на родном, а не на английском языке. Я решил позаниматься с Галей и помочь ей подготовиться к экзамену.

— Галя, сколько цветов на нашем знамени?

— Это на вашем знамени. На нашем другие цвета.

— Кто был в Америке первым президентом?

— Лучше бы его совсем не было.

— Сколько человек в Сенате?

— Да будь они все прокляты.

Едем с Галей в сабвее. Галя, неожиданно:

— Ты посмотри. Полный вагон людей, и ни одного англосакса. (Что Галя подразумевает под англосаксом, как она может его отличить от, скажем, шотландца, и зачем они ей вообще нужны, одному Богу известно).

Я: — Почему? Вот сидит англосакс.

— Он же еврей.

— Да, еврей, но приехал из Англии и работает в магазине "Сакс". Узнала об урагане "Берта".

— Такое может быть только здесь, там бы этого не допустили.

— Борис, неприятные новости из Москвы. Измерили могилу, где лежит мама, и мы все не помещаемся.

— Глупости! Не помещаемся, если лежать на спине, а если боком, то еще одно место можно сдавать. Кстати, боком лежать хорошо — никто храпеть не будет.

В Москве на моем творческом вечере наша очаровательная неповторимая Люся Гурченко вспомнила эпизод, связанный со мной и Галей.

Люся: — Галя сказала мне, что с Бобчиком невозможно долго ссориться: "Как-то я на него обиделась и решила больше с ним не разговаривать. И вот в 6 утра я открываю глаза и вижу: стоит Бобчик во срраке с бантиком и пристально на меня смотрит. Я ничего не могу понять, а Бобчик спрашивает:

— Галя, ты не помнишь, какие глаза были у Владимира

Ильича Ленина, когда Надежда Константиновна послала его на хуй?"

С точки зрения Гали основной вид человеческой деятельности и, по большому счету, смысл существования человечества — это балет. Отставание Америки в этой области укрепило Галю в популярной среди не говорящих по-английски эмигрантов мысли, что все американцы тупые. В особенности, по мнению Гали, правительство (аргумент: этот дурацкий Конгресс занимается черт, знает чем, в то время, как Американский Балетный Театр уже который сезон не может толком станцевать "Баядерку").

— Галя, — говорю я ей, — там есть умные и глупые, хорошие и плохие политики, но все они, в основном, люди высокообразованные, закончили лучшие колледжи и университеты.

— Образованные, — фыркает Галя. — Да они не знают элементарных вещей. Ты думаешь, твой Буш знает, что такое препарасьен?

Если ей дать волю, в Белом Доме все бы ходили в пачках на пуантах.

— Борис, — спрашивает меня Галя, — что ты скажешь Богу, когда с ним встретишься?

— А я с ним как раз вчера разговаривал.

— Вот как? — ничуть не удивившись на полном серьезе говорит Галя, — и что же ты ему сказал?

— Я ему сказал, что в то время, когда нам надо собирать по центу для выпуска музыки нашего сына, Галя истратила 410 долларов на два отвратительных балетных спектакля Кировского театра.

— А он что сказал?

— Он сказал: "Да что она, охуела?!"

Я живу в Квинсе, а Галя в Бруклине. Однажды вечером Галя должна была ко мне приехать, и мы договорились, что я ее встречу в 10 часов около станции метро, чтобы ей не идти поздно одной. Ее нет в 10, нет в 11, нет в 11.30; наконец, около 12-ти она появляется.

— Бобчик, извини, никак не могла найти свою станцию метро.

— ??? Ты же каждый день ездишь в балетную школу!

— Так то днем. Вечером, если Большая Медведица справа, я провожу линию от ковша к Полярной звезде и иду по азимуту. Если Большая Медведица слева, тоже нет проблем — тогда я иду к Сириусу, а сегодня было облачно, и я заплутала.

— Галя, купи секстант, иначе по звездам ты ко мне хуй

попадешь.

Два молодых нефа попытались ограбить Галю в лифте. Один из них вынул пистолет, а второй сказал: "Мани!" Галя критически оглядела одного из них, потом второго, тот, который с пистолетом понравился ей больше.

— Какими глупостями вы занимаетесь! У тебя же прекрасная балетная фигура, — и, протянув руку, крепко схватила его за жопу.

— Чудесные ягодицы! А ну, сделай большой батман! Выше! Тяни подъем!

С выпученными от страха глазами неф тщетно бился, пытаясь высвободить зад из мертвой Галиной хватки, второй стучал кулаками по стенке и звал на помощь. Наконец лифт остановился, негры в панике выскочили из кабины, а Галя бежала за ними и кричала: "Постойте! Вы же забыли взять адрес школы!"

Галя безо всякого волнения, по-деловому говорит о смерти.

— Борис, нам надо лечь на такое кладбище, чтобы Емельяну было удобно к нам ездить.

— Конечно. Причем хорошо бы, чтобы на соседней улице были бардак, бар и ресторан.

— Это еще за чем?

— Ну как ты не понимаешь! Сколько раз в год Емельян будет к нам ездить? Ну раз, два — и все. А так — поехал в бардак, вышел, смотрит — пивнушка, зашел, врезал стопоря — так и до нас дойдет. Таким образом он сможет у нас часто бывать.

— Борис, я застраховала свою жизнь на 15 тысяч, так что наши похороны мы сможем устроить вполне прилично, но я думаю, что гробы надо выбрать заранее — все-таки нам в них лежать.

— Ну, раз у нас есть такие деньги, мы можем купить фобы не на Бэй Парквей, а на Кинге Хайвей.

— А какая разница?

— На Кинге Хайвей гробы более просторные — можно лежать в арабеске, и удобно поворачиваться. Лежать-то долго.

—- Борис, хорошо бы, чтобы нас похоронили на родине. Давай поедем в Россию и присмотрим хорошенькое, миленькое кладбище. Там мы сможем лежать все вместе — я, ты, Рона, мама, тетя Ганя...

— Я бы с удовольствием — кто же откажется лежать в такой компании, но, к сожалению, я должен быть похоронен здесь, рядом с Рахманиновым.

— Не понимаю, причем тут Рахманинов?

— Не знаю, но таково было желание Сергея Васильевича.

— Борис, давай купим склеп.

— Прекрасная идея! Имея склеп, мы можем там поставить мангал, делать шашлыки, а если дождь — мы внутри выпиваем под картошечку с селедочкой — это будет наша маленькая дачка.

К нам приехала из Москвы Галина сестра Рона. Однажды сестры поссорились, и Рона весь день ходит расстроенная.

— Рона, чем ты расстроена, что случилось?

— Галя сказала, что не плюнет на мою могилу.

— Господи! Что ты обращаешь внимание! Мало ли что человек может скатать сгоряча, не подумав! Не плюнет... Слушай ты ее. Обязательно плюнет!

Когда что-то начинаешь рассказывать Гале, она тебя тут же перебивает и задает массу вопросов. Я говорю:

— Галя, приехали артисты из Москвы и привезли...

— Что привезли — спектакль, балет? Где будут выступать? Как купить билеты?

— Галя, не об этом речь...

— А о чем речь? Ты знаешь, кто приехал, а мне важно знать, над чем работают артисты в России.

— Дай договорить, и тебе будет все ясно.

— А у тебя никогда ничего не ясно. Поэтому мы много спектаклей пропустили.

— Галя, не о творчестве идет речь...

— Творчество — это главное, а вот тебе плевать на творчество, и, обидевшись, ушла. Все, что я хотел сказать, это то, что из Москвы приехали артисты и привезли ей письмо от сестры.

Гале хорошо рассказывать анекдоты.

— Два еврея вышли из леса...

— Из какого леса? Хвойного — кедр, пихта, ель; соснового или смешанного?

— Этот анекдот не имеет никакого отношения к составу леса.

— Но лучше уточнять, чтобы было легче осмыслить.

— Хорошо. Два еврея вышли из смешанного леса...

— А почему евреи?

— На этом строится анекдот?

— Так что, если бы не было евреев, не было бы анекдотов?

— Были бы, но этот конкретный анекдот связан с евреями.

— Глупо. Получается, что евреи специально созданы для анекдотов.

"Люди у нас плохие, а народ хороший"

В. Войнович

Люди, одолеваемые заботами, проблемами, живущие в вечной спешке, делаются злыми и ищут повод, чтобы вылить все накопившееся недовольство. После иммиграции я трижды приезжал в Россию — на гастроли в 1994г., и дважды в 96 и 98 годах снимался у Тиграна Кеосаяна, сына знаменитого режиссера Эдмонда Кеосаяна, постановщика "Неуловимых". Каждый раз я поражался обилию хмурых озабоченных лиц, от которых отвык в Америке. Помню, днем идет стайка подростков, впереди мальчишка лет 13-ти. Казалось бы в его возрасте — уроки кончились, сейчас во двор, в футбол погонять — жизнь прекрасна, а у него на лице такое выражение, как будто брокер ему только что сообщил о биржевом крахе, и он решает, стоит ли ему продавать сталелитейные акции и покупать нефтяные. Как сказала известная американская певица, побывав в Москве:

— Если на улице кто-то улыбается — он или сумасшедший или пьяный.

Последний раз, когда я летел самолетом Аэрофлота из Москвы в Нью-Йорк, рядом со мной сидел человек — комок нервов. Внутри у него была шаровая молния, и он был готов ее применить. Меня он, к счастью, узнал, на короткое время расплылся в улыбке, но очень скоро вновь начал посматривать по сторонам сузившимися глазами Рэмбо, вышедшего на тропу войны.

У Аэрофлота прекрасное обслуживание, новые самолеты, очаровательные предупредительные девушки-стюардессы, но в его состоянии он не сомневался, что весь мир находится в заговоре против него, а Аэрофлот и стюардессы — это авангард врага.

— Можно попросить стакан воды? — то ли с иронией, то ли с вызовом спрашивает он стюардессу.

— Конечно, я сейчас принесу.

— Я имею в виду — минеральную, — с угрозой добавляет он.

— Пожалуйста.

— И долго этот поход будет длиться? Получив через 30 секунд воду:

— Да, вас только за смертью посылать. А посмотрите на свое выражение лица, — говорит он милой, вежливо улыбающейся, девушке, — с таким лицом вам только на кладбище работать.

И ко мне:

— Нет, летать надо только французской компанией, в крайнем случае финской — это сервис, там таких ведьм не держат. А этот жлобский Аэрофлот...

Я от безвыходности вежливо кивал, стараясь как можно дальше отклониться на случай, если бы он вдруг решил откусить

мне ухо.

Чтобы как-то отвлечься, я решил достать из лежащей на полке сумки книгу и почитать. Сумка была набита доверху, весила килограмм 20, и надо же было так случиться, что я ее не удержал, и она свалилась прямо ему на голову. Я мысленно приготовился к смерти, в голове промелькнула вся моя жизнь, и последние мысли были о наследстве — кому оставить свою пижаму, канотье и халат, но он вдруг неожиданно заорал:

— Будь проклят этот вонючий Аэрофлот! Все, я с ними завязал! Только французская или финская компании!

И, обращаясь ко мне, совершенно другим тоном:

— Не беспокойтесь, разрешите мне поставить ее обратно, не стоит утруждаться.

В первый раз я понял со всей остротой, как хорошо быть популярным. Что было бы со мной, если бы он не любил меня, как Бубу?!

Угон машины

На многие, особенно дорогие, машины ставится сигнализация. Обычно это различные виды сирен, но бывает и текстовая, причем сам текст и его продолжительность зависят только от фантазии хозяина и длины пленки или запаса памяти компьютера.

В Манхэттене на 30-й улице стоит машина, и черный собирается ее угнать. Динамик орет на всю улицу: "Угоняют машину! Угоняют машину! Граждане, не будьте равнодушны! Позовите полицию! Время не терпит! Отгоните угонщика!"

Черный хохочет, собирается большая, тоже хохочущая толпа.

"Угоняют машину! Ее уже почти угнали! Граждане, представьте себе, что это ваша машина!" — надрывается динамик.

Хохот мешает черному открыть дверь, из толпы его подбадривают, дают советы. Наконец он открывает дверь и садится.

"Если я еще не выключился, значит он уже внутри — верещит динамик. — Позовите полицию! Сейчас он заведет машину, и я ее больше никогда не увижу!" Черный, плача от хохота, подсоединяет напрямую провода и под смех и одобрительные возгласы толпы уезжает — с по-прежнему включенным динамиком.

Домработница Надя

Перед ее приходом я прячу все нужные вещи, но это бесполезно: она их все равно находит и перепрятывает, притом так, что ни одна собака-ищейка не найдет. Зубная щетка, например, прячется в грязное белье. Белье тоже прячется. Мы с Емельяном тоже от нее прячемся. Не спрятался — она прекращает

уборку и начинает рассказывать длинную историю на польском языке. Излюбленное время для рассказов — когда мы обедаем. В это время, кажется ей, нам легче запомнить историю болезни и держать в уме все анализы.

Емельян пишет музыку. Она заходит, становится рядом и смотрит на него задумчивым взглядом одесской торговки:

— Пане Сичкин, такая музыка — я не могу работать!

— Папа, убери ее, чтобы я мог работать! — кричит Емельян.

Я хочу пойти мне на кухню, она меня останавливает:

— Не ходите на кухню, она чистая.

— Я хочу поставить чайник.

— Не надо, плита тоже чистая.

— Так что, для того, чтобы выпить чаю, кухня и плита должны быть грязными? Так давайте я войду и все сделаю!

Приходит она к нам редко. Нам с ней мытарно, и она на работу не рвется. Надя собралась на месяц в Польшу.

— Пане Сичкин, я уезжаю, чтобы вам не дали другую домработницу, я вам на это время нашла золотого человека. Она умеет все: убирает, стирает, гладит, шьет, моет окна, может побелить стены. Вот ее имя и телефон.

— Так я ее могу позвать?

— Нет, конечно! Это если придут з офису с проверкой, вы им скажете, какая она талантливая, и как она прекрасно работает.

Во время уборки Надя без слов фальшиво поёт польские песни, вызывая этим у Емельяна огромную радость.

Я бы, конечно, мог поменять домработницу, но есть опасность, что новая будет петь те же песни, но уже со словами.

Павел Леонидов

С Павлом Леонидовым мы жили в Москве в одном доме и дружили долгие годы. Паша работал администратором Москонцерта и писал стихи к песням, одна из которых — "Тополиный пух" — стала шлягером. В Америке Леонидов концертной деятельностью практически не занимался, но написал и выпустил несколько книг и печатался в газетах. Он был умный, с чувством юмора, но неуемный и, подчас, нетерпимый человек. С громким голосом, хорошо подвешенным языком, Паша на всех плевал и никого не боялся, а его — все. Он досконально изучил систему советской власти, державшейся на фальши и страхе и активно это знание использовал.

В Союзе каждый директор филармонии хочет заполучить известного гастролера, чтобы заработать на нем деньги. Однако известных гастролеров мало, а артистов много; всем им нужны концерты, но вот их-то директор филармонии не хочет и всячески пытается от них отвертеться.

Леонидов звонит секретарю обкома партии, скажем, Краснодара и говорит:

— С вами говорят из приемной директора идеологического отдела СССР Михаила Суслова. Товарищ Суслов отметил ваш край, как передовой, оценил ваши личные заслуги, и в знак поощрения мы решили прислать ведущую бригаду артистов Москонцерта на 20 концертов. Если вы считаете количество выступлений недостаточным, мы, пожалуй, можем немного прибавить.

Секретарь рассыпается в благодарностях, что его заметили, говорит, что да — хорошо бы прибавить, и Паша великодушно добавляет ему еще 10 концертов. Директор филармонии прекрасно понимал, что за ведущих артистов ему навязывают, но тут уж сам секретарь обкома занимался этими концертами, так что матюкался он, только запершись в туалете и про себя.

И так по всему Союзу Паша небескорыстно рассылал концертные бригады.

Надо отдать Паше должное: без всякого театрального образования он прекрасно разбирался в искусстве и, обладая безошибочным чутьем, сделал из многих артистов гастролеров.

Я сидел в комиссии, которая отбирала танцовщиц для Мюзик-Холла, Состав участниц был на удивление слабым, и лишь одна показалась мне способной, о чем я и сказал Паше.

— Нет, Борис, ее не бери.

— Почему?

— Страшная блядь — никому не дает.

— Вы что, делаете концертную программу или организовываете бардак?

Паше сделали сложную операцию, в результате он привык к наркотикам и 10 лет кололся. Пытался бросить, но ничего не выходило. Я наблюдал его до и после укола.

Его первая жена Леля, по его же просьбе, отказывается сделать ему укол. Паша, как зверь, мечется по квартире, пинает ногами мебель, всех оскорбляет; милая, дорогая Леля и очень симпатичная теща идут у него, как две Медузы-Горгоны. Прибегают две его маленькие обаятельные дочки, чтобы поиграться с папой, но Паша орет: "Уберите этих выдр!" — и дети испуганно убегают. Наконец, терпение у Лели иссякает и она делает ему укол. Спустя мгновение лицо его расплывается в детскую улыбку, он нежно целует Лелю, говорит теще, что она мадонна и ангельским голосом зовет детей.

Увы, в конце концов действие наркотика заканчивается. Паша постепенно мрачнеет, в речи начинает прорезываться мат — и все возвращается на круги своя.

Через 10 лет Леонидов влюбляется в редактора Росконцерта Галю, они поженились и Паша, не ложась в больницу, завязал с наркотиками. Как сказали врачи, это чудо.

Трудно было найти двух более противоположных людей, чем Галя и Леонидов. Он — буйный сумасшедший, а у нее тихая, спокойная, вялотекущая шизофрения. Я не знаю, кто был инициатором их отъезда в Америку, но оба они страдали ностальгией и, возможно, из-за постоянной депрессии бесконечно ссорились. Нахамить Пашу долго уговаривать не приходилось, а Галя наказывала его тем, что прекращала с ним разговаривать и не пускала в постель. Несмотря на страдальческое настроение Паша был постоянно возбужден, готов заняться сексом в любое время дня и ночи, и вынужденное воздержание его угнетало.

— Борис, — звонит он мне после очередной ссоры, — она не будет разговаривать со мной 3 дня. Я ей сказал, что ее мать блядь и послал на хуй.

— Борис, 7 дней в отказе.

— А сейчас что?

— Я на нее рассердился, и, когда она хотела сесть, убрал стул, и она пришла на жопу.

Со временем я по степени наказания безошибочно научился определять деяние, за которым оно следовало.

— Галя не будет со мной разговаривать 6 дней.

— Мать блядь, плюнул в морду, пошла на хуй?

— Точно.

— Галя ушла на 2 недели.

— Сильно ущипнул за жопу и вылил горячий чай на голову?

-Да.

И так далее.

Впоследствии Леонидов заподозрил жену в том, что она лесбиянка. У Гали появилась подруга, интеллигентная русская женщина. Они вместе ходили на концерты, спектакли, Галя бывала у нее в гостях, и это дало толчок необузданной фантазии Паши.

— Она мне сказала, что позвонит в 6 часов вечера. Раздается звонок, это она. "Ты же сказала, что позвонишь в шесть вечера", — говорю я ей. А она: "А что, сейчас разве не шесть?" "Да нет, — отвечаю, — 4 часа дня". Понял?

— Ничего не понял.

— Ну как же — они под одеялом друг друга лижут, а там темно, и время не видно. Вот она и перепутала.

— Паша, — говорю, — тебе бы надо работать в сексуальном отделе агентства Пинкертона.

Их общего сына Васю Паша воспитывал довольно

своеобразно. Школьные каникулы. Паша, Вася и я гуляем по Манхэттену.

— Папа, — говорит Вася, — ты мне обещал к началу каникул купить коробку конфет.

— Все правильно, обещал. Ну, пошли.

Мы заходим в магазин, чувствуется, очень престижный. Продавец, менеджер и немногочисленные покупатели говорят таким благоговейным шепотом, что не перекрывают еле слышный звук кондиционера.

— Ну иди выбирай.

Вася уходит, мы остаемся стоять около прилавка возле менеджера и продавца и, по инерции, тоже снижаем тон. Возвращается Вася.

— Выбрал?

— Да, — и протягивает большую коробку.

— И сколько они стоят? — тихим мягким голосом спрашивает Леонидов.

— 55 долларов.

— Хуй тебе!!! — заорал Паша на таком форте, что мог поднять на ноги всех покойников штата Нью-Йорк.

Продавец и менеджер от неожиданности побелели и упали, как снопы, на пол, но Вася, зная папу, ничуть не смутился и достал из-за спины вторую коробку.

— Тогда эти.

— А эти сколько? — вновь спокойным голосом. —14.50

— Это другое дело.

— Паша, — говорю я, — надо вызвать скорую помощь.

— А, — махнул рукой Леонидов, — обычный обморок.

— Откуда ты знаешь, — настаиваю я, — может, что-то с сердцем. Надо позвонить в госпиталь.

— Борис, не пори хуёвину. Через пять минут встанут, как миленькие. Что это, первый раз? Они у меня во всех магазинах валяются.

И действительно, через пять минут они неуверенно поднялись, с ужасом поглядывая на Пашу, мы рассчитались и ушли.

Вася стоит перед витриной магазина, рассматривает компьютер, на котором зачеркнутая цена 320 долларов заменена на 240 с надписью "Сэйл" и говорит:

— Папа, вот если ты мне сейчас за 240 долларов купишь компьютер, который стоит 320, то ты сэкономишь 80 долларов.

— Васенька, — ласково говорит Паша, — я тебе хуй куплю этот компьютер и сэкономлю все 320 долларов.

В Америку иммигрировала дочь Паши от первого брака Ляля

с мужем и внуком Филиппом. Зять Паши, Толя, хороший парень, в Союзе был известным композитором-песенником, и Паша решил поехать с ним в гости к знакомому миллионеру — вдруг поможет протолкнуть Толика. Будучи композитором, петь Толе в Союзе не приходилось, и Паша понятия не имел о его вокальных данных. Толя, человек, мягко выражаясь, крупного телосложения — далеко за 100 килограмм, сел за рояль и неожиданно завизжал таким тонким высоким и пронзительным голосом, что Паша с криком "Ой, ёб твою мать" пулей выскочил из комнаты.

Паша пошел сдавать на гражданство. Когда я сдавал на гражданство то, хотя я и сумел по-английски ответить на какие-то вопросы и даже что-то написал, этого оказалось недостаточным, и мне пришлось почти год ждать, чтобы придти на пересдачу.

Паша немного понимал и знал кое-какие слова, но явно не блистал, плюс необходимость корячиться на этом ненавистном ему языке страшно его раздражала. Я пошел с ним, зная, что будет весело.

Экзаменаторша, естественно, по-английски просит его прочитать абзац из книги.

— Читай сама, — по-русски с тихой ненавистью говорит Паша.

— Напишите — у меня есть жена, и я люблю Америку.

— Я не люблю Америку, — по-русски перебил ее Паша.

Экзаменаторша ничего не может понять, с недоумением на него смотрит.

— Кто у нас президент, и кто вице-президент?

— Да срать я хотел на них обоих, — опять-таки по-русски начал накаляться Паша.

— Ду ю спик инглиш?

— Да пошла ты на хуй, выдра, со своим английским! Какого хуя придумали этот экзамен! Делать не хера! Вы ж войны, бляди, не видели! Зажрались, суки! -от громового пашиного голоса сотрясались стены. На шум скандала, столь необычного для этого учреждения, прибежал супервайзер — маленький пухленький розовый человечек, который в ужасе посмотрел на Пашу и что-то быстро умоляюще залопотал по-английски. Смысл его текста, как я понял, сводился к тому, что не надо волноваться, пусть Паша придет завтра, и он все устроит.

На следующий день я опять пошел с Леонидовым. Мы зашли в комнату, за спиной экзаменаторши стоял супервайзер и с успокаивающей улыбкой пантомически объяснял Паше, что не надо волноваться — все в порядке.

— Когда была подписана Декларация Независимости? — по-английски спросила экзаменаторша.

— Что, блядь?! Она опять!! — заревел Паша. Супервайзер в пантомиме прикладывал палец ко рту, закатывал глаза, делал успокаивающие пассы руками, давая понять, что нет повода для волнения, все это проформа, и чтобы Паша успокоился.

Паша не ответил ни на один вопрос, ничего не написал и не прочитал и не сказал ни одного слова по-английски. Через пять минут после экзамена прибежал супервайзер и вручил Паше сертификат, который в случае успешной сдачи обычно присылают по почте через месяц, в котором значилось, что Паша — гражданин Соединенных Штатов Америки.

Павла Леонидова очень любил писатель Сергей Довлатов, который с юмором относился к пашиному хамству. Сергей выпускал газету "Новый Американец", в которой иногда печатались рассказы Паши.

Из рассказов Довлатова:

Звонит мне Леонидов и спрашивает:

— Сергей, мой рассказ в этом номере пойдет? Я ему отвечаю:

— Павел Леонидович, в этом номере ваш рассказ не пойдет, и если вы хотите знать мнение художественного совета...

— Да я хуй положил на ваш художественный совет, я спрашиваю: когда рассказ в номер пойдет?

Леонидов считал Вайля и Гениса талантливыми людьми и с уважением о них говорил, но однажды ему что-то не понравилось, и он через газету "Новое Русское Слово" обозвал их педерастами, импотентами, графоманами и старыми онанистами. Пришел в редакцию "Нового Американца", поздоровался со всеми, подошел к моему столу и спрашивает:

— Сергей, что это Вайль и Генис со мной так холодно поздоровались?

Как я уже говорил, Паша ностальгировал и, по-моему, даже находил какое-то удовольствие в своих страданиях, но со мной, поскольку я не был его единомышленником, ему ностальгировать было трудно.

Когда я после аварии попал в госпиталь, Паша пришел меня навестить.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Паша, и в его голосе я уловил нотку удовлетворения — может я, хоть временно, растерял свой оптимизм, и сейчас мы вместе сможем славно пострадать.

— Хорошо, — отвечаю я.

— Это пока, а скоро от боли будешь лезть на стенку.

— Думаю, скоро выпишусь.

— Да нет, ты застрял здесь надолго.

— Почему? У меня ни одного перелома нет.

— Еще обнаружатся.

— Сплю я хорошо, а это хороший признак.

— Потом будешь спать плохо, и это будет плохой признак. Носи с собой нитроглицерин.

— Зачем? Какое отношение авария имеет к
сердцу?

— Еще какое — загнуться можешь в любой момент.

— Паша, тебе надо было стать врачом — у тебя люди с насморком писали бы завещание.

В очередной раз Паша приходит ко мне поделиться депрессией и говорит замогильным голосом:

— Борис, я со всеми в ссоре и дружу только с тобой. Я уверен, когда я умру, только ты придешь и поднимешь мой фоб.

— Паша, я тебя очень прошу, помирись еще с тремя — один я хуй подниму твой гроб.

— Борис, — уже нормальным тоном сказал Паша, - пошел ты на хуй. С тобой не удается пострадать.

Ян Медовар

Бывший московский эстрадный администратор. Возраст неизвестен — когда он родился, еще не существовало загсов. Однако, поскольку первое слово, которое он произнес было "деньги", денег в то время еще не было, а был натуральный обмен, и честь изобретения денег приписывают финикийцам, можно предположить, что родился он приблизительно в V в. до нашей эры. Тем не менее, несмотря на возраст, его энергии и прыти, направленных на доставание денег, может позавидовать любой 20-летний карманник. Медовар получает ССАй, потихонечку сосет еврейскую организацию "Арбетер Ринг", проводит небольшие еврейские концерты, на которых под предлогом пропагандирования еврейской культуры получает деньги он один и большие концерты, на которых ворует все, что удастся.

Медовар проводил концерт певицы Нины Бродской. После концерта Нина недосчиталась 1500 долларов (это помимо "законно" украденных, когда администратор пускает в зал без билета за наличные, использует билеты, оставшиеся от предыдущего концерта и т.п.). Нина вместе с мужем, папой и сыном отправились к Медовару домой. Тот, видимо, кого-то ждал и сразу открыл дверь.

Нина сказала:

— Ян, ты украл 1500 долларов.

Медовар прочел в их глазах суд Линча, позывы к людоедству и быстро сориентировался.

— То-то я вижу, у меня лишние 1500 долларов, — и тут же их отсчитал.

Вот что значит полениться посмотреть в глазок двери. Казалось бы, опытный администратор, а из-за дурацкого недосмотра лишился кровных, честно украденных 1500 долларов.

Павел Леонидов как-то посоветовал мне взять для концерта администратором Медовара.

—Да, но он же ворует со страшней силой.

— Естественно, он же администратор.

— Ну а ты бы украл?

— Конечно. Правда, я бы украл долларов 300, а он ближе к 800, но все равно стоит.

Леонидову также принадлежит крылатое изречение, связанное с Медоваром. Медовар проводил юбилейный концерт одного артиста. Печальная необходимость дать хоть какие-то деньги юбиляру вызывала у Медовара нервный тик, а уж об оплате остальных артистов, участвовавших в концерте, естественно, не могло быть и речи. Медовар мямлил: "Это маленький зал, расходы большие, неизвестно какие будут сборы", — и всячески уходил от ответа на вопрос заплатит он или нет. Певица, так ничего и не добившаяся от Медовара спросила Леонидова:

— Паша, ну как ты думаешь, он что-то заплатит?

— Не думаю, — с сомнением покачал головой Леонидов. — Медовар не вынесет двоих.

На одном из моих концертов, где Медовар должен был мне помочь, он попытался впихнуть певицу, поющую еврейские песни, которая была мне абсолютно не нужна, но нужна ему. Я отказался. Медовар обратился в еврейскую организацию "Воршен Сиркл" с жалобой, что Сичкин борется с евреями и еврейскими песнями.

Я зашел в "Воркмен Сиркл" и сказал:

— Обвинения младшего лейтенанта КГБ Медовара лишены каких бы то ни было оснований. Все артисты в концерте — евреи, и все русские песни, звучащие в концерте поются с сильным еврейским акцентом. Самому Медовару мир обязан возникновением известной ораторской техники, ошибочно приписываемой древним грекам: набрать полный рот камней и говорить, стараясь заглушить рокот прибоя. Камни Медовар так и не выплюнул, но его картавое еврейское "р-р-р" может заглушить не только прибой, но и заходящий на посадку "Боинг 747", так что ни у кого не остаётся сомнений, что он находится на еврейском базаре. Короче, этот эстрадный концерт на самом деле посиделки патриархальной еврейской мишпухи.

Один обаятельный еврей спросил меня по секрету:

— А что, Ян Медовар действительно младший лейтенант

КГБ?

— Честно говоря, я не уверен — младший или старший, но посудите сами: разве мог бы даже средний чин, скажем майор, сморозить такую глупость, — и ушел, оставив его в глубоком раздумье.

Медовар на пол головы ниже лиллипута, но значительно уступает ему в весе. Однажды, за что-то на меня обидившись, он сказал Вадиму Консону:

— Вадик, предупреди Сичкина: я молчу молчу, но ведь могу и ёбнуть.

На вопрос, чем он сейчас занимается, Медовар отвечает:

— Своей профессией — писатель, сценарист, режиссер. Такой вот скромный ответ.

Мне он звонит два раза в год и оставляет сообщение на автоответчике: "Борис, давай дружить, что мы с тобой не поделили? Все уже умерли, одни мы с тобой остались..."

Я на всякий случай выглядываю в окно и проверяю: если действительно все умерли, и остались только я и Медовар, то жить не стоит.

Когда мы приехали в 1979 году в Америку, я был поражен отношением к иммигрантам. Сразу же в аэропорту нам выдали деньги на пропитание, начали обучать английскому, давая деньги на проезд и на обед, бесплатно привозили мебель и многое другое. Невероятно! Медовар приехал в Нью-Йорк на две недели раньше нас. Мы встретились в Найане, и я задал ему стандартный вопрос "Как дела? Как устраиваешься?" С неожиданным напором на темпераменте Медовар закричал:

— Я раввина сниму с работы! Он не будет у меня работать!

— Нам в синагоге дают обеды, так раввин сказал, чтобы у нас за них брали по 15 центов.

— А что, плохие обеды?

— Прекрасные! Из ресторана, четыре блюда, плюс всякие булочки, пирожные, масло, варенье...

— Ну, так надо думать, они стоят значительно больше 15-ти центов, чем же ты недоволен?

— Он не имеет права брать деньги!

— А он что, их себе берет?

— Нет, конечно, но это неважно — он не имеет права брать деньги. Нет, он у меня работать не будет.

Я восхитился: две недели в Америке и уже снимает раввина с работы. Что же будет с конгрессом США через пару месяцев?

Я не знаю, где Медовар хранит наворованные деньги, но предполагаю, что в матрасе. Если это так, этот матрас можно смело выставлять на аукцион Кристи вместе с яйцами Фаберже и

алмазом "Кохинор", так что если увидите на аукционе "Матрас Медовара", не задумываясь покупайте за любые деньги — не прогадаете!

Продуктовые магазины

Многие иммигранты, особенно из Одессы, не сомневаются, что я живу на Брайтоне. Они любят Брайтон и считают, что помимо Одессы, это единственно пригодное для обитания место. Один даже спросил Емельяна, узнав, что он живет в Квинсе: "А это далеко от города?" — имея в виду отнюдь не Манхэттен и пришел в ужас, когда Емельян сказал — примерно 40 минут до Брайтона на машине: "Зачем же ты забрался в такую глушь?" Ну, а уж я, Буба, просто обязан жить на Брайтоне. Встретив меня, один недавно приехавший молодой одессит долго восторженно говорил, какое это для него счастье увидеть живого Бубу Касторского и под конец спросил, где на Брайтоне я живу. Я сказал, что я живу в Квинсе.

— Почему?! — в полном недоумении воскликнул он, — все же живут на Брайтоне!

— Вот именно поэтому я и живу в Квинсе.

— Так это же даже не Бруклин, это еще дальше!

— Безусловно.

— Так какой же смысл?

— Понимаешь, — говорю я ему, — у нас в округе два продуктовых магазина, и в одном два раза в неделю дают мясо.

— А у нас каждый день, — перебил меня он.

— Да, но у нас дают целых полтора кило в одни руки.

— У нас сколько хочешь!

— Во втором магазине по пятницам бывают яйца и молоко; отпускают, конечно, только дюжину яиц и литр молока на человека, но мы с сыном — так что можем брать по две порции. Правда, приходится недосыпать, т.к. очередь надо занимать с половины шестого утра.

— Да у нас везде каждый день продают яйца и молоко.

— А сколько дают в одни руки?

— Сколько хочешь.

— Так не может быть, люди начнут делать запасы.

— Да зачем запасы, если каждый день можно купить свежее?!

— Странно... Однако у нас есть преимущество — по субботам продают овощи, и даже бывают арбузы.

— У нас каждый день любые овощи, фрукты, арбузы, причем круглый год. Переезжайте на Брайтон — все есть, и не надо рано вставать.

— Хм, вообще заманчиво, но мне все равно придется ездить в Квинс — мы с сыном нашли один магазин, в котором иногда

бывает черный хлеб.

— У нас в каждом магазине огромный выбор черного хлеба.

— И что, по карточкам можно взять по батону на человека в неделю?

— По каким карточкам?! Берите хоть сто батонов!

— Да, но все-таки без ограничений это тоже не дело — бегаешь по магазинам, высунув язык, стоишь в очереди, скажем, за яйцами, четыре часа, а они кончаются.

— Они никогда не кончаются.

— Что значит, всегда хватает на всю громадную очередь?

— Нет никаких громадных очередей, не надо бегать по разным магазинам — заходишь в один магазин и покупаешь свободно все, что нужно.

— Я все-таки не совсем понимаю. Я что, могу зайти в магазин и свободно купить суповый набор?

— Почему суповый набор? Любое мясо, масло, яйца, хлеб и так далее.

— А рыбу иногда выбрасывают?

— Всегда полно.

— У нас в Квинсе ее нет. На следующей неделе обещали завести головы из-под щуки — устроим с сыном праздник, сварим уху.

— Да приезжайте на Брайтон и купите какую угодно рыбу.

— А сколько дают в одни руки?

— Что вы привязались к рукам? Сколько хочешь! Господи, что за район вы выбрали? Всего два магазина, и ничего нет. Переезжайте к нам, все есть, и не надо вставать чуть свет.

— Ну как, но ведь в очереди все-таки отмечаться надо?

— Да нет никаких очередей!

— Ну, то, что ты говоришь, это просто какое-то чудо! Я, пожалуй, действительно перееду, если у вас такое снабжение.

Пока я, правда, еще не переехал — говорят, у нас в супермаркете к Новому Году будут давать яблоки и сухофрукты.

Рыжий студент и мама

В Сочи недалеко от моря сдавалась комната для курортников, одну из которых мы занимали. К нашей хозяйке на каникулы приехал сын, студент МГУ. Очень симпатичный парень — высокий, рыжий, обаятельный и крайне интеллигентный — на удивление полная противоположность своей матери, женщине из простых и особой утонченностью в обращении не славившейся. Случилось так, что соседка разлила в коридоре воду, и наша хозяйка набросилась на нее с бранью:

— Ах ты, паскуда! Что ж ты делаешь, шлюха старая! Люди поскользнуться могут! Из-за таких курв — и дальше в том же

духе.

Студент пришел в ужас...

— Мама! Как тебе не стыдно? Пожилая женщина случайно разлила воду, неужели это повод для скандала? И такими ужасными словами... Я тебя прошу, извинись перед этой женщиной.

Хозяйка, вроде бы успокоившись, молча слушала сына, чувствовалось, что она гордится им. Помолчав, она умиротворенно произнесла:

— Я тебя понимаю, сынок. У тебя теория Иисуса Христа — если тебя ударили по левой щеке, подставь правую... А я тебе скажу, как Ленин сказал: если тебя ударили по одной щеке, — в ее голосе неожиданно зазвенел металл, -то ты развернись и так въебачь ему в рыло, чтоб эта блядь, курва, на всю жизнь запомнила, еб ее мать! — и дальше зашлась в таком мате, что студент, зажав уши, в панике сбежал.

Я до сих пор хохочу, вспоминая мамочку, и никак не могу понять — причем тут Ленин?

Рассказ Ростроповича

Это рассказ самого Ростроповича, который я услышал от третьего лица, так что по сравнению с действительными событиями возможны неточности.

Ростроповича выдвинули депутатом Верховного Совета от Донецкой области и сказали, что было бы хорошо, если бы он дал концерт для шахтеров. Ростропович охотно согласился и приехал в Донецк.

Собрались заслуженные шахтеры в выходных костюмах при орденах и медалях, Ростропович вышел на сцену, поклонился, сел и заиграл что-то из современной музыки, большим поклонником которой он является. В зале начали с недоумением переглядываться.

— Это он настраивается, — пояснили знающие люди, знакомые с традициями классической музыки.

Однако время шло, а музыкант не заканчивал настройку инструмента; наоборот, на его лице даже появилось какое-то воодушевление.

Половина зала заснула мертвым сном, а вторая половина начала переглядываться уже не с недоумением, а с четко сформировавшимся намерением. Мало того, что им обещали концерт, что значит: певцы, танцоры, жонглеры, акробаты, а не виолончель, так еще эта сволочь явно издевается.

В зале поднялся один шахтер, на цыпочках, чтобы не разбудить спящих, поднялся на сцену, наклонился к Ростроповичу и сказал:

— Слышь, ты давай быстро чеши отсюда на хуй, а то сейчас такой пизды получишь...

Ростропович понял, что перед ним друг, который видит: пожилой интеллигентный человек, и не со зла это он, а, ну что поделаешь — ёбнутый, а его сейчас так будут бить... Будучи умным человеком, Ростропович тут же бросил играть и, не кладя виолончель в чехол, рванул через черный ход со скоростью, не дававшей никаких шансов самому быстрому из избирателей, решившему его догнать.

Вслед ему в Москву полетело гневное коллективное письмо: "Мы хоть и не народные артисты, но никому не дано право издеваться над простым трудовым советским человеком!"

Гриша Новак

С будущим чемпионом мира по тяжелой атлетике Григорием Новаком я работал в Киеве в клубе Госторговли. Он был крафт-акробатом (силовым акробатом), а я танцовщиком. Гриша был неимоверной силы, все тело в мышцах, и со своим партнером игрался, как с мячиком. Своей атлетической фигурой Новак вызывал зависть у многочисленного киевского хулиганья, и им хотелось его ударить. Однако каждый из них прекрасно пожимал, что если Гриша обнимет его и ласково прижмет к груди, то ему потом будет трудно найти свой позвоночник, поэтому хулиган бил Гришу исподтишка и сразу же бежал, как угорелый. Новак был очень сильный, но догнать хулигана, который от страха бил все мировые рекорды, не мог. Однако, если я был рядом, этот номер не проходил. Хулиган бежал, я выставлял свою античную ногу, хулиган падал, оказывался в нежных объятиях Гриши (иногда, для разнообразия, Новак поднимал его и швырял об стену), после чего навсегда завязывал с хулиганством и уходил в программисты. После войны я снова встретился с Гришей, который стал чемпионом мира и также прославился, как непримиримый борец с антисемитами. Гриша был умным, с хорошо подвешенным языком, но боролся с антисемитами отнюдь не парламентскими методами — он их бил смертным боем. Страшного антисемита писателя Сурикова, чью бездарную пьесу поставили во МХАТе исключительно в знак признательности за его ненависть к евреям, Новак встретил в ресторане "Москва" и тут же спустил с лестницы, чем до конца жизни заслужил уважение и любовь московской интеллигенции. Гриша поставил более 40 мировых рекордов, за которые полагались деньги, выдавать которые должны были антисемиты из Спорткомитета. Каждый поход Гриши в Спорткомитет заканчивался мордобоем, хотя, со временем, наученные горьким опытом, антисемиты начали выдавать деньги молча.

— Понимаешь, Борис, — говорил мне Новак, — они хоть и молчат, но в глазах я читаю: "Опять жид за деньгами пришел", — и я ничего не могу с собой поделать. У меня уже человек 8 ходят на костылях, меня пытались таскать по судам, но я бил и буду бить эту мразь.

— Гриша, — говорю, — но ты же можешь не рассчитать и кого-нибудь убить.

— Ничего, они в Спорткомитете ребята тренированные и такие нагрузки должны выдержать.

Впоследствии Гриша со своими двумя сыновьями-богатырями сделали свой силовой аттракцион, с которым успешно работали в цирке. Гриша радовался моим успехам в кино, перед моим отъездом на Запад пришел с двумя бутылками вина, сделанными его отцом, которые много лет пролежали, как талисман, вручил их мне и пожелал счастья. Здесь, в Америке, я узнал, что он ушел из жизни.

Артист С.

С этим прекрасным актером мы вместе снимались в одном фильме. Встречаю его на съемке, он мрачнее тучи.

— Борис, это не группа, а какой-то бардак. Впервые встречаю такую группу — это несерьезные люди.

— А в чем дело?

— Я отснял все эпизоды, и режиссер сказал, что следующая сцена со мной будет сниматься не раньше, чем через две недели. Я подаю заявление "Прошу предоставить мне 12 дней отпуска в связи с запоем".

Вот резолюция и подписи директора и режиссера: "Предоставить 12 дней отпуска тов. С. в связи с предстоящим запоем".

Я покупаю 12 литров водки, беру две пары брюк...

— Зачем две пары брюк?

— Во время запоя я обсираюсъ. Значит, беру две пары брюк, снимаю угловую комнату в гостинице...

— Почему угловую?

— Слышимость меньше. На пятый день бред со сна, а к концу недели приходят черти — мы шумим, мат, крики... Так вот, договорился с маляром...

— А маляр зачем?

— Как зачем? Я же облевываю стены. Договорился, он уже подобрал краску, занес все в номер; открываю бутылку, чувствую, зачесался нос, участилось дыхание, налил стакан, чувствую запах водки — все внутри заклокотало, только поднес стакан ко рту, не успел сделать и глотка — стук в дверь, на пороге стоит директор группы и говорит: "Вас ждут на съемке". У меня перехватило

дыхание, я только и мог сказать: "Бляди вы, ёб вашу в душу мать" — и слезы покатились из глаз.

Голуби

Я стою на углу Брайтона и Ошен Парквей, жду знакомого и откровенно скучаю. Рядом стоит новенькая блестящая японская машина. К ней подходит иммигрант в костюме-тройке с бантом — видно, собрался в гости — и, хотя машина явно только что вымыта, вынимает из кармана платочек и начинает смахивать с машины несуществующие пылинки. Закончив эту процедуру, он отошел на несколько шагов назад и окинул машину взглядом, которым, вероятно, смотрел на свою мадонну Леонардо да Винчи.

Вдруг неизвестно откуда появилась стая голубей, зависла над машиной и в течение нескольких секунд полностью ее обгадила.

Я оживился, а иммигрант нет. Какое-то время он стоял с выпученными глазами, потеряв дар речи. Когда дар речи к нему вернулся, и он перебрал весь мат, который знал, а знал он немало, он открыл багажник, достал какие-то тряпки и с остатками мата начал очищать от голубиного дерьма свою любимицу. В конце концов он кое-как привел ее в божеский вид, но тут снова появилась та же стая, опять зависла над машиной и....

— Вон отсюда на хуй! Что ж вы делаете, бляди?! Вам что, негде больше срать?! Совести нет! Был бы автомат, я бы всех вас на хуй перебил!

Голуби его внимательно выслушали, что не помешало им сделать свое черное дело, и улетели.

Он. нашел в багажнике еще какую-то майку, принес две бутылки сельтерской воды и с остервенением принялся за работу. К этому времени его выходной костюм и бантик превратились в тряпки и поменяли цвет на цвет голубиного дерьма. Когда работа подошла к концу и он с подозрением начал поглядывать на небо, я подошел к нему и на полном серьёзе сказал:

— Вот вы их прогоняете и говорите с ними по-русски. Они не знают русского языка. Это же американские голуби.

— А что я им должен был сказать?

— Гет аут! Гоу эвэй!

В этот момент появилась все та же стая, и мой ученик заорал на весь Брайтон:

— Гет аут на хуй! Гоу эвэй, бляди! Гет аут на хуй!.. Он повторил это раз семь, и, голуби, как ни странно, развернулись и улетели.

Иммигрант посмотрел на меня с уважением:

— Да, надо учить английский.

Я сделал большое дело для Америки, еще один еврей будет

знать язык.

Давид Копперфилд

Иллюзионист Давид Копперфилд известен также своими романами с манекенщицами, звездами кино и телевидения. При этом он весьма нескромно, не по-джентльменски в прессе и на телевидении обсуждает сексуальные способности своих партнерш, обозначая их постельные игры эфмеизмом "танец" — "когда я танцевал с...", "в танце она слегка вяловята..." и т.п.

Случилось так, что одной из пассий Копперфилда стала наша иммигрантка, и в интервью он довольно скептически отозвался о ее, е... хореографических способностях. В отличие от своих американских коллег, обычно предпочитающих не комментировать заявления Копперфилда, наша иммигрантка тут же послала возмущенное письмо в газету, которое я привожу в обратном переводе с английского:

"Это я не умею танцевать?! Я с 14 лет была ведущей солисткой в России (спросите любого в Одессе), станцеваля ряд запоминающихся партий в Италии и здесь, в Штатах, веду напряженную концертную деятельность, включая гастроли. А вот ему, между прочим, прежде чет критиковать профессиональных танцовщиц, не мешало бы подучиться танцевать самому. Мало того, что он танцует только один танец, так и тот медленный, и он не знает в нем ни одного пируэта. Но это еще что! Не успевает он сделать первые несколько па, как тут же идет на коду. Где разработка, где полифония?! Партнерша не успевает даже понять мелодию, не говоря уже о контрапунктах. Давид, хочешь танцевать, выучи хотя бы один метражный танец, если не хватает дыхания на полную сюиту. И запомни: "Плохому танцору яйца мешают".

Поэт из Краснодара

Мы с Володей Высоцким и Севой Абдуловым смотрели футбол на стадионе "Динамо". После футбола проголодались, хотелось пойти посидеть, выпить и закусить, но денег не было. Володя сказал:

— Ребята, я в завязке, но тут приехал один парень из Краснодара, запакован деньгами, щедрый, угощает, но при этом читает свои стихи — очень долго.

Мы сказали: "Давай!"

Приехал здоровый парень с огромной авоськой, в которой, как он объяснил, часть его стихов, а в гостинице еще три авоськи; мы пошли в ресторан, ели и пили, а он читал свои стихи — абсолютный бред эротического плана. Под конец он спросил, не можем ли мы порекомендовать ему кого-нибудь, кто помог бы протолкнуть эти стихи в печать, человека, тонко чувствующего

поэзию.

— Конечно! — воскликнул я. — Иди прямо к директору Мооконцерта Бурштейну, скажи — от Сичкина.

(Надо сказать, что Бурштейн был весьма непростым, подчас суровым человеком, терпеть не мог фамильярности, и попасть к нему на прием было довольно сложно).

— Не надо записываться на прием, он простой, свой в доску парень, любит, когда ему сразу говорят "ты" — просто заходи, садись и сразу начинай читать. Если он будет пытаться чего-то сказать или уйти — не обращай внимания и не пускай — это он от застенчивости. Не уходи, пока не прочитаешь все, что у тебя есть, чтобы он имел полное представление о твоем творчестве.

Через несколько дней я встретил в Москонцерте Бурштейна.

— Борис, есть предел этим идиотским шуткам! Этот здоровенный жлоб открывает ногой дверь, со словами "так будет интимнее" закрывает ее на ключ и кладет ключ в карман, направляется к креслу, держа в руках 4 авоськи, как выяснилось, стихов, садится и начинает читать свой кошмар. Он сидел у меня в кабинете 5 часов! Я вставал, но он меня силой усаживал обратно в кресло. Когда я на нервной почве начал смеяться, он страшно обрадовался и сказал, что у него в Краснодаре есть еще шесть авосек юмористической поэзии. Сейчас он туда улетел за новой порцией. Борис, еще один такой визит, и я покойник, надо же знать — с кем шутишь!

Эпельбаум

Что такое народная любовь я понял после рассказа моего товарища администратора Эткина, который проводил гастроли знаменитого еврейского певца Эппельбаума. Могучего телосложения, с невероятными красоты и силы голосом Эппельбаум пользовался огромной популярностью. В Виннице еврейская мама спрашивает сына лет восьми:

— Ты знаешь, кто к нам едет?! Он сам к нам едет! Боже, как нам повезло! Ты даже не можешь себе представить, кто к нам едет! Ну скажи, кто к нам едет?

Мальчик в растерянности:

— Ленин?

— Да что Ленин?.. Эппельбаум!!!

В Житомире, где должен был состояться первый концерт, во всех домах был накрыт стол, и все ждали на обед Эппельбаума. Выше чести, чем Эппельбаум обедал у тебя и ел твою гефилте фиш, быть не могло.

И вот, наконец, концерт; зал забит, люди не стоят, а висят друг на друге. Аккомпаниатор играет вступление, Эппельбаум начинает петь, но после первых несколько нот останавливается и

говорит:

— Не могу петь, у меня изжога.

По залу прокатывается шум: "Изжога, он не может петь — у него изжога".

Кто-то из зала спрашивает:

— А у кого вы ели? Эппельбаум: — У Кацмана.

Голоса: — У Кацмана. Как можно есть у Кацмана? Это же не дом, а изжога.

Возмущение нарастает, все оглядываются в поисках Кацмана, но его уже давно нет в зале. Наконец кто-то говорит:

— Товарищ Эппельбаум, ну спойте хотя бы одну песню. (У Эппельбаума сольный концерт).

Пианист снова играет вступление, Эппельбаум начинает петь, резко останавливается и говорит:

— Не могу — изжога.

В зале хор проклятий в адрес Кацмана:

— Где этот Кацман? Не умеешь делать фаршированную рыбу — пошел на хуй! Кацмана надо было убить в зародыше! Ну, мы тебе устроим сладкую жизнь!

Встает старый мудрый еврей и говорит:

— Ша! Ничего вы Кацману не сделаете. Его уже нет в городе, и сейчас он хлопочет об обмене квартиры. Товарищ Эппельбаум, ну, может, хоть один куплет?

Эппельбаум, с сомнением: — Один куплет? Снова вступление, снова Эппельбаум берет несколько нот, обрывает:

— Изжога, блядь!

У евреев на глазах слезы, они все понимают:

— Изжога. Не может петь. Товарищ Эппельбаум, мы вас любим, не надо петь (Кацман сука; как можно есть у Кацмана...)

Концерт, в котором Эппельбаум не спел ни одной песни закончился овацией. Вот это любовь: сольный концерт, ни одной песни — и овация!

Конкурс красоты

Во время круиза по Черному морю на корабле проводился конкурс красоты, и я был его председателем. Первый приз единогласно получила девушка из Чехословакии — очаровательная, веселая, хорошо пела и танцевала и интересно отвечала на вопросы. После конкурса состоялся праздничный банкет. Недалеко от нашего стола сидела компания кавказцев и, по непонятной для меня причине, посматривала на меня глазами, в которых читалось, что только моя смерть может доставить им удовольствие. От их стола отделилась женщина средних лет и пригласила меня на танец. Во время танца, глядя на меня в упор маленькими, глубоко запавшими глазками, она неожиданно

густым басом спросила, как так получилось, что она не получила первую премию. Я пригляделся к ней повнимательнее. Говорят, орлиный нос украшает мужчину, надо думать, это относится и к женщине, даже если он заканчивается у щиколотки. Маленькая черная бородка приятно гармонировала с пышными усами и удачно подчеркивала выступающий далеко вперед хищный подбородок. Полное отсутствие груди компенсировалось короткими кривыми ногами с неожиданно, как я ощутил на себе во время танца, острыми коленками. Короче, это была старшая сестра бабы-яги. Я посмотрел на компанию джигитов, вспомнил все, что мне было известно об обычаях кровной мести и сказал:

— Как вы не понимаете? Это же все политика! Я, как председатель жюри, имел три голоса и, естественно, отдал их вам. Иначе быть не могло! Я профессионал и сразу вижу красоту и талант, а вас от остальных так называемых красоток еще и отличало огромное сценическое обаяние. Но я, относительно, человек независимый, а капитан, помощник и остальные члены жюри члены партии. Был звонок из Москвы, из ЦК — дать чешке, как представительнице братской социалистической республики, и у жюри не было выхода — хоть это и абсурд, но дать пришлось ей. Что касается меня, то, хотя у меня, конечно, будут крупные неприятности, я не мог пойти против своей совести и написал особое мнение.

Она расцвела, крепко прижала меня костлявыми, но сильными руками к впалой груди и потащила к своему столику. Объяснила ситуацию на кавказском языке, и вся компания тут же начала меня поить, кормить и произносить тосты в мою честь. Меня целеустремленно спаивали до 5-ти утра, пока я под каким-то предлогом не сбежал и до конца круиза прятался по всему кораблю, а джигиты меня искали, чтобы упоить вусмерть.

Я бы не мог работать в определенном театре с постоянной труппой. Каждый театр мне напоминает одесский Привоз с той лишь разницей, что на Привозе меньше хамства и нет завуалированной зависти.

Склоки, интриги...

***

Виктором Драгунский организовал театр "Синяя птичка". Ой был тем хорош, что в нем работали артисты разных театров, которые оставляли все дрязги в своем родном коллективе, а здесь расслаблялись и отдыхали от закулисного театрального кошмара. На гастролях в Ленинграде Аркадий Райкин, посмотрев наш спектакль, влюбился в меня и предложил перейти к нему в труппу. Я всегда восхищался талантом Аркадия Райкина, к тому же новую программу должен был ставить мой друг Евгений

Симонов, так что я с радостью согласился.

Я был знаком со всеми актерами и актрисами из труппы Райкина, но когда я пришел на первую репетицию никто, за исключением жены Райкина, обаятельнейшей Ромы, со мной не поздоровался. После репетиции ко мне подошел актер Вадим Деранков и сообщил, что Райкин — это дутая фигура, и держится он на четырех штампах. Я ему ответил:

— Вадим, мой тебе совет: укради у Аркадия Исаковича один штамп, и ты станешь приличным артистом.

И в этом плане каждый день. В тюрьме или психиатрической больнице обстановка была намного доброжелательнее, и я бежал оттуда со всех ног. Коллектив — это сила, чтобы уничтожить талант.

Я потому так долго говорю о зависти и интригах, столь распространенных в артистическом мире, что хочу рассказать историю, в которую человеку, знакомому с закулисной жизнью театра и кино, поверить просто невозможно.

Олег Видов

Артист Олег Видов, сбежав на Запад, поселился в Лос-Анджелесе. Мы вместе снимались в фильме режиссера Орлова "Остановка поезда две минуты", и я запомнил Олега как приятного компанейского парня, к тому же доброго и отзывчивого — однажды он очень помог актрисе Гавриловой, когда у той случилась неприятность. Олег и его жена американка написали киносценарий (кстати, очень интересный), и я должен был играть роль русского консула. Были фото и кинопробы, но, к сожалению, денег не достали, и проект не был осуществлен. Олег снимался в Голливуде, но очень мало и, конечно, нуждался и в работе и в деньгах.

В 1989 году начались съемки фильма "Никсон — последние дни", и на роль Брежнева пригласили Олега Видова, причем не на пробу, а на уже утвержденную режиссером роль. Американцев мало волновал тот факт, что Видов высокий блондин, по типу подходящий на роль героя-любовника: когда дело касается русских, им достаточно формальной этнической принадлежности, и они не обращают внимания на сходство. Ленина у них мог бы играть человек двухметрового роста, а Крупская была бы с шиньоном и в глубоком декольте. Но — какая, собственно, разница Олегу Видову? У него была возможность сыграть важную для карьеры роль и получить столь нужные ему деньги. Олег приходит к режиссеру, приносит мои фотографии и говорит, что в Америке есть только один человек, который может и должен сыграть Брежнева — Борис Сичкин. Дает мои координаты, меня вызывают на пробу, и через несколько дней Олег мне звонит в

Нью-Йорк и счастливым голосом сообщает, что я утвержден на роль.

Приятно сознавать, что на земле есть такие люди и актеры, как Олег Видов — легче жить.

Дай ему Бог долгих лет!

Сергей Склов

Одним из моих самых близких друзей в Москве был Сергей Склов. Огромный акробат-силовик с отнюдь не утонченной меланхолической внешностью молодого Вертера, он мог бы зарабатывать сумасшедшие деньги, просто вечером прогуливаясь по парку: каждый, увидев его, сразу же вынимал бы бумажник и снимал часы и шапку. На самом деле это был невероятно добрый и чуткий человек с большим чувством юмора, и свою внешность он обыгрывал в многочисленных шутках и розыгрышах.

Жена пианиста, профессора консерватории Якова Флиера была филармонической певицей. Будучи замужем за Флиером, она не думала о заработках, но они разошлись, и ей пришлось устроиться на работу в Москонцерт.

Первый выездной концерт. В автобусе соленые шутки, лабушский жаргон, мат; вопрос "Ну ты с ним кончила?" звучит так же обыденно, как "у нас осталась заварка?" Воспитанная и вращавшаяся в среде, где малолетним детям говорят "вы", она в ужасе забилась в дальний конец автобуса и сжалась в комочек. Склов сразу почувствовал подходящую почву для юмора и навис над ней:

— Тебе очень повезло, что ты попала к нам в бригаду. Мы тут народ интеллигентный, мы сразу за жопу не хватаем. Походишь, пообтрешься — сама дашь. А удовлетворяем —две недели гарантия!

У Сережи была машина, и после концерта он часто развозил артистов по домам. Едет после концерта, в машине шесть артисток. Его останавливает майор милиции:

— Что это такое? Полагается пять человек вместе с водителем, а у вас шесть пассажиров!

Сергей смотрит на него и, постепенно накаляясь, на крещендо:

— Если бы здесь не сидели женщины, я бы послал тебя на хуй!

И уехал, оставив майора стоять с отвисшей челюстью и размышлять — но ведь там же сидели женщины.

Сережа приглашает друзей, меня в том числе:

— Приходите, я завтра устраиваю чай для бедных. Прекрасно накрыт стол, мы выпиваем, закусываем,

шутим. Через какое-то время Сережа:

— Так, ну, поели и — давай отсюда! Быстренько, быстренько!

Все хохочут — полное несоответствие: реплика адресована близким друзьям, но Склов выдерживает образ "чай для бедных".

У нас гости, в том числе и семья Скловых. Конец вечера, гости уже разбрелись кто куда: кто в гостиной, кто на кухне, кто у рояля. Сережа заходит в гостиную, правое ухо пунцовое, хохочет до слез и объясняет:

—- Я все время приставал к Емелюшке (Емелюшке 4 года), щипал его, говорил: "Что ж ты такой маленький, такой слабенький? Тебе надо делать гимнастику — у тебя ножки слабенькие, ручки слабенькие". Присел на стул, и он мне вдруг как въебачит! У меня искры из глаз посыпались!

Ярчайшая личность, человек многообразных талантов, вместе с красавицей женой и неизменной партнершей Ниной вырастивший двух прекрасных талантливых сыновей Сашу и Андрюшу, его как и многих других замечательных людей, уже нет среди нас.

Зато антисемитов и анонимщиков...

Говорят, что все гениальное — простое. Однако не все простое — гениальное, скажем, "простой советский человек".

Я люблю Америку, но должен заметить, что по количеству идиотизма, особенно связанного с сексом и с трогательной любовью к педерастам и лесбиянкам, Америка вряд ли кому-либо уступит.

Мне, как и многим, присылают рекламные проспекты и брошюры. На одной из реклам детского шампуня фотография: улыбающаяся девочка лет 3-х сидит в ванной, а мама ей намыливает головку. Все хорошо, плавает резиновая уточка, девочка улыбается с открытыми глазами (шампунь не щиплет) — полная идиллия. Один нюанс: сидит девочка в ванной в пляжном лифчике (до половины она погружена в воду, но надо думать, что там она защищена панталонами, непроницаемыми даже для рентгеновских лучей). Помимо того, что лифчик ей в ближайшие 9-10 лет вообще не понадобится, что подразумевают авторы рекламы: что мыться надо в купальном костюме или необходимость защиты несуществующей груди от нескромных взглядов мамы?

Когда я снимался в рекламе МСАй, мне рассказали о еще более нелепом случае.

Снимается реклама пеленок. Розовый веселый младенец, белые пеленки. Сняли. Все, как водится, друг друга поздравляют, но вдруг представитель заказавшей рекламу компании забеспокоился:

— Подождите, а какого пола младенец? Никто не знает,

наконец выяснили — девочка.

— Да нет, вы что, с ума сошли? — говорит представитель.

— Had же тут же обвинят в детской порнографии! Не только компанию будут бойкотировать, так еще все эти общественные организации по судам затаскают. Оденьте на нее лифчик.

— Нет, вот это будет порнография, — возмутился режиссер.

— Может еще сетчатые чулки с подвязками?

Для разрешения вопроса решили обратиться в суд. Решение судьи поражает соломоновской мудростью: Поскольку в этом возрасте пол ребенка определить невозможно, разрешить оставить рекламу без лисрчика, и от себя, "не для протокола", добавил:

-— Вы, на всякий случай, просто не говорите, что это девочка.

Емельян приходит в библиотеку в Манхэттене. Обычно на первом этаже беллетристика, справочная литература, география и литература на иностранных языках, но в этот раз интерьер поменяли. Книг немного и узкотематической направленности — исторические — "Выдающиеся педерасты и лесбиянки", Эссе — "Радости однополого брака", религиозно-философские трактаты — "Иисус Христос — наш?" и т.п. Детские картинки, типа тех, которые какие-то идиоты развесили в поездах метра "У Дженни два папы. Они иногда ссорятся, но потом прыгают в постельку и там мирятся" и транспаранты, утверждающие, что у жопы большое будущее.

Емельян поинтересовался у библиотекаря, чем вызван интерес библиотеки к столь специфической тематике.

— У нас месячник педерастии, — буднично ответила библиотекарь. — Как обычно, каждый февраль.

— А-а... Я вообще как-то ближе к скотоложеству, — доверительно сказал Емельян. — Мне, наверное, стоит зайти в марте?

Библиотекарь с сомнением:

— Не знаю, я не слышала о планах на март, вы посмотрите по каталогу.

Женщина-гомосексуалист — любит только мужчин.

Язычники — племя лесбиянок.

Языкознание — курсы повышения квалификации для лесбиянок.

Популярные у лесбиянок проклятия: "Чтоб у тебя язык отсох!" и "Прикуси язык".

На интервью одна иммигрантка на вопрос, как у нее с языком, ответила:

— Прекрасно, только английского не знаю.

Фальшивоминетчица

На Брайтоне один иммигрант говорит другому:

— Чего ты сломя голову несешься на каждый концерт, как только кто-то приезжает из России? Там же одни голубые!

— Меня это не волнует — я дальтоник.

Язык до Киева доведёт - лесбиянка в дороге.

В Москве, на презентации, одного известного деятеля спросили, что он думает о ситуации в России. Подвыпивший, он ответил прямо:

— Мы все в жопе, и, при том, как складываются события, скоро мы все будем в глубокой жопе.

Присутствующие на презентации педерасты бурно заопладировапи, встали и хором запели "Интернационал".

Министр юстиции лесбиянка госпожа Рина сказала:

— Если белый оставляет машину открытой — это акт расизма, т.к. тем самым он провоцирует нефа ее украсть. Это недопустимо, и с подобным расизмом необходимо бороться.

В дальнейшем этот шедевр логической мысли получил естественное продолжение: женщину, избитую и изнасилованную фуппой негров в Центральном парке во время утренней пробежки, также обвинили в провокации — ребята мирно сидят на дереве, как вдруг мимо бежит женщина, да еще в шортах, а не в водолазном костюме, естественно, мальчики возбудились. Так мало этого, она даже не осознала свою ошибку, не раскаялась и попыталась убежать — не возмутительно ли?! Ничего удивительного, что ей перебили железной палкой ноги и проломили голову.

Расизм чистейшей воды! Чего ты вообще выходишь на улицу, ты же знаешь, что тебя там ждет негр со стоячим, зачем же его провоцировать?

Я заметил, что в Америке грабители, насильники и убийцы отличаются повышенной чувствительностью: на суде адвокат, защищая нефа, под давлением неопровержимых улик признал, что да — его подзащитный действительно убил семью из четырех человек, включая двух малолетних детей, но попросил жюри присяжных учесть, что в детстве он был хороший мальчик, не обижал животных, до третьего класса хорошо учился, и не его вина, что жестокое расистское общество довело его до такого состояния.

Убийца, слушая речь своего адвоката, от умиления к себе расплакался.

Когда по телевизору показывают арест очередного уголовника, он всегда рукавом или воротником куртки закрывает лицо от камеры — чувствуется, что ему неудобно перед коллективом.

Негр ограбил и убил хозяина продуктового магазина на глазах у находившихся там покупателей. Располагая показаниями свидетелей полиций начала розыск преступника — нефа определенного возраста, роста и т.д. Возмущению негритянской общественности не было предела: почему каждый раз, как что-нибудь случается, полиция ищет черного? Почему она не пытается найти белого?!

Антон Павлович Чехов жаловался, что у него не было детства. Была няня, были игрушки, но не было всех разновидностей. Узнав об этом, я очень переживал за писателя. Когда я родился, а я был седьмым по счету, родители были так замотаны, что меня не зарегистрировали в ЗАГСе, так что я понятия не имею, сколько мне лет, и до сих пор иду как малолетка. Воспитывался я на улице, там же доставал жратву и выживал. Из игрушек у меня был только собственный член. Тем не менее я глубоко уважаю Чехова и охотно признаю, что он один из немногих писателей, которые выше меня. Он был выше меня на два сантиметра.

Я живу в Нью-Йорке в государственном доме и получаю пенсию, однако многие не сомневаются, что я мультимиллионер. Как-то я должен был встретиться с одним из таких людей, и он звонит, чтобы узнать, как меня найти.

— Привет, так где твой особняк? Я ему диктую адрес.

— Э-э, знаешь, за рулем сложно рассматривать таблички. Его, как, легко узнать? У тебя перед ним там есть сад, сронтаны?

— Фонтанов нет, но есть сад.

— А сам особняк большой?

— Да довольно приличный.

— На сколько комнат?

— Ты знаешь, честно говоря, как-то руки не дошли пересчитать, но думаю, комнат сто двадцать наберется.

— Ну, так это очень большой, даже непонятно, зачем тебе такой.

— Так я его делю.

— А-а, а с кем?

— С государством.

— С государством? Не понимаю, зачем тебе понадобилось государство... Но, это, в основном твой особняк?

— Да нет, я бы сказал, что его.

— Ничего не понимаю. Ну ладно, так как мне тебя найти?

— Очень просто. Как приедешь, спросишь, где государственный дом для нищих.

— Борис, давай встретимся. Поболтаем, может, зайдем посидим куда-нибудь.

— Не могу, очень занят.

— А что ты делаешь?

— Отмываю деньги.

— Тихо! Ты что болтаешь, телефон может прослушиваться.

— Пускай слушают, тут нет никаких секретов. У меня два доллара упали в грязь, и я их отмываю.

Мой автоответчик часто меня веселит:

«…пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала».

Домработница:

— Здравствуйте. Это говорит Надя. Пан Сичкин, вас нет дома? (Ждет ответа). А когда вы будете? (Опять ждет ответа). Я бы хотела придти завтра во второй половине дня, хорошо?.. Или вам удобно с утра?.. — и никак не понимает, что машина ей ничем не может помочь.

Или такая запись:

— Але, Лида, возьми трубку... Виталик, ты, что ли, говоришь?,, чего-то я голос не узнаю... или я не туда попал?... Ну, ладно, на всякий случай оставлю месседж. Ты что ж, курва, тебя ждут, ждут, блядь, а тебя нет ни хуя. Больше не выёбывайся. Позвони.

Звонит Натан, аккордеонист из Киева:

— Але, Боря, Борис... (в сторону, жене) Слышь, у него робот отвечает... Але, слушай, робот, это я, Натан из Киева. Скажи Сичкину, что мы с семьей в Вашингтоне и хотим приехать на недельку в Нью-Йорк. Робот, ты понял?.. Я не уверен, что он понял... Робот, скажи Сичкину, что мы с женой и дочерью поживем у него дней десять, хорошо? Робот, хули молчишь?.. Этот робот какой-то тупой... Робот, передай Сичкину, что у нас денег ни хуя нет, и ни о какой гостинице речи быть не может! Робот, ты меня понял? Передашь?.. Хуй он передаст, мы в жопе.

По приезде в Америку я долго не мог привыкнуть к американским улыбкам и вежливости. Я жил в такой хамской стране, и если в течении дня меня не послали, у меня было ощущение, что мне что-то недодали, а тут-Однажды меня угораздило спросить американца, где метро. Он расплылся в широчайшей улыбке, медленно и внятно, видимо, догадываясь, что мой язык далек от языка Шекспира, объяснил и на всякий случай, подозревая, что смысл некоторых слов мог от меня ускользнуть, прошел со мной до метро два квартала, хотя ему туда совсем не было нужно. После чего, улыбнувшись еще шире, он так же медленно и внятно пожелал мне приятного дня. Кошмар! Что они, издеваются?!

Зато в другой раз я отдохнул душой. Еду я на своей машине в чужом районе и никак не могу найти нужную улицу. Спросить американца боюсь, памятуя печальный опыт, и — о, чудо! —

вижу, идет молодой жлоб с наглой мордой на полпируэта. Я сразу понял — наш! Он без разговоров влез в машину, сказал:"Давай прямо, на светофоре направо. Здесь налево, стоп; значит так, я приехал, а ты здесь развернись, доедешь до места, где меня взял, там повернешь направо, и второй блок — это будет твоя улица". Сколько обаяния в этом хамстве! Меня успокаивают, говорят, что у американцев улыбки формальные и вежливость напускная... Какая разница, если они напускают на себя эту формальность двадцать четыре часа в сутки, и так всю жизнь!

Иммигранты справедливо упрекают американцев в отсутствии культуры кухонной болтовни. Встретятся два американца:

— Привет4, как дела?

— Прекрасно, — и все.

Причем он скажет "прекрасно" даже если только что потерял работу, от него ушла жена, и он идет вешаться. Ну что взять с этих туземцев? У них как-то не принято морочить друг другу голову состоянием здоровья тещи. То ли дело иммигранты!

Встречаю я недавно смутно знакомого иммигранта, на ходу улыбаюсь, говорю:

"Добрый день, как поживаете", — и собираюсь идти дальше. Не тут-то было. Он резко останавливается, загораживая дорогу, неторопливо вытаскивает сигареты, прикуривает, с сильным выдохом выпускает дым изо рта, носа и ушей и, через паузу, говорит с трагической усмешкой

— Да разве это жизнь! Живу на подачки дяди Сэма. Кинули мне пенсию, квартиру, фудстемпы — мол, живи и не рыпайся — откупились. Ну, есть машина, не новая, между прочим. Так я и там жил неплохо. У меня там (в течение следующих сорока минут я узнаю, как у него складывалась карьера, мельчайшие подробности диеты, планировки квартиры и т.п.)

Ты спрашиваешь, как дела? (Я и не думал спрашивать). Дети — это гвозди в нашем фобу. Сын, выродок, уже курит. Нет, не "Мальборо", а марихуану. Дочь — это вылитая блядь. Ей два года, а что вытворяет... Да, ты знаешь, кто здесь? Ну, ты очень обрадуешься... Фима Швицер из Киева! Да знаешь ты его, ты еще говорил, что это тупая мразь, сексот вонючий... Да ты бы его сразу узнал. Ну, короче, встретились мы с ним, туда сюда, пятое десятое, тары бары растабары, вспомнили, как он облевал репетицию, туда сюда, он мне я ему, слово за слово, хуем по столу, та...

В это время я сделал обманный финт корпусом влево и, когда он среагировал, обошел его справа, крикнув на бегу: "Извини, я опаздываю на самолет!" Вслед мне еще долго неслось: "За слово...

растабары..." — а ведь он еще даже не начал рассказывать о своих анализах.

— Зинаида Яковлевна, не выходите на улицу: появился маньяк, который убивает проституток.

— Не понимаю, при чем тут я?

— Вы меня не дослушали — и блядей тоже.

У нас есть знакомый художник, чьи работы не продаются, но однажды на каком-то вернисаже он заявил присутствовавшим там Шемякину, Целкову, Комару, Меламиду и другим известным и финансово успешным художникам:

— Вы же не можете творить! У вас нет свободы творчества — вы должны думать о финансовом успехе! В отличие от вас, я — человек финансово независимый, и ничто не ограничивает полет моей творческой фантазии, — и пояснил глядящим на него в немом изумлении присутствующим, — у меня жена работает и полностью меня обеспечивает!

Встретившись с Емельяном, он сказал ему:

— Вот ты пишешь классическую музыку. Насколько я знаю, она продается слабо, и, вообще, на сегодняшний день это не бизнес и не то, чем можно заработать на кусок хлеба. Ты не думал заняться чем-нибудь более прибыльным? Я понимаю, тебе помогает мама, но, в конце концов, это же может ей надоесть...

Емельян посмотрел на него и задумчиво произнес:

— Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда...

Концертная бригада возвращается из поездки. Среди встречающих на вокзале жена конферансье, которая не видит своего мужа и спрашивает:

— А где Коля?

— Он в коме...

Жена медленно начинает терять сознание.

— Да, нет, вы не поняли — он в Коми АССР — дополнительные концерты.

Знакомый одолжил у меня 200 долларов. Проходит месяц, другой, но он даже не думает отдавать. С деньгами туго, и однажды, встретив его, я говорю:

— Слушай, ты не мог бы отдать 200 долларов, они как раз были бы сейчас очень кстати.

У него вытянулось лицо и расширились глаза от негодования и возмущения:

— Ты у меня просишь деньги?! Да у тебя совесть есть?! Ты что, не знаешь моего положения: я получаю вэлфер и немного прирабатываю на кеш, и ты у меня просишь деньги?! Ну и ну...

— Подожди, но я тоже получаю ССАй и изредка прирабатываю концертами...

— Ты, между прочим, снимаешься в Голливуде!

— Я, во-первых, не снимаюсь, а несколько раз снялся в Голливуде, во-вторых, это очень морально приятно и хорошо для популярности, но денег я получил очень мало и все их, кстати ССАй удерживает. Помимо всего прочего — ты же одолжил у меня эти деньги.

— Какая разница — одолжил не одолжил! Ты прекрасно можешь без этих денег обойтись, а мне без них будет хуже. У меня квартира в хорошем районе; не та, на которую я получаю вэлфер — ту я сдаю, а живу в Форест Хиллс — ты знаешь сколько она стоит? А страховка на машину? Кроме того, нужно же что-то отложить на старость. Я кручусь, как белка в колесе, и ты у меня просишь денег! Ну уж от кого — кого, но от тебя я этого не ожидал. Постыдился бы!

Понятно, что денег я не увидел. Мне даже стало стыдно, может действительно я не прав.

Я улетаю в Москву, и моя знакомая Лена говорит:

— Борис, лети спокойно, не волнуйся — я позвоню в Шереметьево и узнаю, не разбился ли самолет.

Дайте мне точку опоры, и я дотяну до зарплаты.

Анонс:

Готовится к изданию Вторая книга Моники Левински "Минет душистых прерий".

А может с Моникой Левински надо кончать?

Я привез в ремонтную мастерскую машину на техобслуживание. Приезжает грузин-таксист. Выходит из машины, в глазах грусть, на лице отвращение к жизни. Кивает мне и завязывает разговор:

— Ну как ты, как тебе вообще здесь?

— Да все прекрасно. Америка чудесная страна.

— А мне нет, не нравится мне здесь, понимаешь... вообще тяжело...

— А что, у тебя большая семья, трудно сводить концы с концами?

— Да нет, не в этом дело — дом есть, сыну дом купил; у меня кадиллак, сыну купил кадиллак; такси выплачено, у сына такси выплачено — я сразу два купил полностью...

— Так почему тебе тяжело?

— Ну что, я за этим ехал? — презрительно кивает на такси, — за баранкой сидеть? Я же думал — по профессии буду работать.

— А кто ты по профессии?

— Начальник.

— А в какой области?

— А... это... в любой области, какая, слушай, разница...

— Ну, все-таки надо знать специфику предмета, предприятия или отрасли. Ты английский, кстати знаешь?

— Не очень. Ну, там мост, багаж, туннель знаю, а так нет.

— Ну подожди, английского ты не знаешь, никакой специализации, насколько я понял, у тебя, нет, каким же начальником ты собирался стать?

— Грузинским начальником.

— А, ну тогда тебе действительно тяжело. Тут как раз не так давно уже был один фузинский начальник, и мир сейчас хочет немножко отдохнуть.

Разговариваю с человеком; косноязычен, двух слов связать не может, представляется доктором наук.

— А каких именно?

— Ну, этих... космологических...

— О, это очень интересно. Я, конечно, даже не любитель, но меня всегда интересовал космос. Недавно, кстати, я был в планетарии... Он пофустнел и задумчиво произнес:

— Планетарий... Да, все там будем.

На Брайтоне стоит женщина впечатляющей наружности: фигура — царь колокол, свои брови полностью выщипаны, а на их месте черным карандашом нарисованы чужие — и продает пирожки. Я спрашиваю, с чем пирожки.

— С мясом — один доллар, с повидлом — 70 центов и с капустой по 50 центов.

— Дайте мне один с капустой.

Она окинула меня южно-украинским взглядом с черноморским характером, повернулась ко мне большим задом и, обращаясь ко всему Брайтону, воскликнула с непередаваемыми презрением и сарказмом:

— Я так и знала!

Здоровье не купишь — им расплачиваешься.

Еще до свержения шаха в Иране мой сосед мне сказал:

— Сейчас в новостях показывали шаха со своей шахной.

На работе у моего друга есть еще один наш иммигрант. Сразу после начала рабочего дня он подходит к менеджеру и отпрашивается с работы.

— А в чем дело?

— Мою жену ебут.

— Почему вы так думаете?

— У меня предчувствие, и это предчувствие меня еще никогда не обманывало.

Отпросился, надо думать, спугнул голубков, вернулся. Спустя какое-то время опять подходит к менеджеру.

- ?

— Ее опять ебут.

— Что, снова предчувствие?

— Нет, просто в это время ее всегда ебут.

В обеденный перерыв он стремительно срывается с места, жуя на ходу принесенный бутерброд.

— В чем дело?

— Ланч, сейчас у всех ебарей ланч!

Незадолго до конца рабочего дня он становится нервным и начинает умоляюще поглядывать на менеджера.

— Опять ебут?

— Она работает во вторую смену, сейчас у нее будет ланч, и все об этом знают.

— Так что ж она, не ходит на ланч?

— Редко, если остается время. Ее ебут и во время кофе-брейк, но тут уж я не успеваю.

И так каждый день. Самое смешное, что я знаю его и его жену, эту Мессалину, на которую неудержимо тянет мужиков со всей округи. Он — симпатичный парень, а она могла бы завоевать титул "Мисс одесского Привоза". Крашеные волосы, выщипанные брови, тонкие, как ниточка, губы и типичная национальная фигура: голова, немножко шеи, и сразу жопа. И вот из-за этой Афродиты он каждый день сходит с ума, и его не выгоняют с работы только потому, что менеджер — мужик с юмором, и его забавляет ситуация.

Мы сидим в гостях, хвалим обед, восторгаемся квартирой — хорошее место, прекрасная планировка, два балкона. Неожиданно хозяйка дома, ничем не примечательная женщина, если не считать вульгарной внешности и выкрашенных в жуткий рыжий цвет жестких, как проволока волос, которые отросли, обнажив черные с сединой корни, говорит:

—- Да, но я к сожалению, не могу выйти на балкон.

— Почему?

— Как только я выхожу на балкон и начинаю расчесывать свои роскошные золотистые волосы, у всех мужиков встает, движение останавливается — все смотрят наверх; заторы, аварии...

В Москве ты паркуешь машину, подходит мальчик и говорит:

— Заплати мне, а я постерегу твою машину.

— А что с ней может быть — день, машина на сигнализации.

— О-о-о, — с весельем говорит мальчик, — ты даже не представляешь, что с ней может быть.

И ты платишь, потому что понимаешь — мальчик знает, о чем он говорит. У него в глазах светится 4 проколотых колеса.

Один из коньков, на который любят садиться наши иммигранты, это рассказ о том, как тяжело он начинал. В Италию, где мы проходили иммиграцию, приехал "старожил"" из Нью-Йорка, уехавший несколькими годами раньше, вытащил визитную карточку, на которой было написано, что он президент какой-то компании (один мой знакомый назвал свою компанию, состоящую из него одного, Трансюниверсал Интернейшинал Инкорпорейтид, ЛТД", что, судя по названию, означало, что его бизнес не только охватил весь земной шар, но выплеснулся за пределы нашей галактики и консолидировал всю Вселенную под его управлением) и поведал обступившим его "зеленым новичкам":

— А ведь как я начинал... Я, когда приехал, в Нью-Йорке в небоскребе мыл туалеты с 16-го по 32-ой этаж. А теперь... — он сделал многозначительную паузу, во время которой Емельян сказал:

— Ну, теперь совсем другое дело. Теперь, слава Богу с 16-го по 1-ый.

На автоответчике сообщение: Пожалуйста, позвоните по делу Борису Ривкину по телефону 718... Я звоню:

— Добрый день, можно попросить Бориса Ривкина?

— Здесь таких нет, — с оттенком неприязни отвечает мужской голос.

— Простите, я, наверное, ошибся. Это 718...

— Да, это 718..., но Борис Ривкин здесь не живет.

— Странно, я уверен, что он оставил мне сообщение именно с этим номером. Ну что ж, простите...

— Здесь живет Борис РИВКИНД, это я.

В горах, где у нас трейлер, около частных домов, как и везде в Америке, стоят почтовые ящики с именем абонента. На одном из таких ящиков около дома на Вайт Лейк афишными кричащими буквами написано "Тинтарелли", а под этим в скобочках маленькими "Тетельбойм".

Запах мужчины

В русском доме отдыха проводили отпуск две женщины. Их номер был на первом этаже, и окна всегда были наглухо закрыты. Когда я поинтересовался, почему закрыты окна, ведь весь смысл отдыха в лесу заключается в том, чтобы дышать чистым воздухом, они ответили:

— Вы знаете, мы две одинокие женщины; все-таки это Америка — черные, пуэрториканцы — мы боимся. Вот приедет Моня — будем спать с открытыми окнами.

Проходят дни, Мони нет, окна закрыты, и наконец я их встречаю сияющими — Моня приехал.

В столовой я увидел Моню — чуть укрупненный карлик с навыкате, как у Надежды Константиновны Крупской глазами сидел на стуле и болтал недостающими до пола ножками. Эти две женщины не сомневались, что ни один чёрный или пуэрториканец не осмелится близко подойти к номеру, где находится Моня. Какая все-таки вера в мужчину!

В Германии в луна-парке работал аттракцион "Комната смеха"; собственно, это была не комната, а будка с отверстием, в которую зритель просовывал голову. Стоило недорого, и толпа около будки умирала от хохота. На чем строился юмор? Человек просовывает голову в отверстие, и его бьют мокрой тряпкой по лицу, после чего у него на выбор два варианта: возмутиться... или нет. Он вытаскивает голову, видит стоящую очередь, следующий за ним спрашивает:

— Ну как, смешно?

Он отвечает, — Очень, — и присоединяется к уже побывавшим в окне, наслаждаясь видом очередного идиота, который просовывает голову, чтобы получить мокрой тряпкой по морде.

Психологически очень точно продумано: человек человеку друг, товарищ и брат, но не было случая, чтобы кто-то возмутился и предупредил стоящих за ним о том, что их ждет.

В Москонцерте работал аккомпаниатором пианист Тайкач. Играл он между нот одним пальцем, но случилось так, что он возглавил кооператив по строительству дома для артистов, после чего превратился в солидную фигуру, и все просили, чтобы только он им аккомпанировал. Когда меня спросили, что я думаю о Ване Клиберне, я ответил:

— Я знаю, что он великий пианист, но Тайкач мне ближе.

Рассказ иммигранта

— Когда я приехал в Америку, у меня было три тысячи — немножко с собой вывез, чего-то продал, в Италии подработал, там подсуетился; короче, три штуки. Ну, я немножко осмотрелся, думаю — что такое три тысячи? Ни то, ни сё: жить на них нельзя, даже приличную машину не купишь. Так я что решил: возьму бабки, поеду в казино в Атлантик-сити — или да, или нет... Так блядь, пять минут — и нет!

Наш иммигрант находит в супермаркет, держа в руке гроздь винограда и, обращаясь к продавщице в кассе, говорит тихо и медленно, но чувствуется, что его переполняет благородный гнев: "Я у вас купил виноград, так тут написано, что он без косточек" — кладет виноградину в рот, жует, с укором и налетом иронии смотрит в упор на продавщицу, и неожиданно с силой и шумом выплевывает ей косточку в глаз:

— Тьфу!!!

Порошковая баба

Я убедился, что иммигранта можно заставить поверить в абсолютную чушь, главное — убедительность и наличие второстепенных деталей, придающих реализм.

На Брайтоне группа иммигрантов обсуждает тягость жизни в Америке, а именно — трудности с бабами: с русскими — всё на виду, тут же жена узнает; с американками — не знаешь, как ей что сказать, чтобы тебя не судили за секшуал харрасмент и нарушение политической корректности, а тут еще СПИД кругом...

Я включился в беседу:

— Да, все так... Слава Богу, мы живем в Америке, так что сейчас с порошковыми бабами будет полегче...

— Какими порошковыми бабами?

— Ну как, ты что, не слышал? Ученые всего мира ломают себе голову, что делать со СПИДом, и в Америке нашли, по крайней мере, временное решение проблемы — порошковую бабу. Покупаешь упаковку порошка — она идёт с пластиковой формой — засыпаешь порошок в форму, заливаешь водой — и через 30 минут образуется баба, совсем, как живая; практически — один к одному.

— Не понял, как кукла, что ли?

— Да нет, какая кукла — я же тебе говорю: абсолютно живая лахудра — то, что надо для постели; правда, функционирует только 40 минут.

Да больше и не надо... Достаточно... — послышались радостно-возбуждённые голоса. Кто-то глубокомысленно заметил:

— Ну, так можно взять два порошка. Пока куришь, вторая на подходе. Но были и скептики:

— Да ладно! Какая порошковая баба... лапшу на уши вешаешь.

— Да я сам сначала не верил. Ты слышал о клонировании, овечка Долли?

-Ну.

— Ну так это вообще фантастика — из одной клетки выращивают полностью функционирующий взрослый организм, абсолютно нормальная овца! По сравнению с этим, что там сделать порошковую бабу всего на 40 минут — детский лепет. Я не специалист, но, насколько я знаю, тут используется метод клонирования в сочетании с синтезом эстрогена и дезорибонуклеиновой кислоты, — вдохновенно несу я несусветную псевдонаучную чушь, — единственная трудность — надо быть очень аккуратным с температурой воды — 22-28 градусов Цельсия. Если меньше, баба получается холодная, так

сказать, без огонька. Больше тоже ни к чему — они от жары вялые...

— Ну, термометр не проблема... А в какую они цену?

— У нас в Квинсе их еще нет, я их видел пока только в Манхеттене в Блумингдейле; ну, там всегда дороже — что-то 10-15 долларов. Конечно, немного дороговато, но, зато с другой стороны — тебе ее не надо ни в ресторан вести, ни на такси тратиться, да и времени затрат никаких. Да и провожать ее не надо — положил потом в ванную, налил воды, она растворяется и исчезает.

— В ванную... растворилась и исчезла... — мечтательно закатил глаза другой иммигрант, — моя бы так... а что они — все одинаково клонированы или разные, разных размеров?

— Расцветки и модели практически какие хочешь, а размеры стандартные: смол, мидеум, лардж и экстра-лардж. Ну, как обычно, экстра-лардж чуть дороже...

— Да зачем мне экстра-лардж?! У меня дома экстра-лардж сидит!

— Единственный недостаток, — подбавляю я для пущей правдоподобности, — она не говорит. Сейчас над этим работают...

— Не надо! Пусть не говорит! — возбуждённо загалдели иммигранты. — Слава Богу! Сколько можно!

— Простите, — обратился ко мне пожилой интеллигентного вида человек, — я понимаю, 10 долларов — я бы взял самую маленькую — это немного, но я получаю ССАй, а ни медикейд, ни медикер не оплачивают даже вайагру. Без вайагры покупка становится бессмысленной, а вайагра плюс 10 долларов...

— Не волнуйтесь, вы в Америке, — поспешил я его обрадовать, — а в Америке о пенсионерах заботятся. Для всех получателей ССАй баба идет в комплекте с вайагрой, и в Конгресс уже внесён законопроект, чтобы их выдавали по медикейду — будут специальные купоны, как фудстемпы. Лимит, правда, три кулона в неделю, но если есть родственники на ССАй, скажем, использовать медикейд тещи...

— Спасибо, — расцвел он. — Три в неделю будет вполне достаточно. Говорят, на следующий день в Блумингдейле был неслыханный наплыв сексуальных маньяков, на ломанном английском языке требующих баб в упаковке.

Сотрудница Ленфильма мне сказала:

— Залп Авроры возвестил о начале революции и о превращении в полного импотента и заику моего дедушку Арона Моисеевича, гулявшего в это .время по набережной.

Во время съемок "Ивана Грозного" старая жеманная актриса Бирман, ошибочно полагая, что она примадонна, приставала к

Эйзенштейну, чтобы тот

отменил съемку, поскольку Абрикосов, с которым она должна была играть, пьян:

— Это же немыслимо! Он опять напился. Нет, ну как он может играть в таком состоянии — надо отменить съемку.

— Ну, ничего, ничего... Давайте попробуем снимем — посмотрим, что получится.

Отсняли сцену, и Эйзенштейн воскликнул:

— Алкоголик сыграл прекрасно! Старуха полностью обосралась!

Известного своей оголтелой любовью к советской власти Сергея Герасимова Эйзенштейн называл «наш красносотенец».

Фамилия Зусман на музыкальном жаргоне означает мороз. Сильный зусман — сильный мороз. Во время войны наш фронтовой ансамбль в страшный мороз едет на концерт. Шинельки, как папиросная бумага, неотапливаемый автобус промерз насквозь, все продрогли до костей...

— Ну ж и зусман...

— Да, зусман будь здоров. Ну может, хоть приедем, отогреемся. Наконец приезжаем, и нас встречает большой щит, на котором написано "Хозяйство Зусмана".

После разоблачения редактора журнала «Огонёк» Виктора Бикицера, скрывавшегося под псевдонимом Коротич и выведения на чистую воду президента России Бориса Ельцмана генерал Макашев обнаружил, что евреи пролезли во власть и поработили русский народ задолго до революции - первым был еще Иван Грознер.

Расул Гамзатов обратился на банкете к почти непьющему Маршаку:

— Самуил Яковлевич, а ты что не пьешь? Давай выпьем.

— Расул, при тебе пить, всё равно что при Паганини играть на скрипке.

Один старый профессор сказал:

— Я сейчас в таком возрасте, что зеленых помидор не покупаю.

У Черчилля умер референт. К нему приходит младший клерк и говорит, что он хотел бы занять место покойного. Черчилль ответил:

— Я ничего не имею против, но по этому вопросу вам надо договариваться с дирекцией кладбища.

Школа «Язык твой - враг твой» приглашает на языковые курсы всех иммигрантов. За 10 уроков с гарантией полностью убирается русский акцент из еврейского языка.

Женщину лет под семьдесят спросили, не хотела бы она быть лет на тридцать помладше.

— Ни за что! Опять ходить в этот омерзительный детский садик!

Что такое перепил? Это когда человек выпил больше, чем мог, но значительно меньше, чем хотел.

Я ехал подвыпивший, заблудился, попал в Лонг Айленд, заснул за рулем и врезался в дерево, которому было 500 лет, что удостоверялось специальной табличкой. Машина на свалке, я в больнице, а дерево потеряло свою пикантность. После этого случая местные власти повесили объявление: "Господа водители! Учтите, что столбы и деревья наносят водителям повреждения только в порядке самообороны".

Эстрадного певца Мишу Шуфутинского спросили, кого он считает выше: себя или Чайковского. Он надолго задумался и потом дипломатично ответил: "Ну, так трудно сказать, мы же в разных жанрах".

Когда я эмигрировал, в Союзе про меня ходили самые различные слухи — от нищего на паперти до фабриканта. После того, как я снялся в своем первом голливудском фильме, эти слухи сильно качнулись в сторону фабриканта и обросли невероятными подробностями.

Как-то у меня в квартире раздается звонок, в трубке абсолютно незнакомый мужской голос:

— Привет, Борис, узнаешь? Это я, Журавлев, режиссер из Москвы... (я мучительно пытаюсь припомнить человека с этой фамилией) Да ты меня знаешь, увидел бы — бросился целовать. Ладно, слушай, я к тебе по делу. Я сейчас в Америке, хочу здесь поставить фильм.

— Очень перспективная идея, — промямлил я, чтобы хоть что-то сказать.

— Конечно. Сценарий у меня есть, режиссер я, так что успех, сам понимаешь, обеспечен. Тут есть одна проблема: меня здесь никто не знает, и я на хуй никому не нужен.

— А там? — робко поинтересовался я.

— Тоже.. Да не в этом суть, хули там делать. Слушай, у меня к тебе просьба: я сейчас еду в Лос-Анджелес, позвони в Голливуд Шону О'Коннори, скажи, приехал Журавлев — такое, мол, не каждый день бывает — собирается ставить фильм; пускай он поможет, свяжет с кем надо, ну, ты сам знаешь.

— Да мне ничего не стоит ему позвонить, но это бессмысленно: его же застать невозможно, он бегает по Голливуду, как сумасшедший. Я тебе так скажу — езжай в Голливуд, разыщи Шона и скажи, что ты от Сичкина — все, что тебе нужно, он тут же сделает. Кстати, скажи, что ты его займешь в эпизоде — знаешь, как он обрадуется!

— Да я его с удовольствием займу! Ну все, я поехал. Спасибо тебе большое, Борис, до встречи.

Больше я о нем не слышал.

Гениальный антрепренер и продюсер Эдуард Смольный в полной мере оправдывает поговорку "волка ноги кормят". Если он утром вылетает в Харьков, это не означает, что он не может вам позвонить вечером из Комсомольска на Амуре. Как-то он пытался со мной связаться, когда я был в поездке, по пять раз в день звонил и разговаривал с сыном Емельяном, каждый раз из другого города. Под конец Емельян удивился: "Эдуард Михайлович, вы что, инспектируете границы?" За десять дней Смольный несколько раз по периметру объехал Советский Союз. Не то что застать его дома, но просто узнать, в каком он городе (а после развала Союза и стране) невозможно. Признавая это, Смольный мне сказал: "Борис, если я тебе буду нужен, звони маме — мама всегда знает, где я". Он мне понадобился, я позвонил маме и спросил, где Эдик.

— Последний раз я видела Эдика в роддоме, — ответила мама.

Когда у Иосифа Кобзона были какие-то мелкие неприятности:

американцы не дали ему въездную визу, обвинили в связях с русской мафией, Смольный был страшно возмущен этой несправедливостью и очень переживал. В Нью-Йорке живет бывший администратор ансамбля "Березка" Илья Красильников. Красильников был сильно болен, и на утро ему предстояла сложная операция. В 3 часа ночи из Москвы ему позвонил Смольный и сказал, чтобы он не волновался, так как у Кобзона все в порядке. Илюша тут же перезвонил мне, разбудил и сообщил, что у Кобзона все хорошо, так что я могу не волноваться. Это стало нашим рефреном: если у кого-то случается неприятность, мы говорим:

— Не волнуйся — у Кобзона все хорошо.

Во время гастролей по России мои концерты проходили с показом фрагментов из кинофильмов, где я участвовал. В одном из залов Челябинска не было кинобудки, и фрагменты можно было показывать только из зала, однако администрация была категорически против, т.к. это противоречило правилам пожарной безопасности. Администратор Эдуард Смольный привез все пожарное начальство, клялся, что пленка не горит, никакой опасности нет и решил доказать это наглядной демонстрацией.

— Пожалуйста, смотрите, — сказал Смольный и поднес к пленке горящую спичку. Пленка вспыхнула, как порох, сожгла главному пожарнику роскошные запорожские усы, вслед за чем огонь перекинулся на бархатную обивку кресел. Все бросились на борьбу с огнем. В результате народ победил, но партер зала выгорел дотла.

В дальнейшем в аналогичных ситуациях Смольный продолжал клясться, что пленка не горит, но уже не демонстрировал.

На концерте в Омске Смольный, как только он умел, объявил мое выступление, закончив:

— Когда Чарли Чаплин увидел Бориса Сичкина, он сказал: «Таким артистам я аплодирую стоя!» Встречайте — Борис Сичкин!

Весь зал встал и аплодировал стоя 10 минут. Директор омской филармонии Юровский услышал об этом и скептически говорит Смольному:

— Что-то такое, мне говорили, вчера на концерте зал встал и стоя аплодировал Сичкину. Что-то мне в это не верится, какая-то дешевая байка.

— Хорошо, — ответил Смольный. — Спорим на 1000 рублей. Если сегодня на концерте хоть один человек не встанет, вы выиграли.

По совместительству Юровский был руководителем омского хора (100 человек) и предупредил, что если кто-то из них встанет

— за рубеж не едет.

Вечером концерт, в зале весь омский хор и Юровский.

Смольный снова на крещендо выдает речь:

— ...Встречайте — Борис Сичкин!

Весь зал встал, встал весь омский хор и Юровский. Отдавая деньги, Юровский сказал Смольному: «Вы — авантюрист!»

—- Почему? — ответил Смольный. — Для вас же это было беспроигрышное пари. Вы тоже были в зале, могли не встать и выиграли бы.

— Да? Вы Омска не знаете. Вы не представляете, как бы меня били.

О глухом эмигранте:

— А как он общается на английском?

— Обычно — на пальцах. Правда, говорит с сильным акцентом.

Эс Эс: на немецком — род войск; на еврейском — кушай, кушай; на английском — дважды жопа.

Старые курвы не дают жить не потому, что они старые, а потому, что они курвы... при этом еще и старые.

Известный московский психиатр Валентин Воробьев после перестройки решил открыть свой бизнес — частную клинику для душевнобольных. Звонит мне в Нью-Йорк и говорит:

— Борис, приезжайте — будем все вместе заниматься бизнесом.

— ??? Валя, спасибо, но какое мы имеем отношение к психиатрии?

— Ну как ты не понимаешь! Я — врач, моя жена — медсестра; поскольку она балерина по профессии, она это может делать в танце; сумасшедшие танцуют и поют в хоре, Емельян им аккомпанирует, Галя — балетмейстер, а ты нам всем ставишь программу.

Я еще долго после звонка не мог успокоиться, представляя себе этот сумасшедший дом — самый веселый сумасшедший дом в мире.

На Западе работал журналист Илья Сруль. Как выяснилось, это был его псевдоним.

Муж, уезжая по бизнесу в Россию, спросил у жены:

— Что тебе привезти?

— Привези то, чего нет на Западе. . И он привез клопов.

Мне звонит писатель и режиссер Ярмолинский.

— Але, Борис Михайлович, здравствуйте. Я только что прочитал вашу книгу — это чудо, я получил колоссальное удовольствие. (К сыну) Слушай, ты не мог бы сделать этот кошмар потише — я разговариваю по телефону... что значит, не

пошел бы я на хуй?... Да ты знаешь, с кем я говорю? Это же гениальный артист — Борис Сичкин, Буба Касторский!.. Что значит, не пошли бы мы оба на хуй?.. Да как ты можешь, это же гордость нашей иммиграции, наш Чарли Чаплин., что значит, мы тебе все вместе с Чаплиным остоебенили?.. Что?.. Пока я тут... собака усрапась? Борис Михайлович, я вам позже перезвоню, пока я тут с вами пиз... пока мы разговаривали, собака усрапась.

Одна иммигрантка в гостях говорит:

— Я, слава Богу, приехала с языком.

— Да, — горестно вздохнул ее муж. — С вот таким, — и опустил руку до пола.

— Как вам Америка?

— Вообще-то неплохо, но слишком много американцев.

О критиках

От страсти извозчика и разговорчивой прачки Невзрачный детеныш в результате вытек Мальчик не мусор — не вывезешь на тачке Мать поплакала и назвала его критик Когда он вырос приблизительно с полено...

Их не любят. Если появляется хорошая рецензия, говорят — заказная, за нее уплачено. Плохая — провокатор, написал, чтобы опорочить иммиграцию, и вообще дурак и сволочь. Вероятно поэтому в последнее время мне стали попадаться рецензии, в которых критики пытаются угодить и нашим и вашим: мол, вроде-то было хорошо, но могло бы быть лучше, но и так неплохо, конечно, если бы не это и это. Мысль правильная, но делают это они пока неумело, робка; поэтому я хочу им (критикам) помочь и предлагаю свой вариант рецензии, который в дальнейшем можно использовать как образец.

12 ноября в помещении Абрахам Линкольн Хаим Скул состоялся грандиозный юбилейный театрализованный гала, так называемый, концерт, посвященный 4-летию творческой деятельности Доры Бампер. Концерт прошел при битковом аншлаге полупустого зала, что и не удивительное за четыре года ей удалось из никому не известной Доры Альтернейтор, сменив фамилию, стать не менее известной Дорой Бампер. Впечатляет ее послужной список: после триумфального провала в синагоге на Бэй Парквей Дора начала свое победное шествие по самым престижным забегаловкам Кони Айленда и сейчас серьезно готовится к выходу на Бродвей — с протянутой рукой.

Плеяда всемирно известных в узком семейном кругу звезд 2-го Брайтона немало украсила этот вечер, затянув его до тошноты.

Первым номером на сцену выполз-выкатился непринужденной скованной походкой небезизвестный Яша Болт. Современный мешковатый костюм, висевший на нём, как на

корове седло, придавал ему особый шарм. С утончённой расхлябанностью он прочитал цЬельетон, состоящий из одних пошлостей, и в каждой произнесенной им фразе слышались неподдельная искренность и далеко скрытый талант. Необыкновенную свежесть фельетону придало то обстоятельство, что он написан человеком, не имеющим никакого отношения к искусству — он сейчас учится на 2-ом курсе пищевого техникума, но влез в литературу сразу двумя ногами. Гнусно хихикая и кривляясь, Яша доставил огромное удовольствие себе и зрителям, которые стоя скандировали и требовали артиста на бис, чтобы набить ему морду.

Я заочно хорошо знал певицу Розанну Климакс и с нетерпением ожидал ее выступления. Как только певица запела своим бархатным, чуть прокуренным бельканто, меня передернуло от наслаждения. Что и говорить, итальянская школа вне конкуренции, и жаль, что Розанна нигде не училась. Зрители уже привыкли видеть филармонических певиц, которые от незнания, куда девать руки, во время пения складывают их вместе и аккуратно кладут на свои, обычно большие, фуди. Певица, надо отдать ей должное, ушла от этого штампа, и ее руки во время всего выступления висели, как плети. Что характерно: у Розанны совершенно нет верхов, отсутствует музыкальность и режущий слух тембр голоса, а вместе с тем во всем чувствуется высокий профессионализм, огромная трудоспособность и неповторимая старческая задушевность. Побольше таких певиц!

Обычно чтец или чтица является смысловой нагрузкой концерта. У чтицы Сары Бекицер очень красивый обвал лица, она обаятельна, женственна и сложена, как кубометр дров. С большим вдохновением без всякой дикции Сара осмысленной скороговоркой прочла монолог Наташи Ростовой, доведя себя до слез. По окончании зал благоговейно замер и Сара Бекицер ушла под стук собственных каблуков.

Нельзя не упомянуть художника программы Остапа Поцайло и его смелое оформление сцены в стиле постмодерна. Куски картона на заднике, идиотские фонарики и свисающие тут и там тряпки создавали ощущение, что ты попал в магазин случайных вещей — очень свежо.

Концерт прошел на высоком художественном уровне и не мог не притупить нашу бдительность в борьбе с подобной халтурой. Надеюсь, что нас ждет еще много встреч с этими замечательными артистами в как можно более отдаленном будущем.

На всякий случай лучше все же не подписываться своим именем, а поставить псевдоним; ну, что-нибудь совсем несуразное, типа Кирилл Дремлюх.

Меня всегда удивляли готовность и желание некоторых читателей по любому поводу переписываться с газетой. Одно время "Новое Русское Слово" регулярно печатало письма читателей приблизительно следующего содержания: "Уважаемая редакция! С большим интересом прочитал статью "Владимир Мономах и становление кашрута в Рязани". Прекрасный, злободневный материал — именно то, что нужно нашему читателю. К сожалению, в статье был допущен ряд досадных неточностей исторического плана, которые существенно снижают научную ценность этой работы.

"Ранним утром, стоя вверх по течению на правом берегу Клячки и опираясь на свой знаменитый меч-кладенец. Мономах щурил глаза, наблюдая восход солнца...

Как мне любезно сообщили в библиотеке Конгресса (и это после всего хамства и оскорблений, которые я выслушал, пытаясь выяснить этот вопрос в соответствующих советских инстанциях) 11 мая солнце на Среднерусской возвышенности взошло в 7ч. 12мин. Поскольку Мономах вышел на берег реки Клячка не ранним утром, как ошибочно указано в статье, а в 10ч. 35мин. по московскому времени, он никак не мог наблюдать восход солнца... Кроме того, он стоял не на правом берегу вверх по течению, а на левом, там еще был такой небольшой холмик, и сбоку две ромашки. И на меч-кладенец он, увы, не опирался, т.к. вышел-то, собственно, по малой нужде. Также, хотя он действительно щурился, но щурился не от солнца, а совсем по другой причине, как сам и объяснил в своей крылатой фразе: «Пили зело...» Я надеюсь, что эти уточнения помогут лучше понять характер Владимира Мономаха и его роль в объединении русских земель".

Один мой знакомый не мог навосторгаться своей женой. Хотя, увидев её, я подумал, что таких скоро будут выдавать по медикейду, он мог часами о ней говорить, как о мадонне, клясться ее именем и т.п.

Однажды в компании речь зашла о женьшене.

— Женьшень — это чудо! — встрял мой знакомый.

— Я недавно отдыхал в Кастильских горах, встретил девчонку, мы пошли к ней... и у меня не встал. Мне кто-то посоветовал, на следующий день я выпил настойку женьшеня, опять к ней пришел и — ну, вы знаете, как я люблю свою жену, как она мне дорога, это единственный свет в моей жизни; так вот, клянусь ее именем — я ее ебал до утра.

Администратор знаменитого эстрадного артиста и библиофила Смирнова-Сокольского говорил "пьёрднул", но "коняк". По этому поводу Смирнов-Сокольский заметил: — Вот

если бы из слова "пьёрднул" вынуть мягкий знак и вставить его в "коняк", это был бы изумительный напиток.

Смирнов-Сокольский с бригадой жили в Ленинграде в гостинице "Европейская". К нему подходит молоденькая девушка и спрашивает:

— Простите, вы не скажете, в каком номере живёт Илья Семенович Набатов?

Сокольский, завидовавший Набатову за его донжуанство и повышенную потенцию — и это в его-то годы, говорит:

— Пойдем, девушка, я тебе покажу, где он живет. Стучит в дверь Набатова и громко кричит:

— Илюша, тебе ебать принесли!

Была песня со словами: "Эту песню не задушишь, не убьешь".

На собрании долго и активно выступала артистка Серафима Пейсен. После нее вышел Сокольский и сказал:

— Эту Пейсен не задушишь, не убьешь...

В Сандуновских банях Сокольский обратил внимание, что у Гаркави не виден член.

— Миша, а где твой член?

— Коля, у меня нутряк, когда надо, он тут же появляется.

— Миша, я тебе верю, но ты можешь мне сказать, как другу: ты его когда-нибудь видел выходящим?

В бане ссорятся двое голых толстых, дряблых пожилых мужчин.

— Встаньте, как положено, когда с вами говорит майор, -* крикнул один, сам вскочил и вытянулся по стойке смирно.

— Это вы встаньте, как положено, когда с вами говорит подполковник, — вскочил второй и тоже встал навытяжку.

— Бросьте ссориться, — подошел к ним и встал по стойке смирно третий, такой же толстый и, естественно, голый. — Это вам говорит старший по званию полковник Колесников.

Как мне хотелось, будучи тоже голым, встать по стойке смирно и сказать:

— Прав полковник. Это вам говорит генерал-майор Сичкин.

Мой знакомый артист говорил:

— В молодости я получал удовольствие, когда, выходя из ванной, видел в зеркале свое красивое молодое тело. Сейчас я получаю удовольствие, когда зеркало запотевшее.

В одну воинскую часть приехала концертная бригада, состоявшая исключительно из народных артисток: Русланова, Шульженко, Миронова и др. После концерта за кулисы зашел генерал:

— Ну что, девчата, молодцы, хорошо дали. От души давали, с огоньком, солдатам понравилось. Вот ты, — обращаясь к

Руслановой, — особенно хорошо давала. Чувствовалось, любишь это дело, да и умеешь. Ты, — к Шульженко, — тоже неплохо дала. Могла бы дать лучше, нб ничего, и так хорошо, в следующий раз дашь лучше. И вообще, — закончил генерал, — мне понравилась ваша художественная самодеятельность.

Было три брата — Хам, Ной и Афет. Не знаю судьбу остальных братьев, но Хам работает в министерстве культуры.

В театре Сатиры работал администратор, главной обязанностью которого было отвечать на телефонные звонки. Выполнению этой обязанности существенно мешали две вещи. Во-первых он картавил, причём картавил не только в словах с буквой «р», но и без. Если в слове не было буквы «р», он её туда вставлял и картавил, например: соб-р-р-р-ака, самол-р-р-р-еёт. Когда он открывал рот, казалось, все вороны мира слетелись на симпозиум. Однако это было мелочью по сравнению с его манерой общения по телефону. Выглядело это так. Раздается звонок, он медленно тянет руку к телефону и, не снимая трубки, начинает говорить: Главный администратор театра Сатиры слушает". Снимает трубку и прикладывает ее к уху. Выслушав, отнимает трубку от уха, медленно несет ее к телефону: "Сегодня в театре Сатиры", — кладет трубку на рычаг, — "идет спектакль "Девичий переполох". Я часами сидел у него в кабинете, завороженно наблюдая, как он разговаривает по телефону — ни одного слова в трубку.

В театре Русской Драмы работал главным администратором Эмиль Горский. Как и многие администраторы он был далекий от искусства человек, и я решил его разыграть.

Звонит подговоренный мной человек и спрашивает:

— Скажите пожалуйста, какой сегодня идет спектакль?

Горский: — "ВАрвары"...

— Вы хотели сказать "ВарвАры"?

— Да нет, я хотел сказать "ВАрвары".

— Ничего не понимаю... что за спектакль "ВАрвары"? Есть "ВарвАры" — сестры. Ну ладно, хорошо, спасибо.

Следующий звонок:

— Скажите, сегодня идут "ВарвАры" или "Бесприданница"? И так полдня. К концу я зашел к нему в кабинет и стал свидетелем следующей беседы:

Горский, выслушав очередной звонок:

— Сегодня в театре идут "ВарвАры"... нет, дорогой товарищ, не "ВАрвары", а "ВарвАры" — спектакль о сестрах.

Мне звонит поклонник и говорит, что его собака съела (или изжевала) мою книгу.

— Я хочу вас поздравить — у вашей собаки прекрасно

развито чувство юмора. Надеюсь, она еще хохочет.

Вообще-то нейтральное русское "ёб твою мать" для восточного человека — страшное оскорбление, особенно его конфетная модификация "я твою маму ебал". Мой приятель, молодой парень из Грузии рассказал такую историю:

— Со мной на работе есть один парень-американец. Он вообще-то хороший парень; мы дружим, я у него дома бывал, он у меня дома бывал. Но один раз я что-то рассердился и в сердцах говорю ему: "Я твою маму ебал". Так что ты думаешь я ответил? "Ой, — говорит, — спасибо, большое дело сделал. Ты знаешь, моя мама, она была очень красивый женщина, но сейчас ей уже за 50; она переживает, депрессия, понимаешь, а тут ты, молодой человек, заинтересовался.. Спасибо, век не забуду". Нет, ты понял?! Получается, что я, молодой парень, просто обслужил пожилой женщина... Я его обидеть хотел, а, оказывается, я ему одолжение сделал!

В одесской филармонии работал администратором Дима Козак, славившийся своим остроумием.

Приехала концертная бригада, звонят Козаку и говорят:

— Мы прибыли.

— Вы не прибыли, а сплошные убытки, — ответил им Козак,

Бакинская филармония к предстоящим концертам прислала рекламу, в которой значились артисты Какаев и Кукуй.

— Я не знаю, какие они артисты, — сказал Козак, — но фамилии у них кассовые.

Был ансамбль балалаечников с руководителем по имени Веревка. Никаких сборов этот ансамбль дать не мог. Дима получает из Москвы телеграмму: "Встречайте ансамбль Веревка".

— Это веревка мне на шею, — пожаловался Дима. При одесской филармонии был оркестр, который

получал зарплату, но не выступал. Дирижёр пожаловался секретарю обкома, что они репетируют, у них большой репертуар, а выступать им Козак не дает. Секретарь вызвал Диму, отчитал его и распорядился, чтобы Дима сделал симфоническому оркестру концерт.

— Хорошо, — сказал Дима, — но я прошу, чтобы на этом концерте были вы с супругой.

Секретарь согласился.

Концерт с антрактом длился 3 часа. Присутствовали на нем два человека — секретарь и его жена.

По окончанию концерта Дима подошел к секретарю:

— Я бы хотел уточнить, когда сделать следующий концерт, и что бы вы хотели послушать. У них большой репертуар: Моцарт, Бетховен, Мусоргский...

— Дима, не выёбывайся. Это был последний концерт.

Один мой знакомый, жизнерадостный веселый человек со спортивной фигурой несмотря на то, что ему за 60, вдруг загрустил. Я его спрашиваю, что случилось.

— Мать умерла, и виноват в ее смерти я; все последние годы отец каждое утро говорил матери, что ее лифтер ебал и доводил до истерики. Матери 84, отцу под 90 — никакой памяти, полный маразм, а про лифтера помнит, и каждое утро: "Тебя лифтер ебал". Мне надо было забрать мать к себе, а я этого не сделал. Ее действительно лифтер ебал, но когда это было!

Опять встречаю его грустным.

— В чем дело?

— С женой разошелся. 40 лет прожили, двое сыновей — 37 и 34 года, и надо же...

— А почему разошелся?

— Понимаешь, когда я женился, мы составили письменный договор, он у меня есть. Я, как муж, ее полностью обеспечиваю, а она по первому требованию берет в рот. 40 лет я не знал беды, она прекрасно сосала, и вот, приблизительно месяц назад, она вдруг говорит, что больше брать в рот не будет, потому что ее подташнивает. Я достаю договор, показываю ей — вот твоя подпись. Она — договор не договор, меня всегда тошнило, а сейчас тошнит со страшной силой. Идут дни — она в рот не берет. Ну, все-таки 40 лет, двое взрослых сыновей, я иду на компромисс — хорошо, говорю, будешь брать не с полным заглотом, а только пол-члена. Нет, говорит, меня тошнит даже от одной восьмой. Ну, я хожу — день, второй, третий без отсоса — выхода нет, я развелся. Так я ей так на прощание сказал: "Я тебя полностью обеспечивал: одежда, косметика, подарки, парикмахерская; 40 лет ты горя не знала, а вот теперь ты будешь хуй сосать!

Незадолго до упомянутого развода его одолели заботы об укреплении эрекции. Рядом со мной живут муж и жена, милые интеллигентные люди, обоим под 70. И вот он встречает мою соседку:

— Фаня, я хотел с вами поговорить. Вы знаете, в последнее время у меня что-то плохо стоит. Иногда ничего, а иногда надо дрочить, чтобы хоть как-то заправить. Я знаю, вы умная опытная женщина — вы не знаете какое-нибудь средство, чтобы стоял лучше?

Соседка возмутилась: — Кто вам дал право обсуждать со мной подобные вопросы?! На такую тему мне даже с мужем было бы не очень удобно говорить,

— но на него это никак не подействовало, он не видел в этом

пошлости.

Снова встречаются.

— О, Фаня! Я тут был на консультации, значит так

— можно делать уколы в член, а можно на него одеть кольцо. С кольцом какая проблема: его надо одевать уже на стоячий, значит сначала надо дрочить, и потом кольцо трудно снять, так что может случиться, что и спать придется со стоячим. С другой стороны, я не люблю уколы. Что вы посоветуете? Кстати, я не знаю, какой вариант для женщины лучше, вот вы какой член больше любите?

Соседка задыхается от негодования, но на него это не производит ни малейшего впечатления.

В следующий раз.

— Фаня! Все в порядка, я нашел еще один вариант! Вставил стержень, и теперь он стоит все время. Доктор сказал, что, хотя после смерти все жизненные функции организма останавливаются, член все равно будет стоять, так что меня и похоронят со стоячим — схватил ее за руку и положил себе на ширинку:

— Чувствуете, какой упругий? Ну, так, может быть, не очень понятно, сейчас я его выну...

Соседка в панике вырвала руку, поспешила домой, где мы с ее мужем в это время смотрели хоккей и возмущенно рассказала эту историю.

Толбузин и Пицунда

Мой самый близкий друг Аркадий Тобузин и я вместе с женами приехали отдохнуть в Пицунду. У нашей же хозяйки снимали комнату две дамы, сложенные, как цельнометаллический вагон, за которыми ухаживал еще один наш сосед. На молодого Ален Делона он явно не тянул: маленького росточка с тоненькими ножками, на которых висел огромный живот, но, тем не менее, курортный роман развивался по всем Правилам жанра.

Утром мы с Аркадием, Галей и женой Аркадия Зоей пошли на пляж. На дороге росла яблоня-дичок, и Аркадий, взяв палку, ударил по ветке, чтобы сбить нам несколько яблок. Идущий за нами с дамами сосед неожиданно встал в бойцовскую позу:

— Хулиган! Почему вы ломаете деревья?! А вот если бы вас палкой?! — заверещал он, искоса поглядывая на своих спутниц — оценили ли они его храбрость и рыцарские качества. — Вам отдыхать только в колонии для преступников! Морду бить таким надо!

Аркадий, хоть и выше его на полтора метра и в два раза тяжелее, страшно смутился, пробормотал, что это не повод для

скандала и поспешно ушел с Зоей и Галей, а я подумал: "Ах ты, клоп! Видишь, что перед тобой интеллигентные люди, тебе ничего не грозит и решил покрасоваться перед своими лахудрами? Ну, погоди!"

Зачесал на лоб челку, приклеил к нижней губе бычок сигареты, подошел и говорю заблатненным голосом:

— Ты, козел, ты на кого хавку раскрыл? Это ж наш пахан, вор в законе! Я сейчас братве трекну, что ты пахана при телках зафармазонил, завтра братва подъедет, и замочат тебя, пидара, а я тебе от себя сегодня пику в очко поставлю.

Он остался стоять с отвисшей челюстью, в глазах ужас, язык присох, а я вернулся в дом, зашел на кухню, выбрал самый большой кухонный нож и засел на дороге в кустах, якобы спрятавшись, но, на самом деле, не заметить меня было невозможно. На пляж он, естественно, не пошел. На следующий день я поставил будильник на 6 утра и снова засел в кусты с кухонным реквизитом. Он не появился и, вернувшись к вечеру домой, я обнаружил, что его там тоже нет. Я к хозяйке и спрашиваю, где квартирант?

— Что-то непонятное. Он приехал такой веселый, уплатил мне за 3 недели вперед, начал ухаживать за соседками и вдруг сегодня утром подходит — бледный, заикается, руки дрожат — говорит, что он срочно должен уехать и просит обратно деньги за жилье. Я ему говорю, что у меня денег нет, вечером придет с работы муж — я у него возьму, но он только рукой махнул. Пришло такси, и он так и уехал без денег. Наверное, дома что-то стряслось.

А вот не игрался бы кретин в Ланселота — прекрасно бы отдохнул.

Женя Шевченко

Женя Шевченко, исполнительница цыганских песен, также гадает (некоторые, наверное. видели объявление "Женя Шевченко гадает также хорошо, как поет). Одна чрезвычайно интеллигентная женщина, потомок дворянской семьи еще первой волны иммиграции, одна из тех гимназисток, в присутствии которых сказать "черт" было верхом неприличия, решила погадать у Жени. Случилось так, что я в это время был в ресторане "Самовар", где происходило гадание.

Женя выполнила все гадальные процедуры и говорит:

— Ну что, милочка, вам надо пробздеться.

В течение какого-то времени та мучительно пытается сообразить, что бы это могло означать; наконец, интуиция ей подсказывает верное решение:

— Ну вот, суббота или воскресенье...

— Нет-нет, милочка, вам надо не бзднуть, а пробздеться.

— Ну, через две недели длинный уикенд, мы с мужем собираемся в горы...

— Милочка, вы меня не поняли — вам нужно серьезно пробздеться.

— Ну, я не знаю, я уже была в отпуске, я не могу...

— А тогда пиздец.

— Пиздёц?..

— Знаете что, милочка, в следующий раз приходите с переводчиком, а то вы ни хуя русского языка не понимаете.

Да, вот что значит жить вдали от родины и быть оторванной от великого и могучего.

В этой связи не могу не вспомнить авторский концерт Емельяна. Емельян во фраке с достоинством выходит на сцену, садится за рояль, чувствуется, что он уже весь в музыке, и весь его облик дышит благородством. Сидящая рядом со мной интеллигентная женщина с прекрасным русским языком (она в России работала адвокатом) наклоняется ко мне и уважительно, с оттенком гордости говорит:

— Сразу видно, что композитор, а не хуй-ветер.

В тамбовской тюрьме я одно время сидел в камере с малолетками и был у них "бугром", то есть бригадиром. Иду в библиотеку и спрашиваю одного обаятельного с хорошим чувством юмора пацана:

— Федя, какую тебе книгу принести?

— Михалыч, принеси книгу, где есть знакомые буквы.

Феде назначили адвоката. После встречи с адвокатом я его спросил:

— Ну как, понравился тебе адвокат?

— Нет. Худая длинноносая — кошмар. Вот у Сережки прекрасный адвокат — с вот такой жопой, — он развел руки метра на полтора, — и буфера по два пуда.

Я спросил Сергея, что говорит его адвокат.

— Я ее не слушаю. Она садится, а я смотрю на ее сиреневое трико.

Мне разрешили читать, что угодно, но малолеткам с воспитательными целями давали только патриотические книги, из которых они постоянно вырывали последние страницы. Я спросил — зачем?

— Чтоб никто не мог узнать, чем кончается это дерьмо.

Проходивший со мной по одному делу администратор в тюрьме прочитал много книг на медицинскую тему, но не до конца усвоил материал и на суде сказал:

— Постоянные издевательства следователя довели меня до

такого состояния, что пульс у меня 60 ударов в минуту, а давление 120 на 80.

Сосед по камере в тамбовской тюрьме пожаловался мне, что адвокат не только защищал его из рук вон плохо, но, похоже, даже был недоволен прокурором, который, по его мнению, запросил слишком маленький срок. Я был знаком с адвокатом и, увидев его в суде, спросил, что между ними произошло.

— Это же такая сволочь! — с возмущением ответил адвокат. — Он строитель, и должен был отремонтировать дорогу. Дорогу он не отремонтировал, а деньги украл. У меня радикулит, и вот я ежедневно по этой не отремонтированной дороге езжу в суд и обратно. Вы можете себе представить эту пытку: с моим радикулитом по всем этим рытвинам и колдобинам?! Таким место только в тюрьме.

Начиная со Жданова, все советские руководители культуры не имели никакого отношения к искусству — главное, чтобы был партийный работник и знал, когда и где за, а когда против. Жданов мог сыграть одним пальцем на рояле "Чижик-Пыжик", правда, часто сбивался и настолько поразил музыкальной эрудицией и однопальцевой техникой Сталина, что тот тут же назначил его главным идеологом. Директором Мосфильма был бывший комиссар милиции Сизов. Директором театра им. Франко в Киеве был назначен работник КГБ. На собрании один артист спросил его, будут ли отпущены деньги на реплики.

— А как же, — бодро ответил новый директор, не понимая причины всеобщего веселья.

В театре Эстрады неожиданно сняли мой знаменитый номер иллюзиониста. Я ничего не могу понять, спрашиваю худрука, тот отвечает:

— Приказ зав. отделом министерства культуры СССР. Я записываюсь на прием, прихожу и говорю:

— Номер идет на ура, он совершенно аполитичен — это безобидная пародия на цирковой иллюзион, очень смешной — на одном из концертов был канадский посол и смеялся до колик; почему его сняли?

— Неизвестно, каким смехом смеялся канадский посол, — многозначительно сказал зав. отделом министерства культуры.

Излишне говорить, что любой театр, концертную бригаду в зарубежные поездки всегда сопровождал сотрудник КГБ, также оформленный членом театра или бригады. Есть такой анекдот: На международном конкурсе скрипачей первая премия — скрипка Страдивари. Советский скрипач занял второе место и страшно огорчен. Его товарищ-скрипач, не занявший никакого места говорит ему:

— Ну чего ты расстраиваешься! Подумаешь — скрипка. Ну, так ты занял второе место — хорошая денежная премия.

— Ты не понимаешь: для меня эта скрипка, как для тебя маузер с дарственной надписью Дзержинского!

На съемках фильма "Падение Берлина" работник КГБ был оформлен постановщиком-директором и наивно думал, что никто не догадывается, кто он такой. После конца съемок он, рассчитывая поразить, одел свой мундир старшего лейтенанта КГБ и был страшно разочарован, когда Юра Тимошенко сказал ему:

— Как, вы старший лейтенант? Мы не сомневались, что вы капитан.

В Минводах я делал пародии на эстрадный концерт. В номере с жонглером я работаю с воображаемыми предметами: палочками, шариками, мячом и т.д. После концерта директор филармонии мне говорит:

— Что же это такое? Неужели Москонцерт не может купить настоящий реквизит, почему такая бедность?

Я с ним полностью согласился и попросил написать в дирекцию Москонцерта и выразить свое отношение.

Я показывал номер "Случайные танцоры". Худрук в целом одобрил, но порекомендовал укоротить и внес ряд дополнительных замечаний. Я оставил все, как есть. На следующем представлении худрук сказал:

— Ну вот, сейчас номер заиграл.

Директор: - А мне как раз раньше больше нравилось.

Сталин гениально держал в страхе всю страну и полностью опроверг крылатое революционное утверждение "Всех не пересажаете!" Однажды Сталин, сам о том не подозревая, очень мне помог.

Московская областная филармония устраивала большой фестиваль искусств, и я должен был участвовать в нескольких номерах. Денег не было, и концерты были очень нужны. В первом концерте я делал номер Тирольский танец". После концерта директор областной филармонии Василий Васильевич Познанский подошел ко мне и сказал:

— Борис Михайлович, мне хвалили ваш номер, но, честно, мне он не очень понравился. В нем нет ни танца, ни смысла, так — дуракаваляние. Это не смешно, я бы даже сказал, пошло.

Я понял, что этот концерт — последний, и со жратвой намечаются серьезные перебои.

— Василь Василия, я полностью с вами согласен. Редко приходится встречать такого мастера, как вы, и я очень считаюсь с вашим мнением и доверяю вашему вкусу. Вы абсолютно правы.

'Тирольский танец" — это пошло, дешевка и сделан на низком профессиональном уровне. Я неоднократно говорил это художественному совету и настаивал на исключении этого номера из моего репертуара, но они ни в какую. Дело в том, что это самый любимый номер Иосифа Виссарионовича Сталина, и мне приходится эту, как вы правильно заметили, низкопробную пошлятину минимум три раза в месяц исполнять в Кремле. Обычно мы выступаем а Георгиевском зале, но бывает и просто на званом обеде для своих. На этом номере Сталин встает, аплодирует и усаживает меня рядом с собой за стол. Сейчас, слава Богу, я могу, сославшись на вас, попросить Сталина снять этот номер, и я уверен, что Иосиф Виссарионович, ознакомившись с мнением настоящего профессионала, директора областной филармонии Василия Васильевича Познанского, как мудрый человек поймет свое заблуждение.

Конец моей речи шел мимо сознания Василь Василича; глаза остекленели, мысленно он уже был в Магадане. Когда к нему чуть-чуть вернулся дар речи, он пролепетал:

— Борис Михайлович, какое у меня может быть мнение? Я видел номер из-за кулис, причем урывками. Мне говорили, что это прекрасный номер, и я не сомневаюсь, что это так, поскольку говорили люди с высоким художественным вкусом.

— Василь Василич, такому мастеру, как вы, достаточно одного взгляда, чтобы понять — что это такое. Это халтура, причем махровая, и может нравиться только людям далеким от искусства с неразвитым примитивным вкусом. Я объясню это Иосиф Виссарионовичу и не сомневаюсь, что Иосиф Виссарионович поймет, что его мнение — это всего лишь мнение рядового зрителя, а ваше — мнение профессионала.

— Борис Михайлович, зритель — наш судья! Я могу что-то недосмотреть, заблуждаться, а зритель — никогда! Я слышал из-за кулис восхищение зала, слышал овацию, которую устроили вам зрители. Борис Михайлович, народу нужен ваш номер! Я вас очень прошу, — тут он вытащил из кармана пачку нарядов на концерты и положил их мне в карман, — принять участие во всех концертах фестиваля. В ближайшее время намечается еще три фестиваля, и я просто не знаю, что мы будем делать без вашего номера. «Тирольский танец» - это то, что нужно зрителю!

На всех последующих концертах Познанский неизменно присутствовал на моем номере, громче всех аплодировал и восхищенно говорил, что в "Тирольском танце" я переплюнул Чарли Чаплина.

На улице под нашими окнами группа негров затеяла скандал. Кричат, сплошной "фа к" и "мазерфака" Я говорю

Емельяну, который ужинает около открытого окна на кухне:

— Емельян, уйди от окна, а то они сейчас, еще чего доброго, начнут стрелять; мы хоть и на шестом этаже, но вдруг шальная пуля.

Емельян прислушался.

— Да нет, они не ссорятся.

— А по какому поводу крик и дикий мат?

— Ну, один говорит: "Слушай, тебе не кажется, что пиво очень холодное?" Второй: "Да нет, вроде нормальное. А ты что, теплое пиво любишь?" "Ну, не то чтобы совсем теплое, но и не такое ледяное". "А мне нет, по мне в самый раз".

Правда, когда к нам в горах на озеро приезжают русские (не говоря уже о стиле общения в "центре одесского казачества", как охарактеризовал один иммигрант Брайтон-Бич), неграм делать нечего.

— Фима-а! — не своим голосом орет сидящий на берегу с удочкой. Птицы камнем падают вниз с разрывом сердца, мелкие зверьки забиваются в норы, а американцы в палатки и трейлеры, не сомневаясь, что приехала русская мафия, и начинаются разборки с применением не только легкого стрелкового оружия, но также гаубиц и минометов.

— Что, бля-ядь?! — орет в ответ отплывший от него на десять метров мудак а лодке.

— Ну ка-ак?

— Ни хуя-я!

— Так плыви на хуй сюда!

— А у тебя что, клюет?!

— Тоженихуя!

— Так на хуя?!

Попадаются, впрочем, опытные рыбаки, знающие, что на рыбалке шуметь нельзя. Ловит рыбу мужчина с двумя пацанами. Мальчишки галдят и кричат. — Я кому сказал — доунт скрим, блядь?!

Бывают и поэты. От озера к машине поднимаются один, назовем его Александр Сергеевич Пушкин, и второй, скажем, Лермонтов. По смыслу беседы ясно, что они забыли дома сетку для рыбалки, и вина за это лежит на Лермонтове.

— Да нет, ты что там, блядь, забудь! Без сетки ловля, блядь, хуйня! — патетически восклицает Александр Сергеевич. Михаил Юрьевич подходит к машине:

— Да вот она, блядина, тут! Чего пиздишь-то на меня?!

Так что не будем выискивать соломинку в чужом глазу.

Венгерско-советский фильм "Держись за облака" снимал режиссер, венгр по национальности, который очень ценил меня,

как актера, и хотел, чтобы я сыграл главную роль. Я был занят на съемках другого фильма, у него не было времени ждать, и эту роль сыграл Андрей Мировнов, Тем не менее, когда я вернулся в Москву, и мы встретились, он сказал:

— Борис Михайлович, я не смог вас дождаться, но я для вас сохранил эпизод — это лучшее, что есть в фильме — и я уверен, вы его сыграете гениально. Вы — белый офицер; приходит вагон с коммунистами, их выводят из вагона, ставят к стенке, и вы из пулемета расстреливаете этих сволочей. Я это снимаю рапидом, они медленно, с искаженными лицами, падают, а вы все строчите, пока последняя из этих мразей не перестает корчиться.

У него было перекошено лицо, а в глазах такой огонь и такая ярость, что лучше него этот эпизод не смог бы сыграть никто.

Мне было трудно ему объяснить, что при тупой советской власти, сыграй я этот эпизод, я не только до конца жизни был бы невыездным, но вряд ли получил еще роль в кино, а он никак не мог понять, как же я отказался расстреливать коммунистов.

Тупость и хамство советских продавщиц стали нарицательными. Я спрашиваю в магазине:

— У вас есть тетради для анонимок? Продавщица, безразлично: Нет.

— А когда будут?

— Может на следующей неделе.

Кто раньше встает, тот раньше начинает курить.

Встречаюсь со знакомой:

— Добрый день, как поживаете.

— Спасибо, все хорошо.

— Как дети?

Она, задумчиво: - Попили немного кровушки.

Советские люди так заспиртованы, что их спокойно можно класть в Мавзолей.

Он дезертировал не потому, что боялся врага, а потому, что он его видеть не мог.

Советские пожарники никогда не опаздывают на пожар, они всегда приезжают за 2 часа до начала пожара.

Одному иммифанту сделали зубы по медикейду. В кабинете зубного врача он посмотрел на себя в зеркало и воскликнул:

— Доктор, от этих зубов Дракула бы отказался! Неужели нельзя было сделать покрасивее?

— Дорогой мой, — с улыбочкой Торквемады ответил доктор, — по медикейду красиво не бывает.

Неподалеку от маленького американского провинциального городка расположился лагерь нудистов. В городке был супермаркет, и перед его хозяином встала дилемма: с одной

стороны, нудистов много, и они могли бы принести ему значительную прибыль; с другой — учитывая патриархальную мораль населения, если он позволит нудистам делать покупки в голом виде, можно лишиться постоянных покупателей.

— Вы знаете, — сказал он нудистам, — наш городок консервативный, и для них это оскорбление морали. Давайте сделаем так: супермаркет закрывается в 10 часов; приходите после 10-ти, и я вам все буду продавать за полцены.

Каково же было удивление хозяина, когда на протяжении дня у него не было ни одного покупателя, но зато после 10-ти часов в супермаркет хлынула огромная толпа голых людей, в которой он, помимо нудистов, без труда признал своих постоянных покупателей — консервативно настроенных жителей городка, строго блюдущих патриархальную мораль.

Смирнов-Сокольский говорит:

— Вчера смотрел по телевизору концерт Шурова и Рыкунина. Это чудо!

— Вам так понравились Шуров и Рыкунин?

— При чем тут Шуров и Рыкунин? Это полное говно! Я говорю: изобретение телевизора — это чудо.

Американский профессор-дерматолог совершенно серьезно говорит. — Масло какао очень полезно для кожи. Моя мама мазалась им всю жизнь, и вот сейчас ей уже 80 лет, а у нее лицо, как жопа.

Анекдот, который я придумал, и который воруют и присваивают себе все, кому не лень:

Приходит пациент к доктору и жалуется на легкое недомогание.

Доктор: — Вы курите?

— Курю.

— Нужно срочно бросить. Если вы будете курить, то не доживете до 70-ти лет.

— Доктор, но мне уже 80.

— А не курили бы, было 90.

Графоман подарил мне свою книгу и при встрече спросил, как она мне понравилась.

— О, она стала моей настольной книгой, — ответил я, сделав его счастливым. А она действительно стала моей настольной книгой: у меня лакированный стол, и я ставлю на нее чайник, горячие кастрюли — очень нужная книга.

В Москве на Ваганьковском кладбище одна актриса встретила другую и предложила вместе сходить на могилу ее мужа.

— Зачем это?! — с налетом возмущения спросила вторая. — У меня есть свой покойник! Давай так: у тебя свой покойник, у

меня свой.

Немного о ворах:

Вор, как природа: ты закрываешь дверь — он лезет в окно.

Вор всегда джентльмен — уходит по-английски. Вор за словом в карман не лезет.

Приятель говорит мне о нашем общем знакомом:

— Я бы с ним в разведку не пошел!

— А я бы пошел.

— Как?! Почему?

— Да чем так жить...

Мы парились со спортсменами в Москве, и мне рассказали забавную историю:

Одному борцу к соревнованиям срочно нужно было сбросить 8 килограмм. Положили его в парную на верхнюю полку, поставили перед ним шайку с холодной водой, чтобы он смачивал голову и не получил тепловой удар, и 5 человек, сменяясь, несколько часов подряд парили его и делали массаж. Поставили его на весы, никто ничего понять не может — он набрал еще несколько кило. Оказывается, пока его парили, он не смачивал водой голову, а пил ее, и выпил всю шайку.

В Америке ни один фильм не выходит без участия негров, как правило, в положительных ролях. Я помню фильм, где во время второй мировой войны группа американских разведчиков, переодевшихся в немецкую форму, действует на территории Германии. Один из них — неф.

После премьеры фильма "Неуловимые мстители" генеральный директор Мосфильма Сурин, режиссер фильма Кеосаян и я поехали на родину Сурина в Ростов. На первом концерте я говорил о своем образе одессита, хвалил Одессу и, чтобы ростовчанам не было обидно, в присутствии секретаря обкома добавил: , — Но если Одесса — мама, то Ростов — папа!

Бурная реакция.

На следующем концерте я опять говорил об Одессе, но забыл упомянуть Ростов.

После концерта ко мне подошел секретарь обкома и укоризненно произнес:

— Борис Михайлович, ну что же вы ничего не сказали о папе?

Моя свояченица Рона в Нью-Йорке насмотрелась американских фильмов и говорит мне:

— Борис, вот я чувствую, что Сталлоне — хороший человек. Подружись с ним.

— Не знаю, — говорю я с сомнением, — ты уверена, что стоит?

— Конечно, стоит. У него добрые глаза. Не надо

пренебрегать, у тебя не так-то много друзей.

— По-моему, ты права, но мне кажется, что Чарльз Бронсон, Барбара Стрейзанд, Клинт Иствуд и Лайза Минелли тоже неплохие люди, и с ними тоже стоит дружить.

— Правильно! Дружи с ними со всеми.

На съемках "Ивана Грозного" Эйзенштейн говорит Черкасову:

— Коля, подними выше бороду. Сейчас борода хорошо, но голову опусти вниз.. Нет, голову так оставь, а бороду подними вверх.

Так продолжается довольно долго, и наконец Черкасов говорит:

— Так они же у меня вместе!

— Смотри, догадался.

Эйзенштейн говорил:

— Люди бывают похожи на птиц, зверей, грызунов. Что касается композитора Богословского, то он похож на этажерку.

Когда обсуждался вопрос о вынесении из Мавзолея и последующем захоронении В.И. Ленина, внучатая племянница Ленина была категорически против и заявила:

— Я хочу своего дядю всегда видеть в гробу!

Очередной номер газеты "Правда" вышел с огромной шапкой: - Анджела Дэвис, мужайся! С тобою в камере весь советский народ!

О Иване Переверзеве, киноартисте и любимце всех женщин Советского Союза среднего и старшего возрастов Эйзенштейн сказал:

— Правдив до тошноты.

Журналисты обратились к авторитету Вячеславу Иванькову по кличке Япончик с просьбой сфотографироваться с ним на память.

Иваньков: — Вы можете со мной сфотографироваться, но должен предупредить, что все, кто со мной на память фотографировались, уже расстреляны.

Моя ученица, милая девочка, попала в компанию брайтонских подростков и решила изменить внешность, чтобы соответствовать общепринятому образу: неумело, но густо накрасилась, превратила свои чудесные волосы в невообразимые крашеные лохмы, оделась в стиле огородного пугала и т.д. Увидев ее, я ужаснулся, а она с гордостью заявила:

— Папа сказал, что я вылитая блядь!

Одесситка в запальчивости:

— Мой муж говорит, что я дешевая блядь и больше трешки не стою. Да как язык поворачивается такое сказать о своей жене, матери его двоих детей! Только вчера мне дали десять, да и

двадцатка не редкость!

Мой сосед поссорился со своей сестрой:

— Не понимаю, зачем она корчит из себя блядь, когда у нее для этого нет никаких данных!

Получил медаль "За отвагу на пожаре" и год тюрьмы за поджог.

Мы ужинали с известным бакинским певцом Рашидом Бейбутовым, и он мне вдруг говорит:

— Борис, с твоей фамилией Сичкин приезжать в Баку нельзя — она звучит неприлично.

Я не стал уточнять, что означает моя фамилия по-азербайджански, но тут же сказал:

— Но ты же гастролируешь по России с фамилией Бейбутов.

— А что значит по-русски Бейбутов?

— Засранец.

— Боже, какой ужас! Надо срочно менять фамилию. Дальнейшей судьбы его фамилии я не знаю, но фамилия Сичкин без особых проблем часто фигурировала в Баку в качестве фамилии артиста и режиссера.

В Москве на съемках "Бедная Саша" возле дома где я жил, женщина продавала в баночках соленые грибы. Мне как раз захотелось грибов, но у нее оставалось только одна баночка, к которой уже приценивался мужчина. На всякий случай я все-таки подошел.

— А эти грибы не ядовитые? Они долго стояли? Закрыты они не герметично — они не могли испортиться? — нудно выспрашивал он.

Я встрял:

—• Что вы волнуетесь? Ешьте спокойно грибы, потом сразу в больницу, один укол в задницу, и вы гарантированы от салмонеллы и столбняка.

— Какой укол в задницу?

— Один. 15 кубиков тетрациклина, — я развел руки на метр, показывая размер шприца, — и никакой салмонеллы. А если даже грибы ядовитые, то тоже никаких проблем: вы уже в больнице, к этому времени вам делают промывание желудка, и через 3-4 дня вы как огурчик.

— Да на какой ... мне эти грибы? Укол в задницу, промывание... — поставил баночку и ушел.

— Что ж вы мне бизнес портите? — укоризненно говорит мне продавщица.

— Ну я же не думал, что он мудак.

— Думать надо.

Дорогие читатели, как вы догадались, я не ханжа, но,

просматривая написанный материал, я сам ужаснулся количеству ненормативной лексики. В порядке эксперимента я попробую написать следующий рассказ, заменяя нецензурные слова точками.

Встречаются два эмигранта таксиста.

— Привет.....Ну,.....?

— Да,.....у.....твою.....на.....

— Так я,.....мост.

—...!.....в.....

—.....Да на___... ?!

—.....мать! И ты,.....?

— А то ж! Я.....как..

На том и разошлись.

Н-да... Пожалуй, я все же вернусь к оригинальному стилю. Кстати, в Москве у меня был знакомый — из простых. Мат он употреблял не как ругательства и даже не только, как междометия, а как существительные, глаголы, прилагательные — просто называл вещи своими именами. Его интеллигентная жена страшно стеснялась своего неотесанного мужа и однажды в компании говорит ему:

— Витя, нельзя произносить это ужасное слово. Надо сказать — пенис, на худой конец (мы все ухмыльнулись) — член. Он подумал:

— Пенис... член... так это же один хуй!

Моя знакомая Лена была должна мне 50 долларов, а ее знакомый Грища был должен ей 20 тысяч. У меня было туго с деньгами, и я спросил Лену, не могла бы она отдать 50 долларов.

— Борис, сейчас не время отдавать деньги.

— Лена, я с тобой полностью согласен. Я сейчас звоню Грише и, на тот случай, если он еще не знает, сообщу ему эту новость.

— Борис, вот 50 долларов, не надо звонить Грише.

Розыгрыши

Разыгрывать людей не так просто, как кажется. Надо быть убедительным, и самому в это поверить. Помогает уточнение несущественных деталей, типа: "Он ко мне зашел в 9 часов... нет-нет, чуть раньше — я как раз посмотрел на часы, было 8.40". Эти будничные мелочи придают достоверность, и в конце концов ловится даже самый скептически настроенный человек. Моя теща Мария Ивановна Антоновская была в этом смысле легкой жертвой. Умная, интеллигентная, образованная, но доверчивая. Она была украинкой, и однажды я ей говорю:

— "Мария Ивановна, слышали? Запретили украинский язык. Если услышат, что кто-то на улице говорит по-украински — будут штрафовать. Какое безобразие! Такой напевный язык, мягкий,

хорошо ложится на песни...

Вечером теща поделилась печальной новостью с женой.

Галя: — Кто тебе сказал?

— Борис.

— Ну, не стыдно, — накинулась на меня Галя, — пользоваться маминой доверчивостью?

— Галя, ну как же можно в это поверить, если половина ЦК партии украинцы? И, как помнится, ты не возмущалась, когда действительно запретили еврейский язык.

Вместе с тем, розыгрыши должны быть добродушными, и надо следить, чтобы даже случайно не нанести человеку вред. До сих пор со стыдом вспоминаю один неудачный розыгрыш:

С сестрой жены Роной мы долгие годы жили одной семьей — Емельян жил у нее, она жила у нас. Как-то, когда Рона жила у нас, я ушел рано утром на репетицию и оставил на столе записку: «Галя! Позвони Нонне и не забудь отравить Рону». Обычно раньше всех вставала Рона, и я рассчитывал, что именно она прочитает записку. Раньше всех встала теща. Прочла записку, спрятала ее и говорит Роне:

— Ничего у них не ешь. Захочешь есть — скажи мне, и я тебе сама дам. С тех пор тенью следовала за мной и Галей, стоило нам пойти на кухню, стояла за спиной Роны, когда мы садились за стол, неожиданно меняла тарелку Роны на мою или Галину и т.д. Никто ничего не мог понять, я сам давно забыл о записке, и только где-то через год мы, наконец, выяснили причину. Мы долго хохотали, но она, бедненькая, молча год страдала. Мог ли я подумать, что моя шутка произведет такое впечатление!

В Москве мы дружили с очень приятным парнем, Лелей Олевским; он, как и многие, по бедности жил с родителями. Однажды он мне позвонил и говорит:

— Боря, слушай, можешь сделать мне одолжение? Понимаешь, я купил костюм — прекрасный импортный костюм, но родителям он не нравится, и они меня все время пилят, что я выбросил деньги на барахло. Они тебя уважают и доверяют твоему вкусу. Я тебя прошу — зайди в гости, посидим, попьем чайку; потом я, как бы невзначай, скажу, что купил костюм, ты скажешь — покажи, я выйду в костюме, ты похвалишь, и у меня закончится эта нервотрепка.

Я, естественно, согласился, пришел в гости, мы сидим пьем чай, он говорит:

— Да, Боря, ты знаешь, я тут по случаю костюм купил.

— Да? Ну покажи.

Он ушел, переоделся и появляется в костюме; родители сидят

прямые, как палка и напряженно смотрят не на сына в костюме, а на меня. Я выдержал длинную паузу, и потом — тихим голосом:

— Где были твои глаза?

— Вот и мы говорим! — воскликнули родители.

— Господи! — схватился он за голову. — Я же забыл, с кем имею дело! Он же для юмора не пощадит родную мать!

Костюм, кстати, был потрясающий.

Однажды мне удалось разыграть даже такого корифея, как Николай Павлович Смирнов-Сокольский.

Я ставил праздничную первомайскую программу в театре Эстрады. Так получилось, что все артисты — Миров и Новицкий, Гаркави, Менакер, Дудник и другие были евреи. Все авторы и композиторы тоже. Я, постановщик программы, явно не белорус. Единственным исключением был номер "Три сестры Шмелевы". Помимо того, что сами девушки были русские, их номер носил явно выраженный русский народный характер. Художественным руководителем театра Эстрады был Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Он меня вызвал и сказал:

Борис, ты ж понимаешь: центр Москвы, театр Эстрады, 1 Мая, практически, правительственный концерт — все внимание на этот номер. Не жалейте средств, номер должен заиграть.

Мы сделали изумительные декорации в русском стиле, поставили качели, сшили девушкам прекрасные костюмы, да и сами девчата работали здорово: пели, били дробушки; короче, номер получился великолепный.

Николай Павлович посмотрел номер и пришел в совершеннейший восторг:

— Молодец, Борис! Все на высшем уровне: костюмы, декорации, постановка, девочки — то, что надо!

— Спасибо, Николай Павлович, — говорю я. — Ну, конечно, есть мелкие недоработки, номер можно было бы улучшить...

— Как?

— Ну вот, скажем, девочки работают прекрасно, но к ним хорошо бы добавить одну еврейку...

— На хуй она нужна?!! — закричал Смирнов-Сокольский, а я расхохотался.

Новости культуры:

После триумфальных гастролей по Европе и Америке артист К. вернулся на вэлфер.

. Далила обратила внимание, что у Самсона начали выпадать волосы.

Стиль советского писателя:

"Ее мозолистая грудь говорила о романтике труда".

— Говори в трубку, ничего не слышно.

— Не могу, я ел чеснок.

Известный артист МХАТа давал званный обед и пригласил на него всю актерско-режиссерскую элиту. Собрался весь цвет МХАТа — Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Тарасова, Книппер-Чехова и др. Все, даже зная друг друга с пеленок и работая вместе 40 и более лет, на "вы", обращаются по имени-отчеству. В разгар утонченной философской беседы заходит домработница хозяина дома и, обращаясь к нему, говорит:

— Вот вы говорите — пизда, пизда, а запонки-то на комоде.

Мой партнер по эстраде Евгений Кравинский говорил, что после смерти люди не исчезают, а превращаются в различные предметы.

— Вот я, например, — сказал Женя, — думаю, превращусь в пену.

После концерта мы пошли в бар выпить бочкового пива. Когда начали разливать, я громко крикнул:

— Поменьше Кравинского, и побольше пива.

Мы сидим с Женей Вестником в ресторане ВТО. За соседним столом футболист Старостин с компанией.

Женя выпил и повздорил с журналистом из компании Старостина. Ссора, вот-вот драка. Я подхожу к журналисту, объясняю, что Женя прекрасный артист и очень хороший парень, но он выпил и ему хочется подраться.

— Правильно! — с воодушевлением сказал журналист.

— Я его прекрасно понимаю. Я тоже выпил и тоже очень хочу подраться.

Старость состоит из одних глаголов: болит или не болит, стоит или не стоит, а морщины — это этапы большого пути.

В Москве напротив театра МХАТ есть общественный туалет, и зимой там выпивают и закусывают.

Когда однажды туда зашел человек с намерением использовать туалет по прямому назначению, на него посмотрели с возмущением:

— Между прочим, здесь едят!

Режиссер Иван Пырьев любил играть в преферанс, при этом он всегда подглядывал в карты партнеру. Однажды его партнером оказался эстрадный автор, умный еврей, который, зная эту особенность Пырьева, не раскладывал, как обычно, карты по мастям, а держал их вразнобой. Пырьев заглянул к нему в карты, основываясь на полученной информации объявил восьмерную и сел без двух.

Пырьев:

— Что это такое, почему у вас козыри не пополам?

— А почему они, собственно, должны быть пополам? Такой расклад.

— Но я же видел ваши карты, и они были пополам.

— Ну, во-первых, я их не держу вместе, а, во-вторых, почему вы подглядываете в чужие карты?

— Но вы же знаете, что я подглядываю, зачем же вы меня путаете?

Стоит фуппа артистов в Москонцерте возле доски приказов. Один артист оторвал кусок бумаги, на которой печатались приказы, насыпал туда табак и только послюнявил, чтобы закрутить в сигарету, как прочел написанный на ней текст:

— Ребята, так меня уволили.

Политика — очень тонкая вещь. Вы видели член у комара? Так политика еще тоньше.

Карл Маркс страшно обижался, что, когда он представлялся и называл свои имя и фамилию, люди обязательно уточняли: "Тот, который живет на крыше?" И действительно, как не стыдно не знать, что Карл Маркс жил не на крыше, а у Энгельса и получал от него на всю семью вэлфер.

Жена моего знакомого, советского дипломата, работавшего в ООН, до небес превозносила советскую власть, родину (живя, как у Христа за пазухой с мужем в Нью-Йорке) и не терпела ни малейшей критики в их адрес. Во время отпуска в Москве муж напился, дебоширил и в результате был отозван из США обратно в Союз. Перед отъездом из Нью-Йорка я ей говорю:

— Ну что ж, вы, наконец, уезжаете из города желтого дьявола, возвращаетесь к березкам на родину.

— Да какая там родина! — возмущенно восклицает она.

— Это не родина, а пизда с ушами!

Могуч и не до конца изучен русский язык. В Севастополе, где я выступал для военного гарнизона, был один офицер, державшийся крайне заносчиво и высокомерно. Когда я упомянул об этом в разговоре с его сослуживцем, тот сказал:

— Он думает, что он великой пизды козырек.

В Сочи по набережной идет румяный украинец с тремя дородными женщинами. Прохожий завязывает с ними беседу в плане легкого флирта.

Украинец: — Ты чего с ними заигрываешь? Ты их сначала вскорми, а уж потом...

Прохожий: - Да что, они у тебя - свиньи?!

В России назвали антисемитизм болезнью и объявили ей беспощадную войну. Как обычно, прежде всего начали бороться с возбудителями этой болезни.

В институте перед входом в экзаменационный класс стояла

уборщица и говорила студентам:

— Цитаты под тряпкой.

В молодости, когда я только начал творческую деятельность, мне довелось выступать в одном концерте со знаменитым артистом театра Сатиры В. Хенкиным. После концерта администратор говорит.

— Товарищ Хенкин, вам подали машину, но вместе с вами поедут Драгунский и Сичкин. В основном, — подчеркнул администратор, — едете вы, но с вами в машине будут Драгунский и Сичкин.

— Но в основном еду я? — уточнил обладавший большим чувством юмора Хенкин.

— Да, в основном едете вы один; просто вместе с вами в машине поедут Драгунский и Сичкин.

Марк Розовский вспоминает мою шутку: На концерте за кулисами Сичкин зашнуровывает туфель. К нему подходит администратор:

— Борис Михайлович, сколько по метражу идет ваш номер?

— Без аплодисментов 7 минут, с аплодисментами — 45.

Я присутствовал на деловой встрече приехавшего из России человека и женщины адвоката, помогающей получить ему статус беженца.

— Скажите, вы обрезаны? — спрашивает адвокат.

— Нет.

— Хорошо бы обрезаться и сделать фотографии его до и после обрезания. Этим вы не только подтвердите свою еврейскую национальность, но, когда вас вызовут на интервью, вы сможете, показав обе фотографии, сказать, что вас там притесняли, не давали сделать обрезание, и вот только здесь вы смогли осуществить свою мечту.

Я не мог не вмешаться и посоветовал вдобавок сделать пару фотографий в профиль, а также несколько панорамных снимков, чтобы был ясен масштаб.

В 39 году наш ансамбль приехал в Польшу. На улице поляк говорит нашей танцовщице:

— Пани така бляда (пани такая бледная).

— Ну вот, — воскликнул ревнивый муж, — уже даже здесь знают, какая ты блядь.

Говорят, техника дойдет до того, что можно будет, как запчасти, покупать человеческие органы. Представляете, заходишь в магазин и говоришь: — Будьте любезны, дайте мне одну почку, голеностопный сустав и десяток яиц.

Муж жене:

— Уже без пяти семь, а у тебя на голове еще конь не валялся.

Об эмигрантах

Встречаются два эмигранта:

— Как жизнь, как дела?

— Кошмар... Жена умерла, сын колется, машину угнали...

— А-а... Ну а вообще, как дела?

Талантливый поэт и остроумный человек Игорь Губерман, эмигрировав и прожив какое-то время в Израиле, сказал:

— Евреев всегда обвиняли в том, что они умные, хитрые и жадные. Сейчас я с уверенностью могу сказать: что касается первого обвинения — оно с евреев снято.

Действительно, в эмиграции я встретил огромное количество идиотов. Много хамов. Встречаются комбинации...

Иммигрант мне говорит:

— Я вас помню по фильму "Неуловимые мстители". Знаете, там вы выглядите моложе...

— Странно, — отвечаю, — может, это потому, что фильм снимался 32 года тому назад?

Другой долгое время смотрит на меня в упор и, наконец, произносит трагическим голосом:

— Боже, что делают с человеком годы!

Звонок в дверь, на пороге сосед иммигрант. Мы с ним при встрече здороваемся, но, в принципе, практически незнакомы. Заходит, садится, закуривает, что-то говорит о погоде. Я какое-то время жду и потом спрашиваю:

— Простите, у вас ко мне какое-то дело?

— Нет, никакого дела нет, я просто пришел к вам покурить. У меня в квартире два ковра, и никотин в них впитывается. Мерзкий запах, и очень вредно для здоровья.

— У меня, между прочим, три ковра. Он подумал.

— Да, пожалуй надо будет тоже купить третий ковер.

Очередной идиот долго и нудно пытается у меня выяснить, где мои очки, какой корсет я ношу, чтобы живот не вываливался, делал ли я пересадку волос, или это такой парик и т.п. Я терпеливо объясняю, что очки мне не нужны, корсет я не ношу, и волосы мои собственные. Он ничего не может понять.

— Вам уже давно пора лежать в фобу, а вы еще танцуете.

— Спасает зарядка.

— И долго вы ее делаете?

— Я не делаю, делает человек, которого я нанял. Он вместо меня делает отжимания, приседания, прыжки, бег на месте и т.д.

— Ничего не понимаю. Он приседает, отжимается, а вам-то что от этого?

— Как что? Я ему плачу десять долларов и избавлен от необходимости делать зарядку.

— Да, но мышцы работают у него, а не у вас.

— В том-то все и дело. У него работают мышцы, а я в это время отдыхаю и прекрасно себя чувствую.

— Так это он должен себя прекрасно чувствовать, а не вы.

— О, нет. Зарядка — очень утомительная вещь. Он потеет, тяжело дышит, а у меня дыхание ровное, я спокоен и расслаблен. Были бы деньги, я бы еще вечером делал зарядку.

— А зачем деньги?

— А кто же тебе бесплатно будет делать зарядку?

— Да, но какой... Но вы хотя бы ходите для дыхания?

— Два часа ежедневно вместо меня ходит человек. У него прекрасно работают сердце, легкие, и нет никакой одышки.

Если бы его интеллект был хотя бы на уровне микроба, он к этому времени уже сошел бы с ума, но, к счастью для него, у него была только одна извилина, и та прямая, так что он был надежно защищен.

Леонид Осипович Утесов говорил: "Советский артист — это особенный артист. Он счастлив не тогда, когда ему дают звание, а когда звание не дают другому".

К сожалению, это относится не только к артистам. Помню, купаюсь я в Сочи, нахожусь на приличной глубине. Ко мне подплывает необъятной толщины незнакомый человек.

— Привет, Борис, как жизнь, как дела?

— Спасибо, все хорошо.

— Да нет, я тебя серьезно спрашиваю.

— Я серьезно отвечаю: все нормально.

— Борис, тебя не поймешь, когда ты шутишь, когда говоришь серьезно. Кончай разыгрывать.

Мы не плаваем, а как бы стоим на месте. Ему хорошо — он весит килограмм 150, и его жир на воде держит, как пробку, а я, хоть и не худенький, но по сравнению с ним дистрофик. Я понял, что скоро просто утону.

— Ну, если честно, то кошмар: жена сбежала с военным на Дальний Восток, сын запил, денег нет, и из театра выгнали.

— Ну, так бы сразу и говорил, — расплылся он в довольной улыбке и уплыл счастливый.

Как и везде, среди иммигрантов людей подобной категории навалом.

— Ну что, как дела, чем занимаешься? — хамским тоном с оттенком презрения спрашивает меня один, и в его глазах я читаю ожидание отчаянной жалобы, сетований на судьбу и безденежье, за которыми должен последовать снисходительный совет: "Шел бы ты ко мне в овощную лавку работать на подхвате".

— Все замечательно, — отвечаю. — Прекрасно устроен,

легкая приятная работа, и очень хорошая оплата.

Он заметно мрачнеет.

— А где ты работаешь?

— В роддоме.

— В роддоме? Что же ты там делаешь?

— Ну, ты что, не знаешь? Для того, чтобы ребенок родился умным и красивым, будущая мама должна смотреть на все прекрасное. Я хожу, говорю, улыбаюсь, напеваю, и ребенку передается интеллект, красота, обаяние. Работы много, каждый роддом предлагает мне такую работу, но зачем? Всех денег не заработаешь. У меня выходит около 7-ми тысяч в месяц, и я тебе скажу — если жить экономно, этого вполне достаточно...

Услышав "семь тысяч в месяц" он на глазах постарел лет на десять.

— А мне нельзя туда устроиться?

— Да ты что! Огромный конкурс — им же нужно, чтобы рождались нормальные дети, а не провинциальные идиоты.

Я ушел, оставив его в состоянии глубочайшей депрессии. Очень уж я огорчил его суммой.

Особого упоминания заслуживает иммигрантский русский язык. Писатель Сергей Довлатов жаловался мне, что у него мало материала:

— Вот вы, Борис, обладаете уникальной способностью находить юмор, а мне он — ну, не попадается, и каждая реприза на вес золота.

— Сергей, — говорю я ему, — для того, чтобы найти юмор, достаточно открыть любую газету.

Анонсы:

Головокружительные гастроли Людмилы Гурченко"

"Дуэт "Академия" и ошеломляющий Александр"

Реклама медицинских учреждений. "У нас вы можете себе позволить все самое лучшее — аборты, выкидыши, внематочная беременность"

"Метод ускоренного похудания путем отсоса"

И так далее, не говоря уже о разделе объявлений.

Я звоню девушке, делавшей набор моей первой книги, и интересуюсь, как дела, как продвигается работа.

— Все хорошо, вчера я кончила с Вициным. Сейчас я на Моргунове.

Я, сдерживая смех, осторожно, чтобы не спугнуть, спрашиваю.

— Ас акробатами вы кончили?

— На кладбище? О, с акробатами на кладбище я кончила мгновенно. С Моргуновым это может занять чуть больше времени, он все-таки довольно большой.

— Да, он вообще-то крупный.

— Как только кончу с Моргуновым, перейду к Смирнову-Сокольскому. Вы не беспокойтесь, я всегда кончаю вовремя.

Я спросил иммигрантку, вернувшуюся из Одессы, где она навещала родственников, как сейчас жизнь в Одессе.

— Ой, не говорите! Утром нет света, днем нет воды, а вечером они пускают газ.

У моего знакомого есть трехлетний внук. Однажды он приходит домой, и внук ему говорит:

— Дедушка, мы сейчас с бабусей смотрели по телевизору кино, там показывали, как дядя вытащил пи письку и засунул тете в рот. Она ее жевала, жевала...

Тот к жене:

— Что это все значит?

— Да слушай ты его — это такой фантазер!

Иммигранты обожают жаловаться. У моего друга Володи Барса свой бизнес — русский дом отдыха в Катскильских горах. Он все время сетует:

— Борис, Америка — это не сахар. Вот мой выплаченный отель стоит минимум полтора миллиона долларов, а попробуй продать — дадут не больше 800 тысяч. Дом у озера, который я купил за 30 тысяч; мне за него дают 120, и у меня нет выхода, я его должен продать, а если бы я мог подождать два года, то получил бы, минимум, 200 тысяч.

Я его перебиваю:

— Володя, пожалуйста больше ничего не говори. У меня в горле стоит соленый ком, и я могу разрыдаться. Ты еще расскажешь о своем доме в Майами, кооперативной квартире, и как дорого стоит стоянка для твоего катера за 30 тысяч. Конечно, тебе не повезло. Это не то, что у меня: тебе снятся кошмарные сны — АйРС, черный понедельник и падение индекса Доу-Джонса, а мне снится платный концерт в публичном доме, и все друг другу вслух читают мою книгу.

Володя хохочет:

— Да, Борис, тебе можно позавидовать, ты действительно счастливый человек.

В иммиграции многие люди рассказывают о своей прошлой жизни в Советском Союзе чудеса: у всех высшее образование — ни одного со средним. Все закончили университет, консерваторию, лауреаты всевозможных премий, вплоть до Нобелевской. Таким был знаменитый конферансье Гаркави, о котором Смирнов-Сокольский говорил: "Когда Гаркави говорит здрасте — это еще надо проверить". Когда Гаркави во время войны рассказывал о своих подвигах, мы все находились в полном

недоумении — зачем нужна еще и армия, когда он есть.

Лет 10-12 тому назад один человек, не помню его фамилию, описывал в газете "Новое Русское Слово" свою работу в Политбюро:

— Захожу к Поскребышеву, секретарю Сталина, и говорю, что я к Иосифу. Поскребышев сообщает, что Сталин прилег отдохнуть. "Ничего, потом отдохнет", — говорю я и вхожу к Сталину в кабинет. Сталин не любил возражений, но меня это не касалось. Наоборот, он всегда внимательно выслушивал мои соображения по поводу того, что надо сделать...

И далее в том же духе. Кто этот серый кардинал, о котором мы никогда не слышали?

Стиль общения иммигрантов порой бывает загадочным. У меня в доме знакомая разбила гжелевую масленку. Ну, разбила — разбила, ничего страшного.

— Борис, — говорит она, — не волнуйся. У меня есть точно такая же масленка.

Вы думаете, она имела в виду, что отдаст эту масленку мне взамен разбитой? Нет. Это была просто констатация факта: у нее такая масленка есть. И это должно меня радовать.

Моя знакомая супружеская пара праздновала день рождения жены в ресторане. Я, как и все, дал деньги в конверте. Через некоторое время ко мне подходит муж и говорит:

— Борис, ну как тебе не стыдно. Я тебя пригласил, мы друзья, а ты даешь деньги. Ты тамада, ведешь этот вечер, практически выступаешь с сольным концертом; это я тебе должен деньги.

Он говорил так трогательно, что мне даже стало неудобно: действительно, я тамада, выступаю, мы действительно друзья...

Волновался я напрасно — деньги он не отдал.

Меня поражает готовность иммигрантов платить бешеные деньги и мчаться, сломя голову, практически, на любой концерт артистов из бывшего Советского Союза, особенно, если учесть, что едут, в основном, как говорит Емельян, артисты из группы повышенного риска. Нет, мне абсолютно безразлична их сексуальная ориентация, но, к сожалению, многие из них не учитывают, что педерастия — это еще не профессия.

Я побывал на одном из таких концертов. 100 лучей гуляют по сцене, точно, как во время войны прожекторы нащупывали в небе вражеский самолет, а потом резко луч в зрительный зал на тебя, и ты чувствуешь себя на Лубянке у следователя — он тебя видит, а ты его нет. И, конечно, эротический балет. Почему эти несколько не умеющих ни танцевать, ни просто двигаться мужиков называются "Эротический балет" никому не известно. Вероятно, потому, что они возбуждают солиста.

Вместе с тем, в иммиграции я также встретил много интересных, талантливых и остроумных людей. Об одном из таких людей, к сожалению, очень рано ушедшем из жизни, я сейчас хочу рассказать.

Сергей Довлатов

Я редко встречал таких умных обаятельных скромных и щедрых людей. Материально Сергей жил так, как живут русские писатели на Западе — плохо, но у него в доме всегда кто-то гостил, а в прихожей стояли два ящика с сувенирами — один для приезжающих из России, другой — для американцев. Настоящий друг — это тот, кто может разделить с тобой не только горе, но и радость. После выхода на экран фильма "Никсон", где я играл роль Брежнева, газета "Нью-Йорк Тайме" напечатала огромную статью о фильме с моим портретом. Довлатов был едва ли не единственным, кто искренне был рад, позвонил мне и поздравил. При встрече он вручил мне экземпляр газеты и сказал: - Сегодня я совершил первую кражу в своей

жизни — я ее вытащил из подшивки в

библиотеке радио "Свобода".

Совместно с группой талантливых людей Довлатов открыл газету "Новый Американец". Сергей был редактором и, о чем бы не он писал, редакторская колонка всегда была талантливой. К сожалению, денег не было, врагов много, и газета закрылась. Довлатов был очень добрый человек. Однажды его сильно обидел писатель М. Довлатов в отместку сочинил рекламу:

"В нашем магазине продается растворимый кофе — самый мелкий кофе в мире. Мельче только писатель М."

Мне очень понравилось, и я ждал, когда Сергей ее напечатает, но "реклама" в газете так и не появилась. Я спросил, почему он ее не напечатал, и Сережа мне ответил:

— Человек так мало живет на свете, зачем его еще и огорчать.

Сергей мне говорит:

— Борис, пойдемте сегодня в гости к Руфь Зерновой.

— А что, у них в доме весело?

— Нет, просто это единственный дом, где говорят о литературе, а не о лоунах, моргиджах, иншуриенсах и т.п. Я от этих слов задыхаюсь.

В Бостоне проходила конференция иммигрантских писателей. Живущая там вместе с мамой — влюбленной в литературу начитанной интеллигентной женщиной — писательница и журналистка Людмила Штерн пригласила на обед приехавшего из Парижа Виктора Некрасова. Некрасов согласился и попросил Довлатова составить ему компанию. Передаю рассказ Сергея Довлатова, ничего не прибавляя и ничего не выбрасывая.

Сели за стол. Некрасов налил себе и Довлатову по полстакана водки. Выпили за здоровье мамы.

Мама: — Виктор Платонович, вы знаете французский язык?

Некрасов: — Очень хорошо. Я в детстве учил французский и долгое время жил у тети в Париже.

Снова налил полстакана себе и Сергею. Выпили за писателей, живущих в эмиграции.

Мама: — Скажите, а у вас бывает ностальгия, тоскуете ли вы по России?

Некрасов: — По разному бывает. С одной стороны, мне повезло, я живу в одном из величайших городов мира, рядом Лувр, Версаль, Собор Парижской Богоматери... С другой — я человек русской культуры, и, конечно, порой мне ее не хватает.

Налил. Выпили за великую русскую культуру.

Мама: — Ас кем вы общаетесь в Париже?

Некрасов: — Я дружен с Пикассо, Ильей Оренбургом, Сартром. Также встречаюсь с Азнавуром, Морисом Шевалье и с другими молодыми талантливыми людьми.

Разлил и, уже без всякого тоста, влил в топку одним глотком.

Мама: — Виктор Платонович, а кто ваш любимый писатель?

Некрасов (к Довлатову): — Сережа, хорошо идет. Разливайте. И к маме: — Их несколько — Дидро, Жан Жак Руссо и Достоевский.

Опять без тоста заглотнул еще полстакана.

Мама: — Виктор Платонович, вам можно позавидовать. Вы живете в городе такой культуры, занимаетесь любимым делом, встречаетесь с интересными людьми...

Некрасов, никому не наливая, сам врезал очередные полстакана. Помолчал.

— Знаете, мамаша, Париж, Лувр, Достоевский — это все хуйня. Вот под Сталинградом, помню: сидим в окопе. Ни хуя не жравши, мороз — минус тридцать, жопа к земле на хуй примерзла, а немец из всех пушек как въебачит, и думаешь — все, пиздец! И скорей бы уж, думаешь, пиздец, на хуй такая жизнь всралась!

Людмила Штерн, в ужасе: — Виктор Платонович, здесь же мама!

— Да маму я вообще ебать хотел!

Мама радостно-удивленно посмотрела на Некрасова и нежно промолвила:

— Да-а...?

У Довлатова собака "такса", у нее ноги растут от ушей, но уши лежат на земле. Такса мне напоминает еврея после пыток. Странно, такие красивые люди, как Сергей и его жена Лена, и

такая уродливая собака. Петя Вайль, чуть ли не первый раз в жизни купил брюки из чистой английской шерсти и пришел в них к Сереже в гости. Пока они пили чай, собачка до колена сожрала правую штанину.

Сергей — Ой, Петя, ради Бога, извини! Я тебя забыл предупредить, что моя собака не ест только синтетику.

Довлатов мне рассказывал:

— Одно время у нас с Катей (дочерью Довлатова) были несколько натянутые отношения, но, когда я лежал в реанимации, она пришла, поцеловала меня, сказала, что гордится моим талантом, любит и всегда будет любить и помнить. Через несколько дней я пошел на поправку, и вскоре меня выписали. Когда я пришел домой, Катя была в полном недоумении: как же так — она уже попрощалась, так сказать, отдала последний дочерний долг, и вот тебе на...

Выйдя из реанимации, Сергей встретил соседа и пожаловался: врачи запретили пить, курить, строжайшая диета — есть, практически, можно только морковку. Осталось только читать...

Сосед: — Это пока ты видишь.

Сергей разговаривает с иммигранткой, приехавшей как и он, из Ленинграда. Как обычно, она хает Америку, работу, которая не соответствует ее уровню и т.д. Сергей спросил, знает ли она английский.

— А что делать? С волками жить — по-волчьи выть! Дальше коснулись семейной жизни; выяснилось,

что с мужем у нее тоже не ладится. Сережа, желая ее подбодрить и успокоить, говорит:

— Вы знаете, у нас с женой тоже были расхождения — вплоть до развода, но потом все наладилось. Я не сомневаюсь, что и у вас все будет хорошо.

— Я вашу жену прекрасно понимаю, — сказала она, — каждая держится за свое дерьмо, потому что чужое еще хуже.

Из записной книжки Довлатова

Маяковский сказал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если бы не было такого города Москва». Надо понимать, что он хотел бы жить и умереть в Париже, но Москва не пускает.

Работающего в газете крепко пьющего Н. спросили:

- Ну, вот ты пьешь. Ты свою норму знаешь?

- Конечно, знаю.

- Ну и какая твоя норма?

- Ну как - до отключки.

Встретился в Катскильских горах с Борисом Сичкиным. Пообщались, Борис говорит:

- Ну что, надо повидаться. Я: - С удовольствием, давай я запишу адрес. Борис: - Адрес Сичкина?! Ты что... Это все равно, что зайти в Мавзолей и спросить, где Ленин?

Я говорю Довлатову, что всякая шваль все время портит настроение: был в ресторане на дне рождения приятеля, подходит к нашему столу человек, говорит, что у его дочери день рождения, я ее любимый артист и слезно просит подойти и поздравить ее. Я не мог отказать, подошел, поздравил, меня попытались усадить за стол, но я вежливо отказался и вернулся к своему столу. Сейчас этот дегенерат по поводу и без повода рассказывает, что он Сичкина накормил, напоил вусмерть и дал немного денег. Какой-то никому не известный тип по имени Кирилл Дремлюх в "Новом Русском Слове" напечатал пасквиль, что якобы я на "Огоньке" в ресторане «Националь» выступал в дымину пьяным (и это при том, что этот "Огонёк" пять раз показывали по телевидению, и любой мог убедиться, что я был абсолютно трезв), бездарно изображал Брежнева и закончил тем, что у Сичкина вообще нет никаких данных, чтобы быть артистом. Прекрасный писатель Лев Халиф очень точно назвал таких «взбесившаяся мандавошка».

Сижу в гостях. Один из гостей, кстати очень приятный и интеллигентный человек, говорит, что он был близко знаком с моим сыном, они часто виделись в Москве, сидели, выпивали. "Кстати, — добавляет он, — Емельян пил только одеколон". Ну зачем бы Емельяну понадобилось пить одеколон?! Емельян никогда не возглавлял общество трезвости, но одеколон он не употреблял даже после бритья, потому что ему не нравится запах. И кому он рассказывает! Мы же с Емельяном жили в одной квартире, и уж, наверное, я знаю, что он пил.

Емельян встретился с психиатром Бергером. Я Бергера видел один раз в жизни в ресторане на дне рождения наших общих знакомых. На следующий день в воскресенье у меня был концерт, и я много пить не мог, а Бергер выпил цистерну. Он мне напоминал лошадь Пржевальского на водопое после перехода через пустыню. "Ну, ваш отец пьет по-черному", — заявил Бергер Емельяну.

Музыкальные критики... Благодаря совместным усилиям, как говорят одесситы, "отмороженных" и просто бездарей, выбравших профессию композитора по причине "работать не хочу, воровать боюсь", классическая музыка в XX веке благополучно уничтожена, и вместо нее образовался небольшой клуб ебнутых, нечто вроде масонской ложи. Одни ебнутые пишут партитуры, которые нужно сразу же относить к психиатру и подшивать в историю болезни, и иногда попутно преподают, готовя новое поколение ебнутых,

другие ебнутые — критики — восторгаются признанными шизофрениками и похваливают молодежь, как подающих надежды и способных достичь подлинного маразма. Емельян пишет музыку, ничего общего с этим не имеющую и поэтому является для них природным врагом номер 1. У Емельяна концерт в Карнеги Холл. В зале плачут, овация, публика 40 минут стоя аплодирует. В "Новом Русском Слове" выходит рецензия: "Не люблю писать ругательные статьи, но..." С одной стороны, я могу понять критика, если признать прекрасную музыку прекрасной, то кому тогда нужна ахинея, которой вы восторгаетесь, и о чем вы вообще будете писать? Кроме того, если в скрипе несмазанной телеги критик углядит глубокую философскую концепцию и постижение композитором Божественного начала, это как бы говорит о высоком интеллекте самого критика. Как говорится: "С миру по Шнитке — Майе Прицкер ночная рубаха". Но будь же объективным, упомяни о том, как публика приняла "несовременную" музыку. Емельян — счастливый человек: он не обращает никакого внимания на рецензии, слухи, сплетни; для него это все, как телевизионная серия "Из жизни микробов", а мне противно.

Довлатов: — Ничего не поделаешь. Тигры уважают львов, слонов, гиппопотамов, а мандавошки — никого!

Колокольчики

Мой друг в Москве стоял 5 лет в очереди на получение квартиры и, наконец, получил одну комнату в хорошей двухкомнатной квартире со всеми удобствами в центре города. Во второй комнате поселилась супружеская пара. Жена, пани Ирена, полька по национальности, свободно говорила на трех языках, не считая польского и русского, очень интеллигентная женщина, не переносившая фривольности и нецензурных слов даже в анекдотах, страдала близорукостью.

- И вот, - рассказывает мой друг, - я принимаю душ, входит пани Ирена, не сомневаясь, что в ванной находится ее муж, отодвигает занавеску, берет в руки мои яички, и елейным голосом произносит: Это чьи же колокольчики? И когда она обнаружила, что эти колокольчики принадлежат мне, а не ее мужу, она выскочила из ванной, собрала вещи, и они с мужем ушли навсегда, оставив мне прекрасную двухкомнатную квартиру. С тех пор я с восхищением смотрю на свои колокольчики и думаю, что они, пожалуй, стоят дороже, чем яйца Фаберже.

Схожая история произошла со мной и известной актрисой и певицей Изабеллой Юрьевой.

В Москве в Центральном Доме Работников Искусств 11

января устраивались посиделки - очень интересный вечер, на котором в обязательном порядке выступали присутствовавшие артисты.

На одном из таких вечеров присутствовала знаменитая Изабелла Юрьева. Несмотря на ее возраст, а ей было за 80, она была красива и элегантна, и своим выступлением покорила весь зал.

Надо сказать, что Изабелла Юрьева была страшно близорука, но, как многие женщины, особенно актрисы, не носила очки.

Я сидел рядом с ее столиком, Изабелла вышла, возвращается, подходит к моему столику и дарит мне улыбку. Я был польщен, не сомневаясь, что она видела меня в кинофильмах, узнала, и эта улыбка -признание моего таланта. После чего села рядом со мной, положила голову мне на плечо, пощекотала шею, добралась до уха, нежно прикусила его и проворковала:

- Представляешь, я еле добежала - чуть не усралась.

После этого признания я понял, что она приняла меня за своего мужа, тихонько выскользнул из-за стола и исчез.чтобы не разрушить ее заблуждение.

Лева Шимелов

Как известно, люди делятся на умных и дураков. Если бы не было дураков, умные умерли бы от скуки. К счастью, дефицита идиотов не предвидится, так что с этой стороны умным опасность не грозит. Люди также делятся на нормальных и ненормальных. По моему наблюдению ненормальные как раз самые нормальные, но, поскольку они в явном меньшинстве, именно им приходится носить ярлык сумасшедших.

Редактора журнала «Петух», а ныне «Ваше здоровье» Вадима Консона спросили в чем разница между российскими и американскими сумасшедшими. Ответ: - Российские ходят по врачам, а американские - по улицам.

Мой знакомый психиатр в Москве жаловался:

- Раньше у меня лежало несколько Наполеонов, Чингис-хан, Александр Македонский. А сейчас... Вот, пожалуйста - старшина, который решил, что он майор, или бухгалтер, возомнивший себя заведующим овощной базы... до чего измельчал народ!

К другому психиатру пришел больной и заявил, что он Наполеон.

- Надоело,- отмахнулся врач, - вас, императоров, у меня в каждой палате по шесть штук.

- Да, но я - торт « Наполеон».

Мой друг популярный советский, а ныне российский конферансье Лева Шимелов самый современный из всех сумасшедших: он убежден, что у всех людей в голове компьютер.

Беда Левы в том, что его собственный компьютер уникален и не совпадает по частоте с другими компьютерами. Когда Лева приезжает в Америку, он не может нас понять, т.к. у нас другие частоты. Я ему посоветовал купить и вставить мультикомпьютер типа Пал-Секам, который бы работал на европейских и на американских частотах, но Лева посмотрел на меня, как на идиота: он убежден, что его-то компьютер совершенен, и всем остальным надо настроиться на его частоту.

Лева один из ведущих артистов-конферансье, но концертов у него меньше, чем у начинающего массовика-затейника.

Для того, чтобы иметь много концертов надо быть не талантливым и иметь хороший репертуар, а иметь подход к администраторам и директорам: кому-то сказать комплимент, кому-то проиграть в преферанс и т.д., но Левин компьютер категорически против подхалимажа. Ему намекнули, что было бы хорошо зайти к такой-то важной даме, вручить цветы, сказать, что она хорошеет с каждым днем, выглядит, как мадонна, но Левин компьютер, проанализировав ситуацию, выдал резолюцию: «Этой ведьме вместо цветов надо дать веник, и пусть она на нем летает».

Стандартные Левины реплики в беседе с «вышестоящими товарищами». «Мой компьютер вашу хуйню не воспринимает», «мой компьтер охуевает от вашей нелогичности».

Лева говорит внятно с прекрасной дикцией, его раздражает, если кто-то говорит, что он не расслышал, и скидок на плохую слышимость по телефону нет. Учитывая, что Лева с детства, как Александр Сергеевич Пушкин, проявлял незаурядные поэтические способ-ности, если кто-то по телефону, не расслышав, говорит:

«А?» - Лева мгновенно отвечает: «Хуй на», - причем невзирая на лица.

Лева фанатичный футбольный болельщик и убежден, что каждый нормальный человек, вне зависимости от страны проживания.должен знать мельчайшие подробности розыгрыша 3-й лиги Кемеровской области.

Находясь в Москве, я позвонил Леве и спросил, сколько очков дают за выигрыш, и сколько за ничью. Лева: - Мой компьютер в ужасе, он уже давал ответ на этот вопрос. Последний раз повторяю.

Шимелов встретился с главным редактором телевидения на предмет обсуждения возможного участия Левы в серии телепередач. Они мило поговорили, выпили по чашечке кофе, беседа подходила к концу, и Лева сказал:

- Ну, я думаю, мы все обсудили, все более менее ясно, так что я, пожалуй пойду, скоро уже начало матча.

- А кто с кем играет? - по наивности поинтересовался редактор.

- Мудак! - неожиданно заорал Лева. - Кретин! Это каким же надо быть идиотом, чтобы не знать «Спартак» - «Алания»! Ну и дубина! - и удалился, напоследок окинув потенциального работодателя взглядом, полным невыразимого презрения. Лева - человек с огромным чувством юмора, и при встрече с ним я получаю большое удовольствие. Что касается разницы в конфигурации наших микросхем, то я заметил, что после 500г водки наши компьютеры магическим образом синхронизируются и начинают работать на одной волне.

Евгений Кравинский

С Кравинским мы участвовали в театрализованной программе «Невероятно, но факт», а также вели сборные концерты, как парный конферанс.

Когда Женя учился в ГИТИСе, знаменитый артист Михоэлс спросил, какая его настоящая фамилия. Женя ответил: - Бонфельд.

Михоэлс: - О, я вас понимаю - правильно сменили. Закончите ГИТИС, начнете выступать, овации, все: «Кра-вин-ский! Кра-вин-ский!» а то - «Бонфельд, Бонфельд...» - это не то.

После окончания ГИТИСа Женю приняли в театр Сатиры, но не прошло и трех месяцев, как его уволили по сокращению штатов. Кравинский рассказывает: - Я, естественно, был недоволен, захожу к директору и играюсь в интеллигента. Директор так же вежливо, чувствуется, что ему неудобно, объясняет, что они получили приказ министерства культуры СССР о сокращении штатов, и, поскольку Женя только начал работать и еще не в репертуаре, то пришлось уволить его, как и других вновь принятых. Я говорю, что понимаю позицию дирекции, но надо же войти и в положение молодого артиста, который поступил в театр, о котором мечтал, полон энтузиазма, активно работает над репертуаром и т.д. и т. п. Директор внимательно слушал, сочувственно кивал, но... Я захожу на следующий день, говорю, что увольнение для артиста, который пришел в театр, почувствовал, что это его дом - травма на всю жизнь, тем более, что он уже здесь не первый день, труппа - его семья... Увы, безрезультатно. Захожу снова, объясняю, что дело не только в том, что меня уволили - ну, так я буду работать в другом театре - но я мечтал именно об этом театре, я влюблен в него и не мыслю без него жизни.

И вот, - продолжает Кравинский, - когда все аргументы были исчерпаны, я зашел в последний раз и понял, что увольнение неминуемо, я показал свое настоящее лицо.

- Козлы ебаные! Да на хую я видел ваш засранный театр! Говно в одежде! Срать я на вас хотел с высокой горы!

- Евгений Анатольевич, - обомлел директор. - Что с вами?

- А то, блядь, что я такой! Это мое нутро. Я вам тут две недели ебал мозги, притворяясь интеллигентом, и вы поверили, потому что я хороший артист. Из вашей так называемой труппы песок сыплется, скоро под себя ходить будут, и такой, как я, мог бы спасти вашу вонючую шепелявую самодеятельность, но вам, гондонам, этого не понять. Пидары сраные!

С Кравинским связан самый веселый концерт в моей жизни.

Жене написали фельетон «Бинокль». Он выходил на сцену с биноклем, спрашивал у зала, что у него в руке, говорил, что так я вас вижу близко, а так далеко и т.д. Премьера фельетона состоялась на самой хулиганской площадке города Москвы - во Дворце Культуры им. Горького около Савеловского вокзала.

Женя вышел на сцену и с игривыми нотками обратился к залу:

- Как вы думаете, что у меня в руке? Все в зале, включая малолетних детей, тут же синхронно крикнули:

-Хуй! Кравинский поворачивает бинокль:

- Вот так я вижу... Зал:

-Хуй!

-...а так далеко... -Хуй!

Зал развеселился, народ задыхается от собственного остроумия и радуется находке. Общее веселье перекинулось и на нас, артистов, все буквально плачут от хохота. Вновь приехавшие артисты, еще не зная, что их ждет, сосредоточенно за кулисами готовятся к выступлению, я выхожу на сцену и нарочито медленно торжественно объявляю:

- Выступает заслуженный... Зал хором:

-Хуй!

Я к артисту: - Пожалуйста, вас объявили и продолжаю:

-У рояля...

-Хуй!

Последним приехал артист МХАТа с внешностью дореволюционного графа. Он невозмутимо стоял на сцене посереди общего хохота, не теряя благородной осанки и гордого наклона головы, после очередного «хуя» вышел на авансцену и хорошо поставленным голосом без микрофона крикнул:

- Тихо, еб вашу мать!

Зал замолк - никто не ожидал от этого аристократа таких волшебных слов, а он спокойно продолжал:

- Я вам прочту отрывок из спектакля «Дети Ванюшина», - и на протяжении всего скучнейшего монолога ни один человек в зале

не шелохнулся.

Уже в возрасте Женя женился на прекрасной актрисе Тоне Дмитриевой. Она очень хотела ребенка, но Женя не решался:

- Тоня, от меня могут родиться только старые дети.

Шефские концерты

По определению Смирнова-Сокольского шефский концерт-это левый концерт, доведенный до абсурда.

Известно, что когда Федор Иванович Шаляпин был приглашен выступить для императора в Царском Селе, ему уплатили громадную по тем временам сумму в 300 золотых рублей. И это правильно: артист должен получать за свой труд деньги. В стране идиотских субботников придумали шефские концерты, когда артист, которому и так есть нечего, должен бесплатно выступать для офицеров, пожарников и т.д., не говоря уже о чиновниках всех мастей. Артисты матюкались, пытались всеми способами увиливать, но выступали, поскольку если ты отказываешься - значит ты не советский человек со всеми отсюда вытекающими мелкими и крупными выводами.

Я не отказывался, а, наоборот, набирал по 2-3 шефских концерта в день, но с таким расчетом, чтобы они или начинались в одно и то же время, или по времени перекрывали друг друга. Говорил, что машина мне не нужна: я приеду на своей, а сам оставался дома. Приблизительно спустя 15 минут после начала 2-го отделения я звоню, спрашиваю сколько номеров осталось, говорю, что я выступаю на другом шефском концерте, мое выступление через номер, так что я уверен, что успею. Звоню на ту площадку, где, якобы, через номер я выспупаю - тот же текст. Спустя 15 минут я снова звоню (по очереди на каждую площадку), говорю, что пошел выступать и сразу, не переодеваясь, еду к ним. Через 10-15 минут - после «выступления» - я снова звоню, в голосе волнение, говорю, что выезжаю, спрашиваю, какой пошел номер, узнав, что последний, прихожу в отчаяние, прошу затянуть концерт - я буквально бегу, даже не смыв фим. Администратор меня успокаивает, говорит, что успеть невозможно, просит не волноваться, а я поношу себя и того болвана, который так бездарно составил этот (тот) концерт, что я не успел на встречу с доблестными офицерами (пожарниками, летчиками, портными).

В результате я так ни разу и не выступил, но фигурировал во всех нарядах, как участник огромного количества шефских концертов и получил три чемодана похвальных грамот.

После нашего приезда в Америку Емельян одно время работал музыкальным директором в норсинг-хоуме (доме для престарелых). В круг его обязанностей входили проведение занятий хоровым пением с обитателями этого дома, чего Емельян

не делал, вместо этого играя им на рояле, общее руководство 7-ю помощницами, которые никакого руководства не требовали и, собственно, делали всю работу, и занесение в журнал сведений о том, как престарелые выглядят, что делают и т.д., чтобы их родственники могли прочитать, как их папы, мамы, дедушки и бабушки проводят время. Емельян понятия не имел, что надо писать и спросил одну из помощниц.

- О, обычную ерунду. Напиши, что она (или он) сохранила хорошую память, живая, охотно делится воспоминаниями, не сидит в одной позе, уткнувшись в телевизор (как на самом деле), а общается с группой в комнате отдыха, гуляет в саду, ну, телевизор, конечно, тоже смотрит, короче, что ей нравится, и она хорошо проводит время.

Емельян написал в точности, как ему сказали и пошел играть старушкам на рояле. Вернувшись, он увидел обессиливших от хохота помощниц, сгрудившихся вокруг журнала. Оказывается, Емельян допустил орфографическую ошибку в слове «воспоминания» («memores»), написав вместо этого «mammares», что полностью исказило весь смысл его записи, в результате чего появилось следующее:

Миссис Симпсон очень мила, с прекрасными сиськами (mammares), которыми она охотно делится со всеми окружающими. Чувствуется, что любит это дело и весьма подвижна. Надо отметить, что миссис Симпсон не зациклена на одной позе, а предпочитает разнообразие в местах и позициях - в комнате отдыха,в саду, на телевизоре, активна в группе. Мы все прекрасно проводим время.

Комсомольские глаза

Что такое комсомольские глаза? В нескольких словах: предельно чистые, насквозь фальшивые, светящиеся показной искренностью, в любую секунду готовые на любую подлость во имя тупой светлой идеи, не замутненные никакой мыслью кроме вдолбленной официальной догмы - это комсомольские глаза. Однако объяснить, что такое комсомольские глаза практически невозможно - это надо видеть. Я пытался объяснить это многим, включая людей с таким громадным чувством юмора, как создатель юмористического театра «Синяя птичка» Виктор

Драгульский и писатель Сергей Довлатов, но они непонимающе смотрели на меня, а, увидев, хохотали до слез и при каждом удобном случае просили показать снова. У нас с Довлатовым это стало рефреном: если мы хотели сказать, что такой-то - фальшивый тупой подлец, то говорили - человек с комсомольскими глазами. Живя при игривой советской власти, мое умение в точности симулировать комсомольские глаза в

совокупности с подобающим выражением лица и соответствующим текстом не раз меня выручало.

В отличие от моего сына Емельяна, чья партийная карьера кончилась, когда его выгнали из пионеров за отказ носить пионерский галстук, при родном Иосифе Виссарионовиче я себе такой роскоши позволить не мог и, как и все, состоял в комсомоле. Вместе со всеми исправно игрался в идиота, но, как юморист, получал удовольствие от смешных в своей тупости советских штампов. «Мало Родину любить, надо, чтобы Родина тебя любила». «Это не по-советски», «советский человек так поступить не может». Надо полагать, что советский человек, в отличие от болгарского или французского, обладает совершенно отличной от них биологией и единственный носитель каких-либо моральных качеств. Скажем, если кто-то ударил бабушку по голове и забрал у нее сумку, то это не по-советски, советский человек так поступить не может, а для англичанина - в норме вещей. «И где бы ты ни был, и чтоб ты не делал, пред Родиной вечно в долгу...» Всю жизнь ты у Родины на крючке, рассчитаться исключено, хуже, чем кредитные карты. Учитывая, однако, что несмотря на все притворство, я, со своим юмором не слишком вписывался в образ традиционного комсомольского идиота, меня периодически пытались из этой организации выгнать. Комсомол мне был нужен, как третья стадия сифилиса, но если тебя выгоняют из комсомола, значит ты не «советский человек», и перед тобой открываются широкие перспективы - от Колымы до сопок Манчжурии - что меня, привыкшего к более южному климату, не устраивало. Здесь мне помогали комсомольские глаза и доскональное знание нюансов функционирования советской системы.

Собрание, общий настрой - выгнать. Перед голосованием я встаю и печальным голосом, изредка (якобы от робости, а на самом деле - чтобы не расхохотаться) поднимая чистые комсомольские глаза, говорю, что да, я виноват и, конечно, не достоин быть в комсомоле, но я советский человек, комсомол - моя жизнь, и если собрание мне поверит и даст возможность исправиться, я докажу, что достоин быть в его рядах. В таких случаях всегда находится кретин-активист, который встает и говорит:

- Товарищи, мы тоже виноваты. Где был наш коллектив, почему мы не помогли Сичкину, не вовлекли его в общественную работу... и далее теми же штампами.

Получаю выговор и остаюсь в комсомоле. Вскоре новое собрание по поводу избиения Сичкиным повара. По советским шулерским правилам игры ты должен не оправдываться, что

бессмысленно, а поносить себя последними словами, что я и делаю.

Поскольку в прошлый раз мое выступление носило характер жалобного покаяния, нынешнее я облекаю в форму гневного обличения.

- Товарищи! Мой поступок возмутителен, и мне нет оправдания! Это откровенное хулиганство, и таким, как я не место в комсомоле! Да, все знают, что он не сахар, но кто тебе дал право распускать руки и чинить самосуд?! Сейчас мне отчетливо видно, как низко я пал, запятнав комсомольский билет и светлый облик строителя коммунизма, и если меня выгонят, мне некого винить, кроме самого себя! - и сел, преисполненный к себе гнева и презрения.

Собрание было даже несколько ошарашено страстью, с которой я смешивал себя с грязью и, как я и ожидал, встал очередной мудак и пошел:

- Я ни в коем случае не оправдываю хулиганский поступок Бориса Сичкина, но давайте будем самокритичны: какую воспитательную работу мы проводим с Сичкиным? Почему мы не привлекли его к оформлению стенгазеты? Когда у нас последний раз была лекция о международном положении?

Собрание плавно перетекло в традиционное утвержденное советской властью самобичевание по поводу мелких недостатков, которые надо преодолеть, чтобы ничто не мешало идти уверенной поступью к сияющим высотам, и я остался в комсомоле с очередным выговором.

Последний раз меня собрались выгнать из-за майора польской армии (дело было в конце войны), который нагло хотел занять мою квартиру и которого я чуть было не застрелил. Пистолет у меня успели вырвать, но в лоб я ему закатал. Говорить что-то было бессмысленно: выговоров у меня скопилось два мешка, и на всех этих собраниях я уже выступил во всех возможных ролях - от трагика до целомудренной гризетки - поэтому я просто сидел, уронив голову и время от времени пускал слезу. Встал мой друг Борис Каменькович и произнес заранее отрепетированный текст:

- Товарищи, я говорил с Борисом и пытался выяснить, как же он мог совершить такой поступок, так подвести коллектив?! Я убеждал его выступить и объяснить нам, как такое могло случиться и осознает ли он сам, какую тень он бросил не только на наш ансамбль, но и на весь моральный кодекс строителя коммунизма, но Борис сказал, что он не в силах взглянуть товарищам в глаза, веры ему больше нет и хватит, сколько можно – пусть выгонят меня из комсомола! А потом у него появились слезы на глазах, и он воскликнул:

«Комсомол - это единственное, что у меня есть! Как же я буду без комсомола»!

В этом месте речь Каменьковича прервалась из-за раздавшихся с моего места громких рыданий, сопровождаемых хлынувшим потоком сдерживаемых до поры слез.

Не выгнали. Со временем я тихо выбыл из комсомола по возрасту, но бесконечно благодарен этой организации за помощь в создании «комсомольских глаз».

Еврейский тост

Все мы знаем, что восточные люди - мастера говорить в застолье. Быть тамадой - особый дар. Тамада должен уметь говорить интересно, красиво, по существу. Когда тамада говорит, никто не может его перебить, все внимательно слушают и в конце пьют за того, к кому обращен тост. Еврейский тост - совсем другое дело. Евреи народ глобальный и, произнося тост, еврей хочет коснуться всех вопросов. Поднимая тост за здоровье Сарочки, еврей также пьет за ремонт во Львове и включает пожелание, чтобы не было войны.

Недавно я был приглашен на день рождения в ресторан. Как все знают, обязательное наличие в русском ресторане оркестра

превращат его в частную кузницу, где из-за грохота слова сказать невозможно. С моей точки зрения Адольф Абрамович Гитлер поступил крайне неразумно, угрохав массу денег на постройку концлагерей и газовых печей. С точки зрения массового уничтожения, парочка ресторанных оркестров, играющих посменно, сделала бы дело гораздо быстрее, дешевле и эффективнее.

Но вот настал миг невыразимого блаженства -музыканты ушли на перерыв, и я поднял тост в честь именинницы. Виновница торжества действительно очень талантлива, красива и обаятельна, и я постарался все это выразить в художественной форме. Приблизительно в середине тоста именинница поднялась и с очаровательной улыбкой сказала:

Борис Михайлович, простите, я вас перебью. Я бы хотела добавить. Когда мы только начинали наш бизнес, у нас даже не было помещения. Если же говорить об оборудовании... Начинали мы, практически, вдвоем. Потом пришла Софа... А, нет, Софа пришла после Лены...

Затем она начала вспоминать даты, кто пришел после кого, как они переезжали, минут через 20 попросила всех участников бизнеса выйти из-за стола и сфотографироваться с ней и т.д.

К тому моменту, когда они вернулись за стол, все уже давно каждый за свое выпили, поели и начали рассказывать друг другу анекдоты. Я снова взял слово:

- Дорогие друзья, я прервался, когда говорил об одной из самых очаровательных, умных и обаятельных женщин, которых я знаю. Я бы хотел добавить. Сейчас в Конотопе намечено большое строительство, и это очень важно, потому что дорожное покрытие действительно в ужасном состоянии. Кроме того, нельзя закрывать глаза на экологию, в частности на хищническое вырубание лесов в бассейне Амазонки и, хотя это не имеет прямого отношения к дефициту бюджета США, через 20-30 лет пенсионные выплаты могут оказаться под угрозой. Поэтому я бы хотел поднять тост за администратора тамбовской филармонии Арона Гурвича и успехи в развитии национального здравоохранения!

Когда-то мы с талантливым автором Вадимом Консоном написали смешной рассказ, посвященный вымышленной фирме рэкетиров, а также шутили со сцены, обыгрывая неуклюжие объявления с сексуальным подтекстом, время от времени появлявшиеся в русской прессе. Тогда это звучало как забавная фантазия, однако, время идет, и не проходит и нескольких дней, чтобы я не вынул из почтового ящика рекламных писем с броскими заголовками: «Длинный и толстый пенис - за две

недели»! «9 инчей - не мечта, а реальность»!, а также массу нюансов об открытии новых массажных салонов и салонов красоты с детальным описанием внешних достоинств служащих. Если в рекламе салонов красоты еще иногда содержится намек на их предполагаемую прямую деятельность, как, например «оральная косметика» (что чем красят?), то массажные кабинеты уверяют, что девушки владеют разнообразной совершенной техникой, кроме, естественно, массажной. Емельяну же по Интернету, помимо всего вышеперечисленного, настойчиво предлагают обзавестись карманной водородной бомбой и нанять Иностранный Легион для борьбы с соседями и конкурентами. Поэтому, я думаю, появись сейчас в газете два следующих объявления, это никого бы не удивило

Салон красоты и массажный кабинет «Русскиептички».

Наши курочки владеют всеми видами орального, стандартного и экзотического массажей, включая «Вертолетик», «Муравьиный узел» и «Аист против змеи».

Наша спешиалити - «Танец маленьких лебедей», исполняемый на клиенте. К услугам посетителей большой выбор презервативов: стандартный «Котовский», «Д"Артаньян» - с усиками, «Сэр Гамильтон» - без усиков, но с бачками, и «Карл Маркс». Для религиозных евреев – кошерные презервативы в обрезанном виде. Только у нас - штопка презерватитов в присутствии заказчика. В салоне работают специалисты по удлинению и утолщению члена вплоть до стандарта «Боевой осел».

Особое внимание пенсионерам эмигрантам, которым предоставляется 20% ная скидка.

Примечание: По медикейду возможно только укорачивание члена.

«В связи с праздником Святой Пасхи фирма «Огонек» объявляет большой сейл на поджоги:

Пожар с полным охватом, с четырех сторон до пепелища - 1200 долларов плюс тэкс. Пожар коптильный (гарантия вони 3 месяца) – 900 долларов.

Пожар декоративный с дымом - 450 долларов.

Как всегда, вне конкуренции наши цены на переломы:

Берцовая кость - 350 долларов

Тазобедренный сустав - 600 долларов

Шейные позвонки (каждый) - 500 долларов

Для пришедших с этим объявлением бонус - один бесплатный испуг до полного заикания.

Графомания

Многие болеют этой болезнью, среди графоманов

встречаются академики и лифтеры, и жизни от них нет никакой. Мне рассказывал в Москве редактор центрального журнала, что к нему пришел академик лауреат Ленинской премии, трижды герой Социалистического труда и застенчиво сообщил, что он написал роман. Выхода нет - прочитал. Бред совершенный, плод фантазии третьеклассника, нанюхавшегося клея БФ: шпаги, пираты, ножны звенят,бушприт скрипит...Что делать - неизвестно: напечатать эту ахинею, естественно, нельзя, и объяснить академику, что его непосредственная профессия значительно более ценна, невозможно - он не сомневается, что его истинное призвание литература, а то - так, побочно.

Мне позвонил человек из Торонто и попросил рассказать ему о Владимире Высоцком.

- А зачем вам это нужно? Хочу написать о нем книгу. Вы с ним были знакомы? Нет, поэтому вам и звоню.

- А кто вы по профессии? Повар.

Ну что, повар, это, я бы сказал, смежная с писателем профессия. Вы женаты?

- Да.

И, соответственно, теща есть?

- Есть.

Мой вам совет - начните с предмета, который вы хорошо знаете. Выпустите книгу «Моя переписка с тещей».

В Лос-Анджелесе бывший редактор газеты «Панорама» дал мне почитать новую книгу о Савелии Крамарове, написанную российским автором Варленом Стронгиным. Книга написана изящным слогом слесаря-водопроводчика, факты взяты с потолка, автор сетует, что Крамарову было тяжело без своих друзей композитора Стравинского, художника Шагала и ШШ, Федора Ивановича Шаляпина. Бедный Савушка! А каково мне без Сенеки, Мусоргского и Марка Аврелия? Я бы не упоминал этот кошмар, но в бывшем Советском Союзе я дважды встречался с автором, и это очень забавный персонаж.

Первый раз мы встретились у Смирного-Сокольского, когда тот гнал его из кабинета со словами: «Вон отсюда! Вы возбудитель антисемитизма»!

Второй раз я его увидел в Баку, где ставил эстрадную программу для Шарова и Наджарова. Автором номеров был Стронгин, но, учитывая, что он человек с патологическим отсутствием чувства юмора, в анекдотах уточняет детали, эти номера не имели бы успеха даже на вечере творческой самодеятельности в палате сумасшедшего дома им. Кащенко. Мне пришлось быстро переписать номера, добавить несколько интермедий и вставить сквозной конферанс. Деньги за программу

получил все равно Стронгин, хотя по таланту максимум на что он мог бы рассчитывать, это позиция подсобного рабочего в синагоге.

Мы стояли с Варленом на улице в Баку, и один русский, посмотрев на Стронгина, который стоял к нему спиной сказал другому:

- Посмотри, какой смешной еврейчик. Я не терплю антисемитизма, но, взглянув на Стронгина, понял, что никакого антисемитизма нет: так не мог бы стоять русский, украинец, грузин, англичанин. Ноги иксом, зад отклячен, отставленная рудиментная ручка, корпус изогнут под немысленным углом - даже со спины он был похож на карикатуру на еврея.

Варлен мечтал о половой жизни, но при органической неспособности связать два слова знакомства с девушками у него не получалось. В конце концов мы договорились с проституткой, заранее ей уплатили и привели в номер к Стронгину. Зайдя через три часа мы застали их чинно сидящими на целомудренной дистанции друг от друга и по-прежнему полностью одетыми.

- А что я могла сделать? - сказала девушка. - Он начал мне читать повесть о 26-ти бакинских комиссарах. Я боялась его перебить. Мы похвалили ее за патриотизм и оставили Стронгина наедине с творчеством.

В другой раз я познакомился с девушками, мы сидели в парке и ждали Стронгина. Он был лысый, но по бокам еще росло. Стронгин отрастил с левой стороны прядь длиной приблизительно два метра и, надо отдать ему должное, искусно укладывал, прикалывал, подклеивал ее вокруг головы, так что создавалось впечатление, что у него полная шапка волос. В тот момент, когда Варлен появился в парке и подошел к нашей скамейке, неожиданно поднялся ветер, и его с таким трудом созданное и закрепленное сооружение вырвалось на свободу. Двухметровая прядь гордо, как транспарант, развернулась на ветру. Варлен попытался схватить конец пряди, но коротенькие ручки не дотягивались, а догадаться подтянуть ее частями он не мог. Тогда, как собака, догоняющая свой хвост, он побежал за ней, но ветер был сильный, и прядь бежала вместе с ним. Конца неравной борьбы мы, практически, не видели из-за застилавших глаза слез.

Впоследствии я узнавал прогноз погоды, и, как только обещали ветер, приглашал Стронгина встретиться с девушками на свежем воздухе. Дорогой Варлен, пишу и хохочу.

Иосиф Виссарионович Сталин, как выяснилось обладал чувством юмора. В Конотопе жил один сумасшедший, который каждый год к празднику Революции присылал телеграмму: -

Москва. Кремль. Сталину Иосифу Виссарионовичу.

Дорогой товарищ Сталин! Не волнуйтесь, в Конотопе все спокойно.

Этого сумасшедшего не только не посадили, но, наоборот, Сталин каждый год с нетерпением ждал телеграмму и хохотал до слез.

Когда советские войска вышли к Балтийскому морю, маршал Багратьян набрал из моря воды в бутылку и с адьютантом отослал ее Сталину. К тому времени, когда адьютант добрался до Сталина, немцы выбили наши войска и вернулись на исходные позиции. Сталин вернул адьютанту бутылку и сказал:

Передайте маршалу, чтобы он вылил, воду туда, где он ее взял.

Писатель Константин Симонов, влюбленный в свою жену актрису Валентину Серову, выпустил сборник стихов «С тобой и без тебя». Все стихи были посвящены Серовой и описывали его любовь. Сталин прочитал книгу и спросил, какой тираж:

- 200 тысяч многовато,- сказал Сталин. - Надо было напечатать две! одну - ей, и вторую - ему.

У Серовой был роман с маршалом Рокоссовским, и Симонов сходил с ума. Истерики Симонова дошли до Сталина, он вызвал к себе членов военного совета Белорусского фронта, которым командовал Рокоссовский и спросил, что они думают о маршале.

Решив, что они уловили настроение вождя, все начали говорить, что Рокоссовский гуляка, любит застолье, женщин, имеет любовниц и т.д.

- Это правда, что Рокоссовский в составе концертной бригады вызывал к себе свою любовницу Валентину Серову?- спросил Сталин у генерал-лейтенанта Телегина?

- Да, это так.

- А где в это время находилась жена маршала?

- Когда маршал вызывает Серову, он отправляет свою жену с фронта. Когда Серова уезжает, жена возвращается.

И другие женщины у него тоже были?

- Да, товарищ Сталин.

- Ну, а как человек он какой?

Ну, он, безусловно, образованный, интеллигентный, дисциплинированный....

- А как полководец?

О, маршал Рокоссовский гениальный полководец. Сталин задумался.

Товарищ Сталин, - подал кто-то голос, - так что будем делать с товарищем Рокоссовским? Что будем делать? Мы будем ему завидовать.

Я делаю на сцене номер «Монолог проститутки». Хотя в числе прочих я записал его на видеокассету, многие читатели, живущие вдалеке от больших городов, не видели его и по их просьбе я включил его в эту книгу.

Монолог проститутки

Здравствуйте, уважаемые предатели нашей великой родины! Так любит говорить мой бойфренд Моня. Моня, он такой непосредственный, с тупым мягким юмором, я его обожаю. Моня мне сказал, что у него высшее образование, но, поговорив с Моней, начинаешь думать, что лучше иметь среднее соображение, чем высшее образование. Я вообще заметила, что у всех наших эмигрантов высшее образование, ни одного с низшим. Совсем, как у бывших советских руководителей - все с высшим образованием без среднего. Моня весь в экскре... в экспериментах: недавно выкрасил голову в разные цвета и сказал, что стал панком. Панк - это по русски подонок. Помню еще была такая русская песня «Подонок гуляет, казак молодой». Пожалуйста, мы в свободной стране, хотя я и выразила свое отношение.»

Моня, креста на тебе нет». Моня понял меня буквально и тут же повесил на себя огромный крест: «Надоело быть евреем, я крестился и стал новым русским». Ну что ж, действительно, сколько можно быть евреем. Побыл и хватит, дай другим. Иногда на Моню нападает депрессия. Дело в том, что на таможне у него отобрали все иконы, а еврей без икон - это катастрофа! Да, но я отвлеклась. Я пришла приветствовать Бориса Сичкина по женской линии. Женские линии...эти божественные линии бедра... А ведь когда-то я была сложена, как кубометр дров. Но я вовремя осознала, начала заниматься штангой и пить мужские гормоны - стаканами. И вот уже много лет у меня эти божественные линии. Кстати, очень помогают в работе. Дело в том, что я работаю в публичном...библиотеке. Я очень люблю свою работу, библиотечное дело. Мне еще не было 13-ти лет, а я уже выдавала в читальне постельное белье. Шли годы, я поднималась все ниже и ниже, и хозяйка выпустила меня в читальный зал в купальном костюме. И вот сейчас у меня свой бизнес -читальня на восемь коек. Я помню все три волны эмиграции. Первая волна к нам уже не ходит: они вообще уже не ходят. Вторая приходит по инерции, все больше поболтать. Держимся мы на третьей волне эмиграции, как вся русскоязычная пресса. Наши девчата Сичкина обожают, он наш постоянный читатель. Бьютифул кастомер! Умный, щедрый, оставляет столько на чай, что хватает на коньяк. Спасибо ему, без подлинных ценителей литературы наш бизнес хереет...я имею в виду опадает... короче, не стоит.

Господа эмигранты, приходите к нам читать. У нас вас ждут

удобные и мягкие стеллажи и большой выбор книг в изящном переплете. Ничто так не укрепляет семью, как чтениеь У нас девушка не скажет, что у нее голова болит, она устала, и вообще зачем мы сюда приехали! Да, кстати мы начали принимать фудстемпы - подарок велферовцам! У нас вы отдохнете душой. Ждем вас, книголюбы!

В некоторых странах, как известно, на улицах нет общественных туалетов. В Италии есть платные. В России есть общественные, но, хотя их недостаточно, там проще, что иллюстрирует известный анекдот:

К прохожему на улице обращается интеллигентного вида человек:

Простите, вы не скажете, где здесь консерватория?

- Да ладно тебе, чего уж там - ссы здесь. В Америке же нет ни платных, ни общественных, и иногда это представляет проблему. Я давно разработал специальную актерскую технику, позволяющую оправиться практически в любом месте. Первый этап - найти побочное занятие, чем для возможных наблюдающих вы якобы увлечены. Второй - расстегнуть ширинку. Например, вы открываете капот машины, расстегиваете ширинку и начинаете проверять уровень масла. Хорошо пожимать плечами, картинно разводить руками - мол, ничего не понимаю, вчера же доливал. В отсутствии машины можно использовать телефон-автомат. Вы заходите в автомат, расстегиваете ширинку и темпераментно с преувеличенно выразительной мимикой говорите в трубку. Даже если рядом стоит ожидающий своей очереди человек, он будет смотреть на ваше лицо и жестикуляцию, а не на ширинку. В этом случае важно следить, чтобы ожидающий не оказался карликом или лилипутом, которому на лицо смотреть менее удобно.

В Польше, куда наш ансамбль перед войной приехал на гастроли, общественных туалетов не было и, прогуливаясь в парке с артистом Мишей Виленским, я рассказал ему о разработанной мною системе. Миша, хорошо воспитанный, интеллигентный человек, внимательно слушал и попросил продемонстрировать. Я расстегнул ширинку, подошел к дереву, взгляд направлен наверх, руками перебираю листики и т.д. В парке было довольно оживленно, рядом гуляло много людей, но ни один не обратил на меня ни малейшего внимания. Миша пришел в совершенный восторг.

Вечером перед концертом он прибежал за кулисы в панике.

- Борис, понимаешь, мне сейчас понадобилось, где в этом зале туалет не знаю, по-польски не говорю и не могу спросить, и я вспомнил твою систему. Вышел на втором этаже на балкон, вернее, на баллюстраду - знаешь, там где поверху клумбы, плотно

прижался к перилам, вынул и писаю вниз, а сам в это время рассматриваю цветочки, нюхаю их -ну, как ты учил. Почти уже закончил, случайно взглянул вниз, а там огромная толпа поляков задрала головы и смотрит, как я это делаю. Какой кошмар! Это же все наши зрители, как я выйду на сцену!

Да, конечно, и в моей системе бывают сбои, но, как правило, они - следствие недостаточной практики. Я сейчас открыл фирму и даю платные уроки. Звоните, фирма называется «Писсуар де Пари».

Николай Эрдман

Как и многие талантливые люди Николай Эрдман родился не в то время и не в той стране. Переполненный талантом и юмором, он писал остро сатирические вещи, а сталинская банда не терпела сатиры и подозрительно относилась к таланту. После пьесы «Мандат», поставленной Меерхольдом, Эрдмана посадили и сослали на заслуженный отдых в Соловки. Вернувшись, Эрдман понял, что с его творчеством место на каторге ему всегда обеспечено, отошел от сатирических пьес и начал писать веселые киносценарии, причем просил, чтобы его имя нигде не фигурировало. Он создал классику советского кинематографа комедию «Веселые ребята», множество детских фильмов, в одном из которых -«Варвара Краса, длинная коса» я снимался и много других. Все было им написано быстро, талантливо, и никто, кроме режиссера, не знал имя автора.

На чьем-то юбилее в театре им. Ермоловой я встретился с Николаем Эрдманом, и мы провели за беседой всю ночь. Я обратил внимание, что он говорит в точности, как известный артист Эрнест Гарин, и Эрдман рассказал удивительную историю:

- Эрнест Гарин работал в труппе Меерхольда, где я читал свою пьесу «МАНДАТ». Услышав меня, он влюбился, как можно влюбиться в кумира и, хотя до этого говорил нормально, начал говорить, как я - и так до конца жизни. В это время меня сажают в тюрьму и высылают на Соловки. Хотя все знают, что единственная вина в том, что ты написал интересную пьесу, все начинают открещиваться от знакомства с тобой, от тебя порой отказываются даже родные, но - это в такое страшное время - Эрнест Гарин бросает театр, два месяца добирается до Соловков и добивается со мной свидания. Когда я его увидел на Соловках, я решил, что у меня на нервной почве начались галлюцинации. Эрнест привез бутылку водки, какие-то продукты, мы выпили, закусили, немного поговорили. Прошло меньше часа, и он как-то незаметно исчез. Я ничего не мог понять. Много позже, вернувшись, я встретил Эрнеста Гарина и спросил, почему он так быстро уехал. «Вы знаете, мне показалось, что вам со мной

неинтересно»,-ответил Эрнест. Вы понимаете, человек добирается ко мне два месяца, два месяца обратно и не пробыл и часа, потому что ему показалось, что он мне неинтересен. Это на Соловках, где нет ни одной живой души, кроме вертухаев! Каким же надо быть чутким и неземным человеком!

XXX

Арон Гаврилович пришел домой после работы, разделся и увидел на столе записку. В записке было написано, что жена от него ушла навсегда, что ей надоела такая жизнь, и чтобы он ее не искал, так как она у мамы. «Вот тебе сюрприз»!,- воскликнул Арон Гаврилович. Он метался по комнате и никак не мог уяснить, почему его бросила жена. Арон начал вслух перечислять свои достоинства:

«Я не пью, недавно бросил курить, не бабник, как некоторые мужья, ни разу жену не ударил, нецензурных слов не произношу, имею две бензоколонки, очень хорошо зарабатываю. Отчего она ушла?! Может ей было скучно? Так дома стоит телевизор, радио могла слушать по десять часов. Отчего она ушла? Надо с ней объясниться. Надо найти повод. Какой же придумать повод?. Арон ходил по комнатам и придумывал повод. - Ах, вот,-

неожиданно осенило Арона Гавриловича, - я ей вчера дал пять долларов, чтобы она купила пакет молока и дюжину яиц. Пакет молока стоит один доллар девятнадцать центов, дюжина яиц - восемдесят девять центов. Вместе это будет - два доллара восемь центов. Сдачу она не вернула. Вот я пойду к ней и скажу, чтоб она вернула мне сдачу, и заодно, узнаю, отчего она от меня ушла!

Володя Барсук.

Володя приехал в Америку из Минска. Музыкант с приятным голосом и талантливый бизнесмен, в Союзе он много работал, как музыкант, но этого еле хватало на еду. Если же ты там пытался проявить талант бизнесмена, то тебе предоставлялась возможность крупным планом увидеть тюрьму, пересылку и лагеря. Так как у Володи в репертуаре не было камерных романсов, он решил этой возможностью пренебречь, взял жену, дочь, на половину заполненный постельным бельем чемодан и рванул в Америку. В Америке Володя перепробовал множество профессий и, в конце концов, своими руками построил «Пайн Отель» -русский дом отдыха в горах. Общался по работе Володя, в основном, с биндюжниками, у которых изысканный русский мат - единственное средство общения, короче, находился в обществе, где громкая отрыжка считалась хорошим тоном. Как следствие, сам Володя постоянно матюкался, не придавая этому смыслового значения.

Володина жена Люда, обаятельная красивая женщина чем-то недовольна и высказывает это Володе. Володя не в духе:

- Люда, завязывай базар, а то пиздюлей получишь.

Люда продолжает говорить. Их четырехлетний сын Джимми подходит к Люде и говорит:

- Мама, чего говоришь? Хочешь пиздюлю получить?

Володя стоит на территории «Пайн-Отеля» с группой отдыхающих, его дочь Илона, красивая и неискушенная девушка сидит на кухне.

Володя: - Илона, бля, убери столы и вымой посуду на хуй!

Илона: - Папа, аи эм сик (папа, я больна)

Володя снова: - Илона, ебт, убери на хуй столы, обед, блядь...

Илона: - Папа, аи эм вери сик.

Володя: - Илона, бля...

Илона подходит к стоящему с нами Володе:

- Папа, я очень хуево себя чувствую. Володя вытаращил глаза:

- Илона, ты каким языком говоришь?

- А ты иначе не поймешь.

Володя Барсук - гениальный самородок. Купив маленький дачный комплекс, он своими руками перестроил его и превратил в прекрасный дом отдыха с двумя бассейнами, бунгало, спортивными и игровыми площадками, сауной, бильярдом и т.д. Самый веселый русский дом отдыха, в котором устраиваются концерты и капустники и к тому же райское место для отдыха: шашлыки жарятся, музыка не гремит, сосны, рядом озеро - то, что надо.

Володя - громадный мужик, по приезде в Америку всегда был под хмелем и, вероятно для полноты облика, отпустил бороду и купил автомат. Степан Разин, Емельян Пугачев и белорусский партизан, который много лет не выходил из леса, в одном лице. Мне рассказывал мой знакомый, инженер по профессии:

- Я прослышал, что «Пайн» прекрасное веселое место для отдыха и решил с женой провести там недельку. Приехал в «Пайн» и спросил, как бы мне увидеть хозяина. Вышел громадный бородатый человек, пьяный, с автоматом и громовым голосом прорычал: «Депазит»! Я перепугался насмерть, не сомневаясь, что уже никогда не увижу семью. Когда он взял депазит и ушел, я вознес хвалу Господу, что остался в живых.

Впоследствии он убедился, что страшный бородатый человек с автоматом на самом деле добрый, веселый, щедрый и незаменимый за столом товарищ.

Из записной книжки

Если приятели надоели, и ты не хочешь с ними встречаться - ходи не в ресторан, а в библиотеку.

У пьяного глухонемого заплетались пальцы. Люди плавают разными стилями, а тонут одним.

Какая разница между богатым и бедным? Богатого каждый прожитый день приближает к смерти, и он нервничает, а бедного каждый день приближает к зарплате, и он радуется.

Артист кино Кулаков сыграл белогвардейского шпиона в фильме «Комсомольск», и во всех последующих фильмах, где он играл положительные роли, его озвучивали другими артистами, мотивируя тем, что у него голос врага народа.

Дайте мне точку опоры, и я дотяну до зарплаты. Чтобы не было войны, надо держать порох сырым. Игра слов: пошел на хуй.

Несоответствия: извозчик в пенсне, Крупская в роли Снегурочки, Карл Маркс в шортах, шахтер педераст, Сталин в канотье.

Он был настолько сексуален, что его возбуждал даже дамский портной.

В Москве по телевидению азербайджанец с довольной улыбкой на лице сказал:

- Не знаю - кто как, но я в Москве живу не хуже, чем птица в клетке.

Почему педерасты обычно в полном порядке? Потому что фортуна боится повернуться к ним задом.

Если гора не идет к Магомету, Магомет покупает путевку и едет в горы.

Любитель острых ощущений был тупым. Бифштекс ему давался с кровью.

Одна простая женщина, посетив Ново-Девичье кладбище и увидев множество красивых и дорогих памятников, воскликнула с завистью: И живут же люди!

Веселый негр мне ближе, чем скучный еврей.

Шашлык подумал о посетителях: «Ничего, вы на мне еще зубы поломаете».

Свой бизнес он начал с малого. Вначале он продал родину.

Историческая справка, замалчиваемая официаль-ным Ватиканом:

Император Наполеон Бонапарт умер на Святой Елене.

Как я заметил, самые разговорчивые люди - это заики. Жадные люди - богатые покойники.

На Красной площади возмущались туристы:

Почему закрыт Мавзолей?

- Вы что, не знаете, - сказал я, - сейчас в Мавзолее мертвый час.

Жена, поссорившись с мужем:

У него член, как российский рубль - все время падает.

Для многих эмигрантов духовная пища эта та, которая готовится в духовке. С другой стороны если питаться только духовной пищей - умрешь одухотворенным.

Если ты должен - склероз не страшен.

Альберту Эйнштейну сказали, что его сотрудник уснул на работе. Эйнштейн, с завистью: Какой же он счастливый.

Доказано, что пить водку в малых дозах полезно в любых количествах.

Во время войны мы остановились в деревне на ночлег. В хату набилось много народа, и так случилось,что в это время к хозяйке в отпуск приехал муж солдат. Легли мы спать и слушаем их разговор. Хозяйка к мужу:

Коленька...

Хуеленька! С Андреем кто жил?

Коля, это было по пьянке, клянусь!

- Ага... С Федором тоже по пьянке было?

Коля, я так тосковала, месяц вообще из дома не выходила, а потом на танцах он меня прижал, и дальше я ничего не помню. Не помнит она... С Гришкой тоже не помнишь? Ну зашел он, самогонки принес, выпили, поздно было - он остался, легли-то порознь, а ночью он ко мне залез, я спала уж... Спала... Со всей деревней ты спала. Блядь ты, вот кто. Со всеми переебласъ, ни одного не пропустила. Все, больше ты мне не жена. Развод, и пошла ты, шлюха, на хуй.

- Какой ты жестокий, Коля. Тебя шесть месяцев не было, я терпела, как могла, исстрадалась вся. Да, были мужики, но я ни с кем не кончала.

- Ни с кем? Клянусь, ни с кем.

- А, ну так это другое дело.

Монолог алкоголика

Хочу представиться, я простой советский алкоголик. Говорю я это не с гордостью, но с достоинством. Дело в том, что пьющие люди - самые добрые, чуткие и щедрые. Вы когда-нибудь видели богатого алкоголика? А среди непьющих их навалом. А почему? Да потому что они жадные. У него ты не поужинаешь - он сам недоедает, копит деньги, чтобы потом поделиться с врачами. Вы когда-нибудь слышали, чтобы алкоголик на алкоголика написал анонимку? А среди непьющих пишет каждый третий. Люди делятся на умных и дураков, а у нас выпили - и все умные. Я вообщем-то оказался в эмиграции случайно. Был у меня корешеврей, золотой парень, пил, как лошадь. Ну, он подал заявление, а я что -брошу дружка? Я тоже подал. Так он в отказе, а меня выпустили. У меня-то еврейской крови может грамм сто - сто пятьдесят, а у него литров восемь. Но у них же логики никакой

нет. Поначалу мы хотели поселиться в Израиле. Прекрасная страна, люди там мужественные, ну, то, что надо. Но там жарко. Пить. Так я поселился в Нью-Йорке. Здесь тоже летом не очень, особенно вот эти два месяца, июль и август -ну, не идет! Но здесь же есть выход: я еду в Кастильские горы, живу в русских домах отдыха - там прекрасно пьется!

Меня спрашивают, есть ли у меня ностальгия, скучаю ли я? Ну, что говорить - конечно скучаю. Но скучаю я по ребятам - люди там замечательные, не то что здесь эмигранты. Ну, приведу вот такой пример: там, как обычно, крепко поддашь, утром просыпаешься - муторно, трубы горят, колотун, а в голове - Донбасс: такое ощущение, как будто в твоей голове кто-то уголь киркой добывает. И вот ты наспех одеваешься - если ты накануне разделся - и бежишь. А ребята, как увидят тебя бегущим, уже напивают. Потому что знают, что человеку плохо. А здесь тебе будет плохо, и ты побеги...Так тебе ж еще ножку подставят.

Ну, как я там жил, как здесь... Ну, там я пил, не просыхал. Но что мы пили? Если бы любой американец выпил то, что мы пили, его бы ни один врач не спас несмотря на все его иншурансы. А что я там видел? Да я метро не видел. Говорят - лучшее в мире, я не спорю, но туда пьяных не пускают, а я никогда трезвым не был. Вот там, скажем, в скверу сел, врезал и на радостях запел: «Ой цвете калинка в поле у ручья...» Милиция тут как тут, еще хулиганку могут пришить. А здесь - взял банку, в Манхэттене на пятой авеню сядь и пей. Надоело сидеть - ляг. И тебя никто пальцем не тронет: если человек лежит, значит ему так удобно. Вот это же и есть свобода. А если хочешь петь - пожалуйста. Можешь спеть всю оперу «В бурю», и тебе никто слова не скажет, еще могут денег дать. На концерты так я здесь не хожу, но концерты Бубы не пропускаю - тоже, говорят, пьет - и неплохо. Люблю русские рестораны. И вот что мне нравится: что русские рестораны держат евреи, а поют в них негритянки. Думаю, скоро во всех негритянских ресторанах будут петь евреи. Такой культурный обмен. Вот во всех русских ресторанах поют одну песню, название запамятовал, но смысл помню. В ней рассказывается, как одна женщина, чувствуется так, что из южного города, получила посылку. Она раскрывает посылку, думает, что там ценный подарок, а там три китайца.И дальше так задушевно поется, чем занимаются китайцы. В этой песне большой политический смысл - нельзя доверять китайцам. Что мне не нравится здесь, что не нравилось там, что все эти врачи, профессора ругают водку. Говорят, что водка укорачивает жизнь, ведет к импотенции, что от алкоголиков дети рождаются уродами... Ну врать-то зачем? Вот у меня братан Леша - с семи

лет пил с утра до ночи. Вырос, женился, и у него родилась дочь. Ну вы бы посмотрели на его дочку! Красавица, глаза -огромные голубые, блондинка, волосы до ... ну, вот до сюда. Высокая, стройная, ну просто Венера! И при этом еще и глухонемая...Это ж какое счастье для мужа! Женщина - стройная красивая, ничего не слышит, и сказать ничего не может. Это ж отдых в доме! А они говорят водка, водка... И я верю, что найдется честный врач, который скажет всю правду: что водка продлевает жизнь, что водка укрепляет здоровье, необходима детскому организму, дает рост...

Ой, что будет.....

Ведь еврейские мамы и папы - они же боготворят своих детей, и когда они узнают, что водка полезна... Могу себе представить вот такой разговор между родителями и детьми:

Мать: - Семочка, я тебя очень прошу, выпей сто грамм... Я знаю, что ты уже пил, но за бабушку ты еще не пил? Ты же любишь бабушку....Ну будь хорошим мальчиком... Что значит не хочешь, как можно не хотеть лить? Нет, это прости наказание какое-то... Миша, иди сюда... Ты отец, поговори с ним, как мужчина с мужчиной, если надо - стукни кулаком по столу. Я должна бежать на работу, обязательно мне позвони.

Отец: - Сема, каждый нормальный человек должен пить... Что значит она горькая - запьешь джусом. А хочешь, я тебе смешаю водку с пивом. Это будет ерш. Ты и ерша не хочешь? Нет, у меня уже нет сил тебя уговаривать. Ты посмотри - Арончик с нижнего этажа. Он намного младше тебя. Он с утра выпил, разобрал телевизор, разбил окно, и поет! Ребенок, как ребенок! А ты? Сколько тебе лет?...Нет, сколько тебе лет? Десять. А выглядишь ты на восемь. А все почему - да потому что ты не пьешь! Ты что, хочешь остаться лиллипутом?! Это здесь в Америке, где нужно уметь за себя постоять?! Запомни, книги до хорошего не доведут. Это я тебе говорю. Выгляни в окно - все дети уже валяются в канавках. Один ты на ногах!...Нет, у меня уже нет терпения тебя уговаривать. Тихо, я сейчас буду говорить с мамой. Только тихо, я буду говорить по-английски!

Гуд афтенун, мэй аи спик виз миссис Сара... Сэнк ю вери мач... Сара, это я... Ну что, что - он не пьет. Он не хочет пить, выродок... А что твоя мама, она тоже не пьет... Нет, я с ней разговаривать не буду, врач при тебе сказал: не будете пить - загнетесь... Нет, я сней разговаривать не буду, она скоро будет разговаривать с Джеком Яблоковым... Ты не знаешь, кто Джек Яблоков? Это из похоронного бюро... Слушай, у нас осталось только полтора галлона водки, и все, будешь идти с работы, захвати еще пару галлончиков. Бай.

Вот, думаю, такой будет разговор... Ну, что, я вам всем желаю удачи и счастья, а что касается здоровья - можете не волноваться. За ваше здоровье буду всю жизнь пить! Будьте здоровы!

ОДЕССИТЫ

Из объявлений в «Новом Русском Слове»:

Познакомлюсь с девушкой или женщиной с целью брака: Возраст и внешность значения не имеют. Только не из Одессы!

В Советском Союзе существовал и существует образ еврея, как нарицательный негативный персонаж и, заодно, источник всех бед. В Америке эмигрантам во всем обвинять евреев трудно (хотя и пытаются: «есть евреи, а есть жиды»), но нарицательный негативный персонаж нужен, и таким стал образ одессита. На самом деле, естественно, в Одессе ровно столько же идиотов, умных, жлобов и интеллигентов, как и в любом другом большом городе, но разница в том, что одесситы народ яркий, самобытный и характерный, поэтому все связанное с ними легко запоминается. К тому же одесситы рассматривают свой город (а в Америке весь Нью-Йоркский Брайтон), как общую коммунальную квартиру, где любое самое незначительное событие тут же становится народным достоянием. Если Зинаида Степановна разбила блюдце - Зинаида Степановна разбила блюдце. Если Сара Абрамовна разбила блюдце - эта новость тут же облетает весь квартал и достойна, как минимум, первой полосы в газете «Нью-Йорк Тайме». Если же Сара Абрамовна разбила чужое блюдце... И, я должен сказать, это прекрасно, что одесситы яркие и, как и все, не без недостатков. С ангелами хорошо общаться в домоуправлении (чего не случается), но жить с ними очень скучно.

У меня есть друг (не одессит) Володя Каширский. Когда я с ним только познакомился, я ужаснулся - умный, талантливый, щедрый, бескорыстный, всегда готовый помочь, приятный в общении - и ни одного видимого недостатка.Таким место только на иконе или в советском фильме «Секретарь обкома». К счастью, я скоро обнаружил, что Володя нервный. За рулем машины - это кипящий вулкан. Понятно, что в городе, на дорогах которого несколько миллионов машин, не каждый из садящихся за руль ездит идеально и неукоснительно соблюдает правила, но Володя не сомневается, что каждый водитель, оказавшийся с ним на дороге в одно и то же время - это часть общего заговора, направленного лично против него. Если даже водитель ему совершенно не мешает: не подрезает, резко перед ним не тормозит и т.п., а просто спокойно едет в параллельном ряду, Володя все равно поглядывает на него неприязненно и с недоверием, подозревая, что тот готовит ему особо изощренную

подлость.

Из всех знаменитых людей Володя мне больше всего напоминает Леонардо да Винчи. Он, правда, чуть хуже рисует, но не уступит по части изобретательства.

У Володи аллергия на табачный дым. К несчастью для него, практически все окружающие курят, и в первую очередь в собственном доме. Жена Люда могла бы курить на улице, но в многоквартирном доме это не так-то просто, и Люда курит около открытого окна на кухне. Эта полумера, однако не спасает Володино сверхчувствительное обоняние. Я присутствовал при такой сценке. Мы с Володей беседуем в гостиной. Володе не видно, но я со своего места вижу, что Люда села около окна на кухне и закурила сигарету. Через несколько секунд Володя поднимается с места, вынимает из кармана что-то типа пульверизатора, вроде того, в которых продают одеколон или лосьон после бритья, и, не прекращая светской беседы, направляется в кухню. Подходит к Люде и нажимает на кнопку. Из пульверизатора вырывается отнюдь не ароматическое облачко, а огромная струя белой пены, мгновенно покрывшая любимую жену, неподвижно застывшую в позе Аленушки с нелепо торчащей изо рта сигаретой, с головы до ног. После чего так же спокойно возвращается в гостиную. Оказывается, для борьбы с курильщиками Володя сконструировал портативный, но чрезвычайно эффективный огнетушитель.

Возвращаясь к одесситам, интересно заметить, что некоторые из них сами скептически относятся к своим бывшим согражданам.

Я сижу в кафе, и за соседним столиком какая-то дама патетически восклицает: «Из Винницы?! Да это же еще хуже Одессы»!

Учитывая, что интонация речи и пафос говорившей сделали бы честь любой торговке рыбой на Привозе, я не удержался и полюбопытствовал, откуда она сама.

Из Одессы.

Но как же, вы говорите...

Но я же говорю - это еще хуже Одессы.

Надо полагать, эта дама имела ввиду, что Одесса - кошмар, но во всех остальных местах значительно хуже.

Мила и Семен Кислин приехали в Америку из Одессы. Я ставил программу в ресторане-кабаре «Сокол» (ныне «Метрополь») и говорю Миле:

Мила, в эту субботу в ресторане праздничный вечер - встреча бывших одесситов. Приходите, у нас новая программа, будет весело. Мила подумала и ответила:

Мы придем, когда будет встреча таксистов. Из разговора на

Брайтоне:

- Ну, и как вам в Америке?

- Вообщем-то неплохо, но слишком много американцев.

Я пришел к выводу, что в Америке, если у тебя нет знакомого автомеханика, нужно или быть миллионером, или ездить на лошади. Если нет ни того, ни другого, ни третьего, но есть машина, то, по совету опытных людей, как минимум надо избегать механиков одесситов, которые не только ничего не сделают, но обманут, сдерут последнюю шкуру и еще заменят все хорошие детали на бракованные. У меня не было знакомого механика, и была машина, которая перестала заводиться и глохла на каждом светофоре. У итальянцев я поменял аккумулятор, у китайцев -стартер, у пуэрториканцев - проводку, индусы поставили мне новый генератор. Мой старый олдсмобиль по вложенным деньгам приблизился к стоимости коллекционного роллс-ройса, но продолжал глохнуть. В очередной раз она заглохла прямо около автомастерской на пересечении Кони-Айленд и Белт-Парквей. Вышел красивый элегантный человек в плане голливудского героя 60-х годов, сказал, что он хозяин, его зовут Леня и добавил, что он из Одессы. Я похолодел (одессит: заберет все деньги, хорошие детали заменит на брак и т.д.), а потом подумал: «Черт с ним! Пускай ставит еще одну батарею, меняет мотор, трансмиссию и задний мост, лишь бы этот металлолом завелся, и я добрался до дома». Леня открыл капот и сказал: « Так тебе надо ремень поменять». Поменял ремень и отказался взять деньги - работа меньше 10 долларов - оставив меня в полном недоумении: я-то приготовился оплатить ему остров в Греции. «Такого быть не может», - думаю,- «если он такой благородный, значит жена ведьма»,- и зашел в офис взглянуть на жену. Его жена Лора оказалась очаровательной молодой женщиной, вежливой, тонко реагирующей на шутку с прекрасной русской речью. « Все понятно - она явно столичная интеллигентка и благотворно на него влияет», - и поинтересовался, из какого она города, ожидая услышать если не Москву или Ленинград, то явно что-то между Средне-Русской Возвышенностью и Уралом. Оказалось, тоже одесситка.

В двух шагах от моего дома полдюжины автомастерских, а Ленина станция - в часе езды на другом конце города, но езжу я чинить машину только к нему и с огромным удовольствием общаюсь с этой обаятельной веселой, любящей жизнь парой во «внеслужебной» обстановке.

Одесский язык красочен, необычен и на первый взгляд кажется неправильным русским со странным порядком слов, но, приехав в Америку, я понял, что это не так. На самом деле

одесский язык - это буквальный перевод с английского, и меня удивляет, почему некоторые одесситы плохо говорят по-английски.

Я не знаю, или он дома (вместо «я не знаю, дома ли он) - don't know f he s home.

Не закройте дверей на кухню, кошка имеет пройти, чтоб вы знали -

Don't close the ktchen doors cat has to pass by you know

Я видел идти вашу мать - saw... нет, это уже, кажется, латынь.

Стиль общения одесситов также специфичен и построен на юморе.

Скажите, если я пойду по этой улице, тамбудет вокзал?

- Там будет вокзал, даже если вы не пойдете по этой улице.

На рынке:

Сколько вы хотите за ваш пиджак? 40 рублей.

- Вы сказали 40, подумали 30, так я вам дам 20, и дал ему 10.

Около неработающего фонтана:

Скажите, этот фонтан когда-нибудь бил?

- Этот фонтан бил, есть и будет. Два одессита:

Первый: - Собираюсь купить мотоцикл. Второй, скептически: - Зачем?

Хочу поездить, повидать свет.

Этот или тот?

В Москву приехал мой близкий друг одессит, с которым мы вместе были на фронте и прошли всю войну. Хотя я бывал в Одессе с концертами, он, по роду службы, как назло в это время оказывался в командировке, и мы не виделись более 20 лет. Мы оба страшно обрадовались встрече, он сказал, что может погостить несколько дней, распаковал чемодан, мы врезали по стопарю и пошли на футбольный матч «Спартак» Москва - «Черноморец» Одесса. «Спартак» выиграл 2:0. Вернувшись домой он собрал чемодан и молча направился к двери.

Лева! Ты куда, ты же сказал, что можешь задержаться в Москве на несколько дней! - Что, с таким осадком?!

Бывший официант одессит устроился на работу милиционером. Его спрашивают, как ему новая работа.

Ну, зарплата, конечно, поменьше, но вот что хорошо, так это то, что клиент всегда неправ.

В начале 20-го века в Одессе выстроили Торговый Зал. Выполняя поставленное условие, гениальный архитектор спроектировал это здание так, что находящиеся от тебя в 2-х метрах люди не могли услышать, о чем ты говоришь - для соблюдения коммерческой тайны. Но тут - революция, - коммерция, торговля - буржуазные пережитки, и Торговый Зал в

своем оригинальном назначении стал не нужен. Молодая Советская власть с присущим ей юмором переделала это абсолютно лишенное всякой акустики помещние в концертный зал.

Заканчивая главу об одесситах, я хочу вспомнить четверостишие Игоря Губермана:

Много сочной зарубежной русской прессы

Я читаю, наслаждаясь и дурея Можно вытравить еврея из Одессы Но не вытравить Одессы из еврея.

Новый год в Торонто

В декабре 1979 года меня пригласили выступить на Новом году в Торонто. 1000 долларов плюс проезд, гостиница и все расходы, что было очень кстати. Оказывается, в Торонто живет большое количество одесситов, которые, узнав, что приехал их любимый киногерой, захотели встретить Новый Год с ним.

По сравнению с Нью-Йорком Торонто чист до отвращения. Красавец город, но по ритму жизни напоминает Ново-Девичье кладбище. В зале было приблизительно 400 человек, хотя рассчитан он был на 300, но желающих попасть было намного больше, и отказать им было невозможно. Обстановка праздничная, настроение приподнятое, одеты одесситы, как лорды, чувствовалось, что они с нетерпением ждали встречи, и мой первый же выход на сцену сопровождался громом аплодисментов. Я произнес тост в честь уходящего Старого Года, пошутил, поздравил всех с наступающим Новым Годом, дал возможность выпить и закусить и в уже Новом 1980 году приготовился начать веселое новогоднее шоу. Я успел спеть один куплет с танцем, и на этом мое выступление прекратилось из-за неожиданно начавшейся массовой драки. Дрались по парам приблизительно 100 человек. Подручные предметы в ход не пускались, но по ожесточению чувствовалось, что правила поединка, как у викингов -голыми руками насмерть. Силы противоборствующих сторон были приблизительно равны, ярость и желание убить ближнего своего тоже, так что драка затягивалась. Когда я уже было подумал, что эта битва при Павии явно не кончится в ближайшее время, и я могу пойти спокойно сесть за стол и встретить Новый Год, на сцену поднялась симпатичная маленькая женщина, взяла микрофон и громко крикнула: - Еб вашу мать!

Услышав знакомые магические слова, одесситы прервали драку и прислушались.

- Козлы вонючие! Вы же просили, бляди, чтоб к вам приехал ваш любимец Буба Касторский. Буба Касторский рядом, какого ж хуя вам еще надо!

Одесситы слушали очень внимательно.

- Вы что, пидарасы, за год не надрались, обязательно сегодня надо?! Садитесь, еб вашу мать! - и все послушно сели.

Я заново спел куплеты, поздравил их от имени Брежнева и решил, что надо дать возможность потанцевать. Это была большая ошибка.

Как только орлы и соколы со своими дамами вышли на танцевальную площадку, которая ассоциировалась у них с полем брани, и встали друг напротив друга, тлеющие угли родовой вражды разгорелись вновь, дамы были вытолкнуты за пределы ринга, и пошла плясать.

Хотя та же женщина по-прежнему стояла около микрофона, чувствовалось, что на этот раз, волшебное заклинание не поможет, но тут кто-то крикнул:

- Полиция!

Надо сказать, что полиция в Канаде жесткая, политической корректностью не славится, поэтому драка тут же прекратилась, как по мановению волшебной палочки. Находившиеся рядом со столами сели и с увлечением начали показывать друг другу семейные фотографии, а не успевшие - перешли со своими противниками по ристалищу на менуэт. Поскольку Канада западная страна, вид танцующих друг с другом мужчин полицейских не удивил. Они обошли зал, убедились, что на столах нет бутылок со спиртным (в Канаде запрещено пить в общественных местах после часу ночи), которые мгновенно исчезли при их появлении, и удалились.

Я подумал, что сейчас как раз время для следующего номера, но маленькая женщина снова взяла микрофон и сказала:

- Ну что, бляди? Сейчас небось опять пойдете друг другу морду бить? Ну и хуй с вами! Пошли, Борис, - и увела меня к своему столику.

На следующий день мы встретились для продолжения праздника у нее дома. Присутствовала также большая группа вчерашних дерущихся. Все, как один, в больших черных очках, несмотря на пасмурную погоду, в пиджаках с наспех пришитыми лацканами и рукавами, в разных местах на лице обильное заимствование из косметичек жен пудры и крем-тона. Они благодарили меня за прекрасное выступление и просили как можно скорее приехать опять, скажем на 1-е Мая. Я с воодушевлением откликнулся на эту идею, но когда все казалось бы было уже на мази, хозяйка дома сказала: «Хуй вам, бляди. Не умеете себя вести, так хуй вам, а не Буба»!

К сожалению, «хуй вам»! косвенно относилось и ко мне. Для меня это означало «хуй вам еще 1000 долларов».

Москва

Мой близкий друг Эдуард Смольный уговаривал меня приехать в Россию, уверяя, что я въеду в Москву на белом коне. Пока там оставалась советская власть, я отказывался и говорил Смольному, что как бы этот белый конь не оказался черным вороном. После краха советской системы я трижды приезжал в Москву — в 1994, 1998 и 2000 годах. В мой первый приезд Москва оставила тягостное впечатление: ужасная грязь, запустение, хмурые лица, от которых я отвык в Америке. Мне сняли 2-комнатную квартиру, и как только открыли дверь, неизвестно откуда появилась здоровенная собака, заскочила в комнату и сильно там нагадила. "Вот так страна встречает своих героев", — вздохнул я.

В 1998 году я застал совершенно другую Москву — чистую и светлую, а в 2000 году был совершенно очарован городом: церквушки покрашены и выступили на первый план. Прекрасное освещение, в магазинах полно товаров и продуктов. Короче, первая фаза изобилия и благоденствия народа пройдена. Осталось пройти вторую фазу — чтобы народ это все мог купить. Но, надо сказать, мэр Москвы Лужков проделал огромную работу и превращает Москву в сказку. Даже в гнусные застойные годы люди в Москве и вообще в России одевались лучше, чем на Западе, а сейчас женщины одеты так, что ведущие западные фотомодели могли бы работать у них разве что посудомойками. Я долго хохотал, когда по телевидению показали демонстрацию жен шахтеров, протестующих против задержки выплаты зарплаты их мужьям. Ухоженные, с умелым использованием лучшей французской косметики, в великолепных дубленках и шубах, они мне напомнили демонстрацию голливудских звезд, протестующих против увеличения проездной платы в автобусах на 5 центов. Неужели для демонстрации нельзя было набрать пару десятков женщин, более подходящих по образу?

В Москве оставалось много моих близких друзей, и я был счастлив их вновь повидать.

Семья академика Лебедева была одной из самых дружных и веселых, которые мне приходилось видеть. Их дом в Киеве, а потом в Москве всегда был открыт для интересных и талантливых людей, в нем устраивались капустники и спектакли, в которых деятельное участие принимали сам Сергей Алексеевич, самый молодой академик Советского Союза, его жена Алиса Григорьевна, их дети и внуки. Сергей Алексеевич не был лишен тех милых чудачеств и оторванности от земной жизни ученых, над чем часто подшучивают. Он никогда не помнил, что нужно получить зарплату, и деньги вместо него получала Алиса

Григорьевна. Как-то Лебедев вспомнил, что сегодня день выдачи зарплаты и решил ее получить.

— А вы-то какое имеете к этому отношение? — с недоумение и даже с возмущением воскликнула кассирша. — Вас тут никто не знает, и подписи вашей не знают. Вот когда придет Алиса Григорьевна — тогда выдадим.

Сергей Алексеевич получал две зарплаты, как академик и член президиума, но этих денег все равно не хватало на всех нас юмористов. Ему должны были дать Сталинскую премию — большие по тем временам и очень нужные семье деньги — но Алиса Григорьевна была в отъезде, а Сергей Алексеевич в увлечении очередным проектом забыл заполнить и отослать в срок документы. Узнав об этом, Алиса Григорьевна дала такую телеграмму: "Понимаю. Обнимаю. Целую". , Прочитав заглавные буквы этого короткого послания, Сергей Алексеевич хохотал до слез.

Сергея Алексеевича и Алисы Григорьевны уже нет, но их дети — Сережа, Катя и Наташа с мужьями Игорем и Володей — а также внуки сохранили юмор и очарование семьи Лебедевых.

В Москве также живет их однофамилец мой друг Борис Лебедев. Огромный красивый добрый человек с ангельской улыбкой. Бывший мастер сцорта, он оставил большой спорт, но сохранил превосходную реакцию — никто в ресторане не успевает быстрее его влезть в карман, чтобы рассчитаться. Мою книгу "Я из Одессы, здрасьте" Борис покупал и дарил всем знакомым. Всю свою жизнь Лебедев жил не для себя, а для людей, и я счастлив, что вот уже много лет мы являемся друзьями, хотя по воле судьбы живем в разных странах.

Один из крайне негативных моментов в постсоветской России — трагическое положение пенсионеров и престарелых, которым и при Советской власти жилось не сладко. В Москве мне сообщили о введении новых льгот для пенсионеров — отныне им разрешено стоять под стрелой и подходить близко к краю платформы.

***

Вообще, старость — не самое лучшее время даже в такой стране, как Америка. В Америке созданы дома для престарелых с прекрасными условиями, питанием, комфортабельными комнатами, но в глазах у этих людей старческая грусть. В Москве я познакомился с совершенно необыкновенным человеком Виктором Митрофановичем, который вместе с хозяйкой Ниной Николаевной создали мини-пансионат для престарелых. Я выступал для них, они прекрасно реагировали и, что самое главное, и на что я обратил внимание, глаза у них веселые и полны жизни. Казалось бы, чисто бытовые условия у них не

лучше, чем в намного более богатой Америке, но здесь они окружены любовью, и это чувствуют. Живущая там поэтесса Ольга Косарева сказала мне, что здесь созданы все условия для творчества. Недавно она выпустила книгу стихов, одно из которых посвящено пансионату, а второе мне, которые я хочу здесь привести.

Большая Ордынка
Одиннадцать дробь шесть.
Тут я проживаю,
Прописана здесь.
Наш дом небольшой
всего три этажа.
Но нам здесь просторно,
И жизнь хороша.
Живут здесь
Состарившиеся москвичи,
Средь них журналистка,
Бухгалтер, врачи.
Они ветераны труда и войны.
Тут мало здоровых,
Почти все больны.
Врачам и сестричкам
Не ведом покой.
Тут лечат лекарством
И доброй душой.
Вкуснее обеды,
Чем в доме ином.
Мы нашему повару
Честь воздаем.
Помпезно встречают
Дни наших рождений.
Обилие яств
Приведет в изумленье.
Дорогие подарки,
Ни на день, а на век.
Остается тот праздник
В долгой памяти всех.
И я как жилица
В этом мини-раю
Для вашей газеты
Даю интервью.
И с подобной подачи
Лихой журналист
Напишет немало

Веселых страниц.
Он еще приукрасит,
И еще переврет.
И статье показухе
Не поверит народ.

Борису Сичкину

Я подарила книгу Вам –
В ответ от Вас обещано
Но я осталась не при чем,
Обиженная женщина.
Забыли Вы тот долг отдать,
Но все же очень хочется
О Вашей жизни все узнать,
Где главный принцип — творчество.
По кинолентам знаем Вас,
За то спасибо наше:
"Неуловимые " прошли,
Теперь Вы в бедной "Саше ".
Нет, все равно я буду ждать
Теперь уж по привычке.
Ведь старость надо уважать
Борис Михайлыч Сичкин.

Атмосфера веселья начинается уже на подходах к пансионату. На стене соседнего с ним дома огромными буквами красной ядовитой краской написано: "Хуй" и дальше "Хуй сотрешь". И действительно, видно, что пытались стереть, но отечественные химики знают свое дело, и ничего не вышло.

Как у Льва Николаевича Толстого, у Виктора Митрофановича во рту три зуба, но при этом прекрасная дикция, и каждый матюг прослушивается гениально. При этом совершенно потрясающей силы голос, которого не сыщешь ни в одном оперном театре. Виктор Митрофанович поехал на Ниагарский водопад и, стоя у парапета, за что-то начал отчитывать своего шофера. Стоявший неподалеку гид обратился по мегафону к туристам:

— Леди и джентльмены! Когда этот господин закончит говорить, вы сможете услышать шум Ниагарского водопада.

Пообщавшись с Виктором Митрофановичем, у меня создалось впечатление, что все свое время он тратит, чтобы заработать деньги и тут же начинает ломать себе голову, кому бы их отдать. В результате все раздает и остается без денег. Как и Борис Лебедев, он купил огромное количество моих книг и все их анонимно раздал людям, которые даже не подозревали, кто сделал им такой подарок.

У Виктора Митрофановича работает хороший молодой

парень Денис. Как-то Денис мне сказал, что если я выйду из пансионата, когда его не будет, то обратно не попаду, так что лучше не выходить. Это случайно услышал проходивший мимо Виктор Митрофанович.

— Ты это кому говоришь?! (пошел мат с волжским акцентом). Борису Михайловичу Сичкину?! (мат ближе к тюремному). Ты себе отдаешь отчет?! (просто мат, но в третьей октаве, когда улица тревожно замирает, не сомневаясь, что началось землетрясение, и они оказались в его эпицентре). Все, наглец, ты уволен!

Понял?! Вон отсюда, чтобы ноги твоей здесь больше не было! — и на том же дыхании:

— Ты обедал? Так какого же ты здесь стоишь? Немедленно иди ешь! Посмотри на себя: исхудал, лицо бледное. Тебе нужно хорошо питаться. И чтоб обязательно ел фрукты — учти, я проверю!

Мы сидим с Виктором Митрофановичем у входа в пансионат, рядом двое мужчин провожают взглядом прошедшую женщину.

Один: — Ты смотри, какая баба: ноги, фигура, упакована...

Второй, задумчиво: — Да, хорошая баба... А ведь кому-то она остоебенила.

Виктор Митрофанович курит, не переставая, но не пьет ни грамма и, чувствуется, в душе ненавидит пьющих. Тем не менее, у него всегда огромный выбор спиртных напитков, и он охотно всех угощает. Однако странное дело: кто бы сколько ни выпил, ни один у него ни разу не был не то что пьяным, но даже выпившим.

Я много раз присутствовал при том, как люди хвалились, что вот сейчас он выпил 800 грамм, и ни в одном глазу. В это время Виктор Митрофанович прикрывал глаза, и на лице у него появлялась загадочная улыбка Джоконды.

Невозможно перечислить всех друзей и прекрасных интересных людей, с которыми я встречался в Москве, о многих из них я рассказываю на страницах этой книги. В заключение хочу вспомнить один трагикомический эпизод. Я находился в Нью-Йорке, когда мне сообщили, что в Москве умер мой друг киноартист Владимир Ивашов. Я тут же позвонил его жене, известной киноактрисе Свете Светличной, как мог и, наверное, неуклюже попытался ее утешить, и позвонил снова после похорон, когда шли поминки. Я снова попытался выразить свои соболезнования, но тут трубку взял наш общий знакомый:

— Борис, не волнуйся — все прекрасно! Володю похоронили в Аллее Славы, ты понимаешь? Светлое место, солнечная сторона, справа (или слева) Высоцкий, так что лежит он, как никому не снилось! Причем очень хорошо, что это случилось именно сейчас.

Это же Аллея Славы, она не резиновая, а сейчас как раз было место. Это большая удача!

Меня часто спрашивают, когда я родился и где.

Я совершенно точно родился в двадцатом веке. Знаю где, но не знаю когда. Это радостное только для меня событие произошло в городе Киеве на Бибилковском бульваре, дом 52.

После моего рождения мама и папа забыли зарегистрировать меня в ЗАГСе. Отсюда я делаю логический вывод, что, будучи седьмым ребенком, я не произвел фурора и был для них, как цветок в проруби. Разве могли тогда озабоченные родители догадаться, что пройдет немного времени, и их сын, Борис Сичкин, напишет книгу, которая станет настольной, как для евреев, так и для антисемитов. Когда я начал подрастать, у меня появилось естественное желание узнать мой год, месяц и день рождения. Не могу же я весь год пить за свой день рождения. Я пришел к выводу, что если мой отец был сапожником и в состоянии был прокормить семью из девяти человек, то это могло быть только при НЭПе (новая экономическая политика). Следовательно, я родился во время НЭПа. Учитывая, что мое рождение не вызвало в сердцах близких восторга, я начал вспоминать, какие неприятности были в то время. И вспомнил — в 1922 году в стране был голод. Из этого я делаю логический вывод, что я родился в 1922 году. Мне могут задать вопрос: «А как же увязывается изобилие во время НЭПа с голодом?!». Отвечаю вопросом: «А как же увязывается голод на Украине в 1933 году, когда вся остальная страна жила прекрасно?». Советская власть — самая игривая власть в мире, за голодом остановки не будет. Еще мой коллега по перу Вильям Шекспир писал: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Центральном Комитете».

Итак, год рождения я уточнил — 1922. Осталось выяснить месяц и день. Я влез с головой в гороскоп и начал соображать. Январь месяц — Козерог. Что общего у меня с козерогом? Январь отпал. Февраль — Водолей. В Союзе я в буфетах всегда пил водку, смешанную с водой. Устал я от воды, я даже спирт не размешивал с водой. Февраль — Водолей исключается. Март — Рыба, к рыбам у меня какая-то жалость. Кроме этого, я никогда ни у кого не был на крючке. Апрель — Овен. Овен — это овца. Да что вы, смеетесь, овечку нашли. Май — Телец. Я не люблю доить, и меня не подоишь. Июнь — Близнецы. Я не против двоих, считаю, что это делать надо, но с промежутком во времени. Июль — Рак. Я никогда в своей жизни не полз назад, а всю жизнь вместе со всей страной шел только вперед! Август — Лев. Лев — это другое дело, и внешне я похож на него, и по внутренним качествам.

Кроме того Лев — это август, родители мои — одесситы, следовательно, люди мыслящие, им, конечно, было удобней, чтобы их сын родился в эту пору, когда все овощи и фрукты есть и стоят вдвое дешевле. Но мне могут опять задать вопрос: «Как это можно так точно рассчитать?». Честно говоря, я устал от этих вопросов, но, тем не менее, отвечу: «Если бы мои родители не могли решить такой пустяк, то какие же они одесситы?».

Что касается дня моего рождения, то тут было просто. Мой сын Емельян родился 14 августа, этот день мы широко отмечаем, а на следующий день идет похмелка, и я тут, как тут.

Я хочу поблагодарить всех, кто создал условия для написания книги. Я благодарен Богу за то, что он дал мне чувство юмора и оптимизма, я благодарен маме и папе за тяжелое детство, я благодарен Московскому ОБХСС и Тамбовской прокуратуре за сфабрикованное уголовное дело, которое расследовалось семь лет, из которых я без всякой причины просидел в Тамбовской тюрьме один год и две недели, я благодарен Адольфу Гитлеру за развязывание и проигрыш Отечественной войны, я благодарен Сталину за счастливое детство, я благодарен начальнику Московского ОВИРа за то, что он дал мне возможность в 1979 году покинуть любимую родину.

Говорят, рассеянность — это сверхсосредоточение. Дирижер Натан Рахлин перед тем, как сесть в трамвай, всегда снимал галоши. Он был настолько сосредоточен, что трамвай у него ассоциировался с собственным домом. У него пол зарплаты уходило на галоши.

Натан Рахлин был рассеянным, а вот у артиста Москонцерта Александра Вернера был склероз, но какой! Я говорю Александру Вернеру:

— А что, если назвать программу «Когда зажгутся фонари?»

Проходит ровно две минуты и Александр Вернер подзывает меня и говорит:

— Борис, я сейчас подумал и, по-моему, придумал название для новой эстрадной программы — «Когда зажгутся фонари». А?.. Вот так я всегда. Когда надо, я сосредоточусь и обязательно найду изюминку. Ну, как вам нравится?

— Очень нравится, — отвечаю я.

И так всегда. Он убежден, родной маразматик, что именно он это придумал. И так много лет. И не надо пытаться его переубеждать.

Эдуард Смольный обладает гениальной памятью, но если он услышит какой-нибудь интересный рассказ, то со временем начнет рассказывать это в присутствии человека, который это рассказывал. Он рассказывает и верит, что это произошло с ним.

У меня в Союзе есть товарищ, который обладает огромным количеством достоинств: он талантлив, с большим чувством юмора, умный, щедрый и т.д. Но у него есть один недостаток. Он в обществе должен быть номер один, и если на кого-нибудь обращают больше внимания, чем на него, то он делается грустным и ужасно серьезным. Во время застолья люди хотят веселиться, и тот, кто рассказывает смешные истории, анекдоты, острит, тот и является душой застолья. Мой товарищ этого очень не любит, и всегда в таких случаях поднимает бокал и произносит такой тост (так как я слышал этот тост много раз, то воспроизвожу его слово в слово):

«Друзья мои, как-то моя мать сказала мне: «В эту ночь мне приснились крысы, я чувствую, что что-то с отцом произошло». Отец мой сидел в это время в ГУЛАГе. Мы поехали с матерью в Сибирь к отцу. С трудом добрались до его лагеря и узнали, что отец погиб. (Пауза). Так вот, я всегда вспоминаю слова своего отца, который мне говорил: «Слушай сынок, если у человека есть четыре друга, которые могут поднять его гроб, когда он умрет, и вынести его ногами вперед, то он — самый счастливый человек. У меня есть такие четыре друга, которые вынесут мой гроб ногами вперед, когда я умру». Так вот, друзья мои, давайте выпьем этот бокал за то, чтобы у нас нашлось при жизни четыре друга, которые поднимут наш гроб, когда мы умрем, и вынесут нас ногами вперед. За дружбу!»

После этого тоста веселье всегда заканчивалось, и люди продолжали пить, но уже просто, чтоб забыться. Его тост всегда срабатывал точно. На этом вечер кончался. Он добивался своей цели, ничего не скажешь, мастер по уничтожению веселья.

Эдуарду Смольному очень понравился его серьезный осмысленный тост, и он тут же взял его на вооружение. В ресторане «Арагви», когда мы праздновали его день рождения, Эдик произнес этот философский тост в присутствии его создателя:

— Дорогие друзья, — начал Смольный, — как-то моя мама позвала меня к себе в комнату и сказала:

«Эдик, мне в эту ночь приснились две огромные крысы, боюсь, что с папой что-то случилось.

Создатель этого тоста в недоумении посмотрел на меня, а я с улыбкой на него.

— Мы собрались, — повествовал дальше Эдик, — и поехали к нему в Сибирь, где он сидел. (Папа его в это время отдыхал в Крыму. Взял и одним махом сделал из своего отца политкаторжанина).

Дальше пошли четыре друга, гроб, ноги впереди, «Кто там

шагает правой? Левой, левой!» и концовка:

— Друзья мои, я самый счастливый человек на свете, у меня есть четыре друга, которые поднимут мой гроб и вынесут меня ногами вперед — это Борис Сичкин, Толя Черейкин, Эдик Кеосян и Толя Григорьев. Они пойдут за моим гробом.

Дальше следовало поднять бокал и произнести тост за дружбу, но ничего у Эдика не вышло. Его жена Света рассвирепела и сказала Смольному:

— Так что, я, по-твоему, не пойду за твоим гробом?!! Оказывается, у тебя есть четыре друга, и ты счастлив, а я что, говно собачье?!

— Светочка, родная, что ты горячишься, — успокаивал ее Смольный, — я же говорил образно.

— Пошел бы ты со своими образами... Смольный, в отличие от создателя этого тоста,

вечер не сорвал. Я бы сказал, что мы давно так не смеялись. В этом черном юморе было много светлого.

***

К знаменитому драматургу Ионе Пруту обратился за советом его друг журналист:

— Я сейчас был на китобойном судне «Слава» и пишу очерк. Какое бы придумать броское доходчивое название?

— Напиши: «Бей китов, спасай Россию!»

***

В Москонцерте был художественный руководитель оригинального жанра Лаврентьев. К нему обращается артист:

— Сергей Федорович, вы же обещали к Новому году сделать костюмы, реквизит...

— Ты знаешь, ты потерпи еще немножко, ладно? Может еще увольнять тебя будем.

***

Ему же принадлежит крылатая фраза: «Люди уже на Маркс летают, а вы все три шарика бросаете».

***

Фаина Раневская

Великая актриса Фаина Георгиевна Раневская, как и многие другие гениальные люди, родилась не в той стране и не в то время. Несмотря на псевдоним, всем было известно, что она еврейка, а для России антисемитизм всегда был привычным состоянием души. Во время очередного разгула антисемитизма Смирнов-Сокольский отменил гастроли. Я спросил:

— Николай Павлович, но вы ведь чистокровно русский. К вам это какое имеет отношение?

— Боренька, для них еврей — это тот, у кого чистая рубашка,

а у меня рубашка всегда чистая, — ответил Николай Павлович.

В Советском Союзе нельзя было получить звание или награду за гениально сыгранную отрицательную роль. Тупое советское правительство вознаграждало только положительные ходульные роли в номенклатурных фильмах. Единственное исключение — актер Савельев, сыгравший Гитлера в фильме «Падение Берлина» — но это и все. Сыграв отрицательную, а не дай Бог, антисоветскую роль, актер автоматически становился отрицательным советским человеком. У Фаины Раневской не было определенного амплуа — комедийная актриса, трагедийная, эксцентрическая — она все играла блистательно, но роли ее, в основном, были характерные. Когда Вере Марецкой дали звание героя Социалистического труда, Раневская, признавая несомненные заслуги Марецкой, все же заметила:

— Мне бы это звание не дали, даже если бы я сыграла Чапаева.

Раневская играла, практически, только эпизодические роли в кинофильмах, но, как правило, этот эпизод был ярче всего фильма. Все помнят ее «Муля, не нервируй меня», в кинофильме «Пархоменко» у нее двухминутный эпизод пианистки в кабаке, но сейчас я могу вспомнить только этот эпизод из всего фильма и т.д.

Независимая, самостоятельная и гениальная Раневская с трудом уживалась с бездарями и коньюктурщиками, и ее воспоминания о работе в театре полны горечи и присущего ей юмора.

«Захожу в театр, как в мусоропровод. Ни одного честного слова, грязь, фальшь и лицемерие. Подвальный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире».

***

«Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия».

Боже мой, как я стара - порядочных людей».

***

Острая на язык, не выбиравшая выражений Раневская, оставила по себе память не только, как гениальная актриса, но и искрометными репликами и репризами.

***

Актер говорит Раневской:

— Я собираюсь вступить в партию. К кому мне обратиться?

Раневская:

— К психиатру.

***

Приходящим к ней гостям Фаина Георгиевна говорила:

— Пойдемте, я вам покажу фотографии неизвестных народных артистов СССР.

***

Актриса спросила Раневскую, какие груди сейчас в моде.

— Маленькие.

— А что делать тем, у кого большие?

— Донашивать.

***

— Фаина Георгиевна, у меня все время звенит в ухе.

— А вы не отвечайте.

***

Раневская изобрела новое средство от бессонницы:

— Надо считать до трех. Максимум, до полчетвертого.

*** Актриса:

— Фаина Георгиевна, как вы думаете, из меня получится фотомодель?

— Нет, дорогая, только фоторобот.

***

«Что такое здоровье?» Здоровье — это когда у вас каждый день болит в другом месте.

***

— В вашем ресторане очень много мух, — сказала Раневская официанту, — пока мы сидели, я убила трех самцов и пять самок.

— Как вы определили?

— Три сидели на пивной бутылке, а остальные на зеркале.

***

«На человека влияет среда и остальные дни недели».

***

Разошлась театральная пара. У Раневской спросили, что она думает о причинах развода.

— У них были разные вкусы: она любила мужчин, а он — женщин.

*** Официант на банкете:

— А сейчас наше фирменное блюдо — поросенок с хреном.

Раневская:

— Нет уж, пожалуйста, хрен отрежьте. 334

***

Знакомый после операции говорит Раневской, что врачи запретили ему пить, курить, есть жареное, острое и жирное, но не сказали, можно ли ему заниматься сексом.

Раневская:

— Я думаю — можно... но только с женой: вам вредно возбуждаться.

***

Знакомая говорит Раневской:

— Я вчера была в гостях у В. и пела для них 2 часа.

— Правильно сделали. Я их тоже терпеть не могу.

***

Раневской сказали, что власти хотят ввести налог на проституцию. Раневская:

— Безобразие! Как можно вводить налог на предмет первой необходимости?

***

Раневская объясняет ребенку, чем сказка отличается от реальной жизни:

— В сказке — женился на лягушке, а она оказалась царевной. А в реальной жизни — это когда наоборот.

***

Раневская приглашает в гости и добавляет, что звонок не работает:

— Как придете — стучите ногами.

— Ну зачем же ногами, Фаина Георгиевна?

— Но вы же не с пустыми руками собираетесь приходить.

***

В свое время Фаина Георгиевна делила квартиру с супружеской парой актеров, у которых был маленький сын. Ночью ребенок заплакал, и муж сказал:

— Может быть, я ему что-нибудь спою? Раневская:

— Ну зачем же сразу так. Попробуйте сначала по хорошему.

***

Пожилой актер жаловался Раневской, что он кашляет.

Раневская:

— Сколько вам лет?

— 70.

— В двадцать лет вы кашляли?

— Нет.

— А в тридцать?

— Тоже нет.

— Может в 40?

— Ив сорок не кашлял.

— Так когда же вам кашлять, если не сейчас.

***

Александр Шуров

На эстраде успешно выступал музыкально-сатирический дуэт Шуров и Рыкунин. Старший по возрасту Шуров был прекрасным артистом, добрым и обаятельным человеком, но при этом отличался редкой наивностью и поцоватостью. Сам Шуров с гордостью рассказывал:

— Николай Павлович Смирнов-Сокольский часто мне говорил: «Ты, Шуров, полный идиот. Ты не можешь быть евреем: среди евреев встречаются идиоты, но таких, как ты — нет. Ты редкостный, уникальный идиот». И это говорил не кто-нибудь, а сам Смирнов-Сокольский, библиофил, признанный вождь эстрады, — с восхищением добавлял Шуров и без конца повторял эту историю всем снова и снова.

За свою долгую жизнь Шуров не прочел ни одной книги и прекрасно себя чувствовал. Однажды в поездке он зашел в номер к Рыкунину весь в слезах.

— Александр Израелич (Шурову было под 60), что с вами?

— Я сейчас читал книгу «Хижина дяди Тома». Какая вещь! Коля, надо читать!

Свои решения Шуров менял в течение одной секунды. Мы выехали в гастрольную поездку на три месяца. Приблизительно через месяц Шуров ко мне подходит (в той поездке я был бригадиром) и говорит:

— Борис, я хочу закончить гастроли и уехать в Москву. Там жена Нина, я очень скучаю, и она тоже звонила и говорила, что скучает, и я ей нужен.

— Хорошо, Александр Израелич, на когда вам взять билет?

— Что значит — мне? А остальная группа?

— Ну, мы останемся и продолжим гастроли.

— А почему я не могу остаться? Я тоже хочу продолжить гастроли.

— Александр Израелич, вы, конечно, можете остаться, но в Москве жена Нина, она скучает...

— Ничего, отдохнет!

И так несколько раз за поездку.

Как и во многих эстрадных дуэтах между Шуровым и Рыкуниным порой возникали трения. Во время гастролей по Дальнему Востоку у нас был концерт на Камчатке, и добираться туда надо было морем. Разыгрался нешуточный шторм, старенький буксир переваливался с бока на бок и с носа на корму, вся группа была зеленая и блевала не переставая. Наконец, спустя примерно час, показались огни поселка, и на изможденных лицах появилось облегчение от надежды скорого избавления от пытки.

— Ой-ой-ой, — неожиданно сказал Шуров. — Надо возвращаться. Я забыл все вещи на пристани. Весь реквизит, костюмы и ноты.

— Не надо!!! — раздался всеобщий вопль, — Черте ними!!!

Неожиданно вступил Рыкунин, страдавший не меньше остальных.

— Нет, что значит — конечно надо вернуться, — сказал он

спокойным рассудительным тоном. — Все-таки вещи, реквизит, в конце концов, их же могут и украсть.

— А что, — спросил я, — вы не можете сегодня выступить без них?

— Нет, мы, конечно, можем, — по-прежнему спокойно ответил Рыкунин и неожиданно сорвался на визг:

— Но я хочу, чтобы все знали, с кем мне приходится работать, и как я мучаюсь!

Шуров мне сообщил, что тромбониста из их оркестра не взяли в армию по болезни.

— Это же молодой здоровенный жлоб. Какая у него может быть болезнь?

Я: — У него нашли общую поцоватость организма плюс электрификацию всей страны.

Шуров сосредоточился на второй половине фразы.

— Про электрификацию — это Ленин сказал?

— Да, он.

— Ты знаешь, Борис, все-таки Ленин был очень умный чувак, — не к месту перешел на лабушский жаргон Шуров.

Я: — Да, чувак толковый, но и чувиха у него была сообразительная.

— Какая чувиха?

— Надежда Крупская.

— А... А почему она в него стреляла?

— Приревновала к Фане Каплан.

— Хер их разберешь, политика — это бардак, хотя, конечно, не такой бардак, как у нас в Мосэстраде.

Я спросил Шурова:

— Александр Израелич, говорят, вы сентиментальный человек, плачете в театре...

— Я никогда не плачу в театре, плачу я только в кино.

— Естественно, если сюжет...

— Нет, мне все равно. Как только в зале гаснет свет, я вспоминаю свою жизнь и начинаю рыдать, а на экран я не смотрю.

В 1979 году я покинул родную любимую родину и приехал в Америку. Перед Новым годом купил газету на русском языке и прочел объявление: «Похоронное бюро Петра Ерема поздравляет всех своих клиентов с Новым годом!» Сразу стало хорошо на душе. Тебя помнят, поздравляют и с нетерпением ждут. В этой газете была еще одна симпатичная реклама: «На еврейском кладбище есть места. Иммигрантам скидка». Я подумал — слава Богу, приехал вовремя. Места есть и за небольшие деньги можно быть в полном порядке.

***

Все профессиональные артисты перед выходом на сцену волнуются. Кто больше, кто меньше. Выступая для студентов в Москве на Ленинских горах великая артистка Клавдия Ивановна Шульженко перед выходом на сцену дала мне свою руку. Рука была, как лед и вся тряслась. Она сказала: "Я 25 лет работаю на сцене, и перед выходом я всегда так волнуюсь". Вывести артиста из равновесия ничего не стоит. Перед выходом на сцену не надо его ни о чем предупреждать, потому что он обязательно все перепутает. В новогоднем концерте я выступал в качестве конферансье. Ко мне обратился певец Александр Тихонов с просьбой, чтобы я его правльно объявил и не перепутал его фамилию, так как в первом ряду сидит его невеста, а на прошлом концерте конферансье все перепутал. Александр Тихонов был великолепным певцом и очень приятным человеком, и я на пафосе его объявил.

— Дорогие друзья! вас ждет приятный сюрприз

— перед вами выступит любимец публики, Заслуженный артист РСФСР, Лауреат всесоюзного конкурса артистов эстрады, солист радио и телевидения

— Александра Тихоновна! — обомлел, осознав, что я сказал и, взглянув за кулисы, увидел его плачущим. Он вышел на сцену и, заикаясь, проговорил: "Невеста в первом ряду"...

Со мной это случилось впервые. Я был в ужасе.

***

В Москонцерте работал чтец, который отравлял жизнь всем выступающим. Он сообщал, что в зале сидит журналист из газеты «Правда», который будет писать рецензию. Жонглер ронял палочки и шары акробаты срывались с трюков, певец давал «петуха», артисты разговорного жанра забывали тексты. Он наслаждался, видя эти провалы. Я мечтал ему отомстить за всех пострадавших. В новогоднем концерте перед выходом на сцену этот чтец переодел туфли, и свои носки повесил на перекладину стула. У меня с партнершей был номер «Рабочие сцены». Мы все отделение двигали рояль, выносили и убирали реквизит, открывали и закрывали занавес — в конце отделения зритель уже не сомневался, что мы рабочие сцены, и наш номер был построен на том, что якобы не приехали артисты и мы их заменили. Чтецу нужен был для номера стул. Я вынес стул с его носками. Он их не видел, но зрители сразу обратили внимание на носки, и это их развеселило. Он начал читать монолог Гамлета «Быть, или не быть, вот в чем вопрос»... Хохот нарастал, но он ничего понять не мог, и решил прочесть монолог Отелло. «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Зал взрывался от хохота и кричал: «Молилась». Чтец

в панике про себя матюкался, хохот в зале усилился.

Ни с того, ни с сего он вдруг перескочил на монолог Арбенина из «Маскарада».

«Послушай, Нина, я смешон, конечно. Тем, что люблю тебя так сильно бесконечно».

Все бросали ему реплики под громовой хохот. Чтец скрипел зубами и внятно ругался. Он обезумел и внезапно перешел на монолог Чацкого: "Вон из Москвы, сюда я больше не ездок..." Из зала ему пожелали счастливого пути. Он был разъярен, как тигр, бросая злые взгляды в зрительный зал, и внятно слышался мат. Зал устроил ему бурную овацию. Во избежание неприятностей я после его номера ушел. Через месяц он меня встретил. Я был готов ко всему, но он улыбнулся, протянул мне руку и сказал: "Спасибо тебе, Борис, за новогодний подарок. Сейчас я нарасхват — по два, три концерта в день. Вот что сделали носки. До носков было не более 5 концертов в месяц, а сейчас 3 в день.

***

На новогоднем концерте в воинской части солдаты хохотали до слез. Сидевший в первом ряду генерал встал и крикнул на весь зал: "Прекратите смеяться — вы мешаете артисту".

Дисциплинированные солдаты замолкли, и на все репризы, где должны были смеяться зрители, смеялся один человек — я.

***

Новогодний концерт для глухонемых. Концерт был составлен в основном из зрительных номеров. Администратор забыла включить в эту программу аккомпаниатора. Жонглер Сергей Савельев сказал, что они все равно не слышат и сел вместо аккомпаниатора.

На следующий день директор Москонцерта получил жалобу.

— Это был не концерт, а какой-то балаган. У рояля сидел клоун-хулиган и барабанил на нем черти что. Москонцерт сорвал нам новогоднее мероприятие.

Концерт, оказывается, предназначался для обслуживающего персонала глухонемых.

Новогодние шутки

В театре имени Гоголя состоялся концерт в честь Нового года. Выступали все со званием: заслуженные, народные, лауреаты, а когда меня спросили какое у меня звание, я решил пошутить и сказал ведущей концерта: «Объявите меня так — выступает участник Ашхабадского землетрясения Борис Сичкин». Я не сомневался, что зрители поймут мой тонкий французский юмор, но не тут-то было. Всю ночь ко мне приставали, чтобы я им подробно рассказал о землетрясении. Это была кошмарная новогодняя ночь.

***

Савелий Крамаров

Без преувеличения можно сказать, что в бывшем Советском Союзе Савелий Крамаров был самым популярным артистом. Стоило ему выйти на улицу, его тут же узнавали (его нельзя было не узнать), и за ним шла толпа поклонников. Про знаменитых людей часто рассказывают всевозможные истории, обычно негативного характера, не имеющие никакого отношения к действительности. Основываясь на некоторых кинообразах, о Савелии говорили, что он алкаш, тупой и многое другое. Когда он подал заявление об отъезде, остряки изощрялись: "Он всегда косил на Запад", "утечка мозгов" и т.п. Сам Савелий, выступая на эстраде, шутил по поводу своей внешности:

— Когда я был в армии, — рассказывал Савелий, — старшина проводил занятия с противогазом.

Старшина: — Одеть противогаз! Снять противогаз! Одеть противогаз! Снять противогаз! Рядовой Крамаров, была команда, снять противогаз! — это что, вас не касается?

Крамаров: — Товарищ старшина, но я его давно снял.

Если Савелия спрашивали, пьет ли он, Савелий отвечал: "Нет, это у меня лицо такое". От многих людей мне приходилось слышать истории, в которых они с Крамаровым гудели по черному, а потом его в дымину пьяного на плечах тащили домой. Хочу довести до сведения господ алкоголиков, что Савелий Крамаров никогда не пил, не курил и, хотя и любил поесть, но с детства был кошерным. Что касается тупости, то я его знал, когда он еще не был артистом, и мне с ним всегда было весело и интересно. Помимо острого ума, это был человек с большим чувством юмора, и те, кто его не знал, сильно ошибались, судя о Савелии по его внешности. Когда Савелия не стало, Юрий Дружников, назвавший себя его другом, написал, что Крамаров был безграмотным и ничего не читал. Каким же надо быть "другом", чтобы про покойника нести такую чушь. Из 50-ти фильмов, в которых снялся Крамаров, больше половины были поставлены по произведениям классиков, и их надо было не просто прочитать, но и выучить наизусть. Но Бог с ними, с этими злопыхателями — к сожалению, многие из них думают, что, пытаясь принизить талантливого человека, они тем самым поднимаются до его уровня.

Помимо необычной фактуры, что, безусловно, для кино очень важно, у Савелия было одно ценнейшее качество — внутреннее обаяние, и как только он появлялся на экране, весь зрительный зал улыбался не только потому, что он был внешне смешным, но и потому, что его обаяние вызывало у зрителя добрую улыбку. От

обывателя часто можно услышать, что такой-то актер играет самого себя. На самом деле это полнейший бред! Плохой актер не то что не может играть самого себя, он и по сцене-то ходить не умеет, на стуле сидит неестественно, и речь фальшивая. Один режиссер как-то ответил бездарному актеру, спросившему, как он сыграл очередную сцену: "Вы, голубчик, не играли, а фотографировались. Кстати, неважно". Вот и о Савелии мне приходилось слышать, что он плохой актер, выезжающий на своей фактуре, а что до мастерства, то что ж — он играет самого себя. Все с точностью до наоборот! Именно благодаря таланту, непьющий, некурящий, умный и интеллигентный Крамаров создал на экране запоминающиеся образы пьяниц, хулиганов и глуповатых недотеп. Казалось бы, проходная фраза в "Неуловимых мстителях" "...а вдоль дороги покойники с косами стоят. И тишина" не просто запомнилась зрителям, а буквально вошла в фольклор только потому, что она была талантливо сыграна.

Всех интересует, почему Крамаров, будучи популярным, любимым артистом, бросил все — своих поклонников, родной язык, квартиру, благополучие, любимую профессию — и уехал в Америку без языка и без денег. Это, действительно, трудно понять, если не знать Крамарова. Дело в том, что Савелий всегда был набожным и старался соблюдать все правила еврейской религии, что, как вы понимаете, в Советском Союзе было очень сложно. Все были уверены, что Крамаров русский, тогда как на самом деле он был чистокровный еврей, и каждый раз, выступая на гастролях, пытался договориться с администратором, что он в субботу не будет выступать, но всегда безрезультатно. Действительно, суббота для концертов — самый ходовой день, и попробуйте представить себе выражение лица секретаря обкома, если бы администратор ему сказал, что концерт отменяется, потому что в субботу артист Крамаров работать не должен, а должен идти в синагогу и молиться. Вторая причина, как мне кажется, творческая: каждому артисту хочется попробовать себя в Голливуде. Увы, вероятно, из-за недостаточного знания языка (хотя он сыграл во многих эпизодах, и все помнят его в фильме "Москва на Гудзоне") свою коронную роль комедийного плана ему сыграть так и не удалось. Надо сказать, что Савелий никогда не унывал, и к числу его достоинств можно отнести не только то, что он был остроумным собеседником, но и благодарным слушателем, тонко понимавшим юмор. Когда я написал книгу "Я из Одессы, здрасьте", Савелий прислал мне чек и попросил срочно ее выслать. Я ему незамедлительно отправил книгу и его чек. Спустя несколько дней Савелий позвонил мне в Нью-Йорк и

сообщил, что я сделал большую гадость:

— Я всегда перед сном читаю 10-15 минут и засыпаю. В Голливуде у меня должна была быть кинопроба и меня предупредили, что я должен выглядеть как можно лучше. Я взял твою книгу и начал ее читать в расчете, что как обычно минут через 15 усну, но не тут-то было — я начал ее читать, потом разбудил жену, дочку, соседей, и под громкий хохот читал им до семи утра. В результате на кинопробе, где я должен был выглядеть, как молодой Ален Делон, я выглядел, как Джамбул в гробу, и, конечно, провалился. Но я все равно счастлив, что у меня есть твоя книга, и считаю, что ее надо продавать в аптеке в отделе витаминов. Высылаю чек на вторую книгу.

К сожалению, вторую книгу он не прочтет, и очень жаль. Жаль, когда уходят из жизни веселые люди. Я сам веселый человек, нас с Савелием всегда роднило чувство юмора. Не знаю его родословной: он говорил, что его дядя живет в Израиле, но я тоже выехал по вызову от дяди в Израиле. Может быть, где-то есть общий еврейский дядя, который мечтает, чтобы все его веселые племянники выехали из Советского Союза? Савелий часто вспоминал, как я его разыгрывал, когда мы вместе снимались в кино. В фильме "Золотые рога" мы играли разбойников, пели и танцевали. Я ему сообщил, что специально для нас придумали трюк: он на горе, его сталкивают, он летит вниз, а внизу я его ловлю, и мы вместе танцуем. Показал ему гору — отвесную скалу метров 10. Савелий побледнел и сказал:

— Зачем это нужно? Пусть сделают подмену с трюкачом.

— Подмены быть не может. Тебя будут снимать крупным планом во время всего полета в расчете на твою выразительность. Не волнуйся, на всякий случай будет дежурить "Скорая помощь".

При слове "Скорая помощь" Савелий побледнел еще сильнее, и у него начало подергиваться левое веко.

— Савелий, что ты нервничаешь? По статистике, даже просто падение с десятиметровой высоты редко приводит к летальному исходу, максимум, к множественным переломам, а тут я тебя буду ловить...

Крамаров в ужасе подбежал к режиссеру Александру Роу и запротестовал:

— Я артист, а не каскадер! Почему я должен прыгать со скалы? Надо — возьмите трюкача и сделайте комбинированную съемку.

Роу, в полном недоумении:

— Савелий, о чем ты говоришь, какая скала?

— Вы представляете, чем это может кончиться?

— Что кончиться?

— Я кончусь. Не зря вы вызвали "Скорую помощь".

— Зачем нужна "Скорая помощь"?

— Для лечения множественных переломов. В это время я вступаю в разговор.

— Александр Артурович, Савелий меня не дослушал — я ему начал рассказывать, что есть интересный трюк, когда он прыгает со скалы, а я его ловлю.

— А зачем это нужно?

— В то-то все и дело: я не успел ему сказать, что это никому не нужно, и трюк сниматься не будет.

Роу расхохотался, а Савелий нервно сглотнул и, все еще не смея поверить своему счастью, начал хохотать только на следующий день.

Единственный правдивый рассказ о Крамарове это то, что, приехав в Америку, он сделал пластическую операцию, чтобы не косить. Я, увидев Савелия в Лос-Анджелесе и не обнаружив никакой разницы, спросил, правда ли это. Савелий, понося хирурга последними словами, сказал, что он заплатил большие деньги, а в результате после операции стал косить еще больше.

— Так ты должен этому хирургу поставить памятник при жизни, — сказал я. — Тебе невероятно повезло, что у него ничего не получилось. Вспомни актера Кмита, который сыграл Петьку в фильме "Чапаев". У него был задорный курносый нос, который ему надоел, он сделал операцию и получил совершенный римский профиль. На этом его кинокарьера кончилась. Как ты не понимаешь, что твои косые глаза и нос картошкой придают тебе твой шарм, обаяние, и тебя за это любит зритель. Ты своим видом покорил жену, которая младше тебя на всю жизнь, а вот если бы ты выпрямил глаза и сузил нос, на тебя не то что твоя жена, но и мать Квазимоды не посмотрела бы, не говоря о кино. Почему ты вообще решил попробовать сделать эту глупость?

— Ты понимаешь, — начал рассказывать Савелий, — как-то по приезде в Америку я вышел вечером подышать свежим воздухом. Хотел узнать, который час, а часы оставил дома. Вижу, стоит на углу интеллигентный пожилой человек. Я к нему подошел и на своем английском спросил, который час. Он вытаращил глаза, снял часы, вытащил портмоне, все это отдал мне и улетел со скоростью света. Каким же я ему показался страшным! И вот я решил сделать пластическую операцию.

— Савелий, ты не понимаешь своего счастья! Приезжай в Нью-Йорк, я тебя усыновлю; все, что тебе надо будет делать, это по вечерам выходить спрашивать, который час, и мы будем материально упакованы. Нью-Йорк — прекрасное место для подобной работы.

Савелий расхохотался и больше не помышлял об операции.

В 1995 году Савелия не стало. Гениальный художник Михаил Шемякин решил бесплатно сделать Савелию Крамарову памятник. Многие популярные артисты, и я в том числе, выступили на концерте под эгидой газеты "Панорама" и ее редактора,

очаровательного Александра Половца, чтобы помочь с покрытием расходов. К сожалению, на открытие памятника я попасть не смог, т.к. в это время снимался в Москве в кинофильме "Бедная Саша". Какая все-таки несправедливость, когда так рано из жизни уходит талантливый человек без вредных привычек и приверженец здорового образа жизни! Ему было всего 60 лет.

Савелий Крамаров очень любил рассказывать и слушать анекдоты. Вот несколько любимых анекдотов Савелия (а иногда даже наша беседа с ним звучала как анекдот).

Иракский диктатор Саддам Хусейн очень суеверен. Пошел к гадалке и спросил, когда он умрет.

— Ты умрешь, когда будет большой еврейский праздник.

— А когда будет большой еврейский праздник?

— Когда ты умрешь.

***

Еврей приходит к врачу и жалуется, что он не испытывает прежнего интереса к сексу.

— А когда вы в последний раз занимались сексом с женой — спрашивает врач.

— Я так не помню, но могу позвонить жене и спросить.

Звонит:

— Алло, Сара, слушай, когда мы последний раз занимались сексом?

— А кто это говорит?

***

Чапаев в ОВИРе. Петька:

— Василий Иванович, ты что, тоже собрался в Израиль?

— Тихо, Петька, рэд оф идиш.

***

Еврей — врачу:

— Доктор, мне жена изменила, а рога не растут.

— Ну, голубчик, это же иносказательно, такое выражение, они и не должны расти.

— О, спасибо, доктор, вы меня успокоили, а то я думал, может, у меня кальция не хватает.

***

Еврей пришел с котом в синагогу и обратился к раввину:

— Ребе, моему коту исполнилось 13 лет, и я хочу, чтобы вы сделали ему бармицву.

— Вы что, с ума сошли?! Это синагога, а не зоопарк, мы делаем бармицву только людям.

— Ребе, этот кот, как человек, прошу вас...

— Я не хочу об этом слышать!

— Ребе, я так люблю эту синагогу и вас, как раввина, мне хотелось выписать вам чек на 100 тысяч

долларов...

— Что же вы сразу не сказали, что ваш кот

еврей?!

***

Я спрашиваю Крамарова:

— Савелий, ты хорошо знаешь еврейскую историю. Объясни мне, почему, когда Моисей выводил евреев из Египта, он шел с ними пустыней?

— С этими евреями ему было стыдно ходить по центральным улицам.

***

Крамаров возмущался, что какая-то часть наших иммигрантов все время чем-то недовольна, все время брюзжит: мол, вот раньше нам по медикейду выдавали кресла, электроприборы, а сейчас...

Я: — Савелий, успокой их. Скажи, что скоро по Медикейду они смогут получить электрический стул.

Игорь Губерман

Мой близкий друг Александр Половец, создатель и бывший редактор калифорнийской газеты "Панорама" ежегодно устраивает встречи для друзей в своем уютном хлебосольном доме. Поскольку Саша сам веселый умный и интересный человек, друзья у него тоже веселые умные и интересные, и мы все получаем от этих встреч большое удовольствие.

На одной из таких встреч я познакомился с Игорем Губерманом и позже побывал на его концерте. Очень интересный, до предела скромный, при этом безумно талантлив и соткан из юмора. Его выступление состоит из общения со зрителями и коротких стихотворений, в изобилии усыпанных фиоритурами, которые не принято произносить в присутствии женщин, но они настолько органично вплетены в текст и тесно связаны с юмором, что в этом нет никакой пошлости.

Я специально следил за реакцией зрительного зала, в котором сидело много интеллигентных пожилых людей с детьми. В начале выступления, услышав относительно безобидное "до

сраки", зрители краснели и опускали глаза, но по ходу концерта, глядя в честные непорочные глаза Игоря и невинное выражение лица, с которым он произносил все эти игривые слова, проникались убеждением, что дикий мат, несущийся со сцены — обычная ненормативная лексика, имеющая право на существование в современном русском языке — перестали стесняться и открыто хохотали.

На концерте зрители задали Губерману вопрос*, радует ли его популярность, помогает она ему или, наоборот, он ей тяготится? Игорь ответил:

— Бывает по-разному. Если нужно достать какой-либо дефицит или попасть на спектакль, когда нет билетов — популярность помогает. Но вот недавно в ресторане я зашел в туалет, там стоял человек, оказавшийся моим поклонником; он тут же переложил член из правой руки в левую и протянул мне правую, чтобы со мной поздороваться.

Мы были на обеде в одном доме, хозяйка которого оказалась художницей, пишущей абстрактные картины. С моей точки зрения такое можно написать только по пьянке — я имею в виду после отключки, но выяснилось, что этот бред неоднократно выставлялся в галереях, и каждая картина продавалась по 10 тысяч долларов. Когда хозяйка начала нам показывать плоды перманентной белой горячки, я мялся, пытаясь найти какие-то дипломатичные слова, но Игорь, глядя на художницу чистыми доверчивыми глазами сказал:

— Вы знаете, я просто охуеваю. Счастливая художница показывает следующую

мазню, и Игорь говорит:

— Милочка, я с каждым разом все больше охуеваю.

Причем говорит это без тени юмора, что называется "на голубом глазу". Это ж надо найти такую форму, а я, идиот, ломал себе голову!

Я влюблен в талантливых людей и счастлив, что познакомился с таким талантливым и остроумным человеком, как Игорь Губерман.

Для незнакомых с его творчеством я хочу предложить ряд стихотворений, написанных Игорем.

Игорь Губернман

Иерусалимский дневник

Еврею не резвиться на Руси
и воду не толочь в российской ступе
тот волос, на котором он висит
у русского народа — волос в супе

***

В мире много идей и затей
но вовек не случится в истории
чтоб мужчины рожали детей,
а евреи друг с другом не спорим
***
Забавно, что томит меня и мучает
нехватка в нашей жизни эмигрантской
отравного, зловонного, могучего
дыхания империи гигантской
***
С утра до тьмы Россия на уме
а ночью — боль участия и долга
неважно, что родился я в тюрьме
а важно, что прожил там очень долго
***
Еврейский дух слезой просолен,
душа — хронически болит;
еврей, который всем доволен —
покойник или инвалид.
***
Исчерпываюсь, таю, истощаюсь -
изнашивает всех судьба земная,
но многие, с которыми общаюсь,
давно уже мертвы, того не зная.
***
В неволе человек совсем другой,
и воля не его меняет резко,
а просто он становится собой,
а это очень часто очень мерзко.
***
Я Богу докучаю неспроста
и просьбу не считаю святотатством;
— тюрьмой уже меня Ты испытал,
попробуй испытать меня богатством.

Разговорчики

Я сидел в ресторане "Татьяна" на Бордвоке и ждал, когда начнутся съемки фильма "Постоянное место жительства". Сидящие вокруг выпивали и закусывали, а когда человек выпивает, он начинает говорить, причем говорить громко. Сидящий за соседним столиком мужчина средних лет агрессивно выступал против женитьбы.

— Хватит, сказал он, — фраеров больше нет. Женитьба укорачивает жизнь человеку минимум на 50%. Вечная грызня, ссоры, склоки, минуты спокойной нет. Если жена что-то про тебя

знает — можешь быть уверен, об этом все будут знать. Бабы все суки, недаром они живут намного дольше. Ты часто встречаешь вдовца? А среди баб их навалом. Вдова, вдова... есть еще веселая вдова. Похоронила своего лоха и веселится. А посмотри, что в Голливуде. Мужик вкалывал, заработал приличные бабки, потом сдуру женится, ну, терпит сколько может, потом, естественно, разводятся, и при разводе должен ей отдать десятки миллионов. А почему? Потому что она с ним жила? Да за эти деньги он бы мог перетрахать всю Америку, Европу и Азию, и еще бы бабки остались. Нет, надо быть последним мудаком, чтобы жениться.

Второй:— Да, вообще-то, тем более если есть бабки...

Третий: — А если уж жениться, то ни в коем случае не на еврейке.

Первый: — А какая разница?

Третий: — С еврейкой хлопот больше. Все ей сообщи, все ей расскажи — где был, что делал, что на работе, родственников куча — Изе позвони, Сему навести, Белла Израелевна придет в субботу, что мы купим Ривочке на годовщину свадьбы... Если заболела, так вообще секунды вздохнуть нет — вари ей бульончики, следи за температурой, ставь горчичники, бегай за лекарствами. А если, не дай Бог умрет — так это вообще катастрофа!

Второй: — Да, но, скажем, русская тоже может умереть.

Третий: — Ну и хуй с ней!

***

В Москве около газетного стенда двое читают газету. Один обычный молодой парень, а второй, видно, из "новых русских".

Молодой парень: — Ты смотри — война, в Сомали война, в Чечне, практичеса война, в Афганистане, как мы ушли, они толы настоящему и начали воевать, в Таджикистане таю Господи, хоть бы мы только не воевали, не дай Бог у нас что-то опять закрутится.

Новый русский: — Ты то еще что? Не было б войны, не было б войны... Тебе-то чего — взял винтовку и пошел, а нам с вещами ебаться.

***

В московской очереди одна женщина жалуется другой:

— Мой-то слышь, от меня ушел. К Зинке, небось, к этой рыжей побежал. А я-то что только для него не делала, все лучшее — все для него было. Если молоко, то первый самый жирный стакан ему; я масла почти не ела, но ему в кашу минимум 100 грамм бросала, ему мясо с жирком, а мне только постное, были деньги, не было денег — яичницу он всегда ел с салом. И после всего этого...

Я подумал: "Так он правильно сделал, что ушел. Такая диета может быть не самый быстрый, но самый верный способ покончить жизнь самоубийством".

***

У работающего в бруклинском ресторане официанта спросили, как с типами (чаевыми по-английски): — Типов много, а денег мало.

В заключение я хочу сказать несколько серьезных слов о человеке, которому я посвятил написанную с юмором главу, но которым я безмерно горжусь — о моем сыне Емельяне. Емельян, и это не только мое мнение, но и мнение многих людей, начиная от его педагогов и профессуры в России и кончая десятками тысяч слушателей, восхищающимися его музыкой, гениальный композитор, рождающийся раз в столетие.

Когда меня в Союзе посадили в тюрьму, и была задача помешать Емельяну поступить в консерваторию, не дать рекомендацию и отправить в армию, никто на педагогическом совете даже не пытался что-то сказать о его профессиональных недостатках — настолько явно была видна пропасть между ним и остальными претендентами на рекомендацию — говорили о том, что он не комсомолец, манкирует субботниками и не проявляет политической активности на занятиях по военному делу. Емельян — единственный человек в Советском Союзе, поступивший в консерваторию без рекомендации. Хотя без рекомендации документы просто не принимают, Емельян пришел на предварительное прослушивание, и после этого вопрос о документах уже не стоял. Его бы приняли, даже если бы он предъявил документы на имя Адольфа Гитлера.

Емельян живет в своем мире и пишет божественную музыку, не обращая внимания ни на так называемые «современные тенденции, объявившие скрип несмазанной телеги классикой и величайшим достижением человеческого гения, ни на бешеные заработки ничтожеств, не имеющих к музыке никакого отношения, но исправно стряпающих один дешевенький шлягер за другим. Как результат, он полностью отрезан от двух кормушек, вокруг которых толкутся сегодняшние композиторы и композиторы-песенники. К коммерческой дешевочке он, естественно, не имеет никакого отношения, а для современных классических кругов он не просто враг, но сама угроза их существованию.

Многие обыватели, зациклившиеся на деньгах, акциях и пенсионных вкладах, недоумевают и спрашивают меня — как так получилось, что мой сын нигде не работает?

Емельян не получает денег, но работает — пишет и

записывает свою музыку — по 15 часов в сутки, а не стремится он к тому, что они считают смыслом жизни, потому что не хочет разменивать свой непостижимый талант на преходящие символы материального успеха.

Запись его музыки стоит сумасшедших денег, но Емелюшка, твой бедный спонсор отец готов работать в шахте, на Чернобыльской атомной станции, чтобы вновь и вновь переживать момент, когда на твоем авторском концерте в Карнеги Холл, две с половиной тысячи человек встали и, стоя, 40 минут скандировали композитору, чье имя они в этот день услышали впервые.

Я надеюсь дожить до того дня, когда мир по достоинству оценит твой талант, и люди, слушая тебя, станут разумнее, добрее и такими же прекрасными, как твоя музыка.

Дай Бог, чтобы вдохновение тебя не покидало!

Живи спокойно — забросаю деньгами.

***

Дорогие читатели! Надеюсь, прочитав книгу вы получили удовольствие. Желаю вам здоровья, удачи, счастья; живите до ста лет, а если мало — звоните мне, и я продлю.

Ваш Борис Сичкин.